

ISSN 2072-8522

Вестник

МОСКОВСКОГО
ГОСУДАРСТВЕННОГО
ОБЛАСТНОГО
УНИВЕРСИТЕТА

Серия *Русская филология*

СУБЪЕКТИВНАЯ МОДАЛЬНОСТЬ РАДИОДИСКУРСА

УРАЛЬСКИЕ САМОЦВЕТЫ
В МИФОПОЭТИЧЕСКОЙ ТРАДИЦИИ

МОТИВ ДОРОГИ В РОМАНЕ Ю.Н. ТЫНЯНОВА
«СМЕРТЬ ВАЗИР-МУХТАРА»

«ЛИТЕРАТУРА МИРА» (LITTÉRATURE-MONDE)
В ИЕРАРХИИ МИРОВОЙ ЛИТЕРАТУРЫ:
К ПРОБЛЕМЕ ОПРЕДЕЛЕНИЯ ПОНЯТИЯ

2014 / № 6

РУССКАЯ ФИЛОЛОГИЯ

Научный журнал основан в 1998 г.

«Вестник Московского государственного областного университета» (все его серии) включён в «Перечень ведущих рецензируемых научных журналов и изданий, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертации на соискание учёной степени доктора и кандидата наук» Высшей аттестационной комиссии при Министерстве образования и науки Российской Федерации (См.: Список журналов на сайте ВАК при Минобрнауки России) по наукам, соответствующим названию серии.

The academic journal is established in 1998

«Bulletin of Moscow State Regional University» (all its series) is included by the Supreme Certifying Commission of the Ministry of Education and Science of the Russian Federation into “the List of leading reviewed academic journals and periodicals recommended for publishing in corresponding series basic research thesis results for a Ph.D. Candidate or Doctorate Degree” (See: the online List of journals at the site of the Supreme Certifying Commission of the Ministry of Education and Science of the Russian Federation).

RUSSIAN PHILOLOGY

BULLETIN OF THE MOSCOW STATE
REGIONAL UNIVERSITY

Учредитель журнала «Вестник МГОУ»: Московский государственный областной университет

Выходит 6 раз в год

Редакционно-издательский совет «Вестника МГОУ»

Хроменков П.Н. — к.филол.н., проф., ректор МГОУ (председатель совета)

Ефремова Е.С. — к. филол. н., и.о. проректора по научной работе МГОУ (зам. председателя);

Клычников В.М. — к.ю.н., к.и.н., проф., проректор по учебной работе и международному сотрудничеству МГОУ (зам. председателя)

Антонова Л.Н. — д.пед.н., проф., академик РАО, Комитет Совета Федерации по науке, образованию и культуре

Асмолов А.Г. — д.псх.н., проф., академик РАО, директор Федерального института развития образования

Климов С.Н. — д.ф.н., проф., Московский государственный университет путей сообщения (МИИТ)

Клобуков Е.В. — д. филол. н., проф., Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова

Манойло А.В. — д.пол.н., проф., МГУ им. М.В. Ломоносова

Новоселов А.Л. — д.э.н., проф., Российский экономический университет им. Г.В. Плеханова

Пасечник В.В. — д.пед.н., проф., МГОУ

Поляков Ю.М. — к. филол. н., главный редактор «Литературной газеты»

Рюмцев Е.И. — д.ф.-м.н., проф., Санкт-Петербургский государственный университет

Хухуни Г.Т. — д.филол.н., проф., МГОУ

Чистякова С.Н. — д. пед.н., проф., Российская академия образования (г. Москва)

ISSN 2072-8522

Вестник Московского государственного областного университета. Серия «Русская филология». 2014. № 6. М.: ИИУ МГОУ. 124 с.

Журнал «Вестник МГОУ» серия «Русская филология» зарегистрирован в Федеральной службе по надзору за соблюдением законодательства в сфере массовых коммуникаций и охране культурного наследия. Регистрационное свидетельство ПИ № ФС77-26173

**Индекс серии «Русская филология»
по Объединённому каталогу «Пресса России» 40718**

© МГОУ, 2014.

© ИИУ МГОУ, 2014.

**Адрес Отдела по изданию научного журнала
«Вестник МГОУ»**

г. Москва, ул. Радио, д.10а, офис 98

тел. (499) 261-43-41; (495) 723-56-31

e-mail: vest_mgou@mail.ru; сайт: www.vestnik-mgou.ru

Редакционная коллегия серии «Русская филология»

Ответственный редактор серии:

Лекант П.А. — д.филол.н., проф.

Заместитель ответственного редактора серии:

Шаповалова Т.Е. — д.филол.н., проф.

Ответственный секретарь серии:

Самсонов Н.Б. — к.филол.н., доц.

Члены редакционной коллегии:

Алексеева Л.Ф. — д.филол.н., проф.; **Аношкина В.Н.** —

д.филол.н., проф.; **Леденёва В.В.** — д.филол.н., проф.; **Киселёва И.А.** —

д.филол.н., проф.; **Копосов Л.Ф.** — д.филол.н.,

проф.; **Шаталова О.В.** — д.филол.н., проф.; **Воропаев В.А.** —

д.филол.н., проф., МГУ им. М.В. Ломоносова; **Моторин А.В.** —

д.филол.н., проф. (Новгородский государственный университет

имени Ярослава Мудрого); **Нагорный И.А.** — д.филол.н., проф.

(Белгородский государственный национальный исследовательский

университет); **Петров А.В.** — д.филол.н., доц. (Институт

филологии и межкультурной коммуникации Северного (Арктического)

федерального университета имени М.В. Ломоносова, г.

Архангельск); **Рацибурская Л.В.** — д.филол.н., проф. (Нижегородский

государственный университет им. Н.И. Лобачевского);

Супрун В.И. — д. филол. н., проф., Волгоградский государственный

социально-педагогический университет; **Аврамова В.Н.** —

доктор филологии, проф. (Шуменский университет имени Епископа

Константина Преславского, Болгария); **Вегвари В.** — к.п.н.

(Печский университет, руководитель Русского центра, Венгрия);

Гусман-Тирадо Р. — д.филол.н., проф. (Гранадский университет,

Испания); **Догнал Й.** — к.филол.н., д.философии, доц. (Институт

славистики Университета им. Масарика, Чешская Республика);

Колларова Э. — проф., канд.н., Институт русско-словацких культурных

исследований Католического университета в Ружомберке (Словакия);

Норман Б.Ю. — д.филол.н., проф., БГУ (Республика Беларусь);

Финк-Арсовски Ж. — д.филол.н., проф., Загребский университет

(Хорватия); **Шеншина В.А.** — лектор (Хельсинский университет,

Финляндия)

Журнал включён в базу данных Российского индекса научного цитирования (РИНЦ), имеет полнотекстовую сетевую версию в Интернете на платформе Научной электронной библиотеки (www.elibrary.ru), а также на сайте Московского государственного областного университета (www.vestnik-mgou.ru)

При цитировании ссылка на конкретную серию «Вестника МГОУ» обязательна. Воспроизведение материалов в печатных, электронных или иных изданиях без разрешения редакции запрещено. Опубликованные в журнале материалы могут использоваться только в некоммерческих целях. Ответственность за содержание статей несут авторы. Мнение редколлегии серии может не совпадать с точкой зрения автора. Рукописи не возвращаются.

The founder of journal «Bulletin of the MSRU»: Moscow State Regional University

Issued 6 times a year

Series editorial board «Russian philology»

Editor-in-chief:

P.A. Lecant – Doctor of Philology, Professor

Deputy editor-in-chief:

T.Ye. Shapovalova – Doctor of Philology, Professor

Executive secretary of the series:

N.B. Samsonov – Ph.D. in Philology Sciences, Associate Professor
Members of Editorial Board:

L.F. Alekseyeva – Doctor of Philology, Professor; **V.N. Anoshkina** – Doctor of Philology, Professor; **V.V. Ledeneva** – Doctor of Philology, Professor; **I.A. Kiseleva** – Doctor of Philology, Associate Professor; **L.F. Kopusov** – Doctor of Philology, Professor;

O.V. Shatalova – Doctor of Philology, Professor; **V.A. Voropayev** – Doctor of Philology, Professor (Lomonosov Moscow State University); **A.V. Motorin**, Doctor of Philology, Professor (the Yaroslavl-the-Wise Novgorod State University); **I.A. Nagorny** – Doctor of Philology, Professor; (Belgorod State National Research University);

A.V. Petrov – Doctor of Philology, Associate Professor; (the Institute of Philology and Cross-Cultural Communication of the Northern (Arctic) Federal University named after M.V. Lomonosov); **L.V. Ratsiburskaya** – Doctor of Philology, Professor, N.I. Lobachevsky State University of Nizhny Novgorod; **V.I. Suprun** – Doctor of Philology, Professor, VSSPU; **V.N. Avramova** – Doctor of Philology, Professor, University of Shumen Bishop Konstantin of Preslav (Bulgaria); **V. Vegvari** – Ph.D. in Pedagogical Sciences, University of Pécs (Hungary); **R. Guzmán Tirado** – Doctor of Philology, Professor (the University of Granada, Spain); **J. Dohnal** – Ph.D. in Philological Sciences, Doctor of Philosophy, Associate Professor (the Institute of Slavonic Studies, Masaryk University, Czech Republic); **E. Kollarova** – Professor, Candidate of Sciences (Institute of Russian-Slovak Cultural Studies of the Catholic University in Ruzomberok, Slovakia); **B. Yu. Norman** – Doctor of Philology, Professor, BSU (Republic of Belarus); **Ž. Fink Arsovski** – Doctor of Philology, Professor (the University of Zagreb, Croatia);

V.A. Shenshina – Lecturer of Helsinki University (Finland)

The journal is included into the database of the Russian Science Citation Index, has a full text network version on the Internet on the platform of Scientific Electronic Library (www.elibrary.ru), as well as at the site of the Moscow State Regional University (www.vestnik-mgou.ru)

At citing the reference to a particular series of «Bulletin of the Moscow State Regional University» is obligatory. The reproduction of materials in printed, electronic or other editions without the Editorial Board permission, is forbidden. The materials published in the journal are for non-commercial use only. The authors bear all responsibility for the content of their papers. The opinion of the Editorial Board of the series does not necessarily coincide with that of the author. Manuscripts are not returned.

Publishing council «Bulletin of the MSRU»

P.N. Khromenkov – Ph. D. in Philology, Professor, Principal of MSRU (Chairman of the Council)

E.S. Yefremova – Ph. D. in Philology, Acting Vice-Principal for scientific work of MSRU (Vice-Chairman of the Council)

V.M. Klychnikov – Ph.D. in Law, Ph. D. in History, Professor, Vice-Principal for academic work and international cooperation of MSRU (Vice-Chairman of the Council)

L.N. Antonova – Doctor of Pedagogics, Professor, Member of the Russian Academy of Education, The Council of the Federation Committee on Science, Education and Culture

A.G. Asmolv – Doctor of Psychology, Professor, Member of the Russian Academy of Education, Principal of the Federal Institute of Development of Education

S.N. Klimov – Doctor of Philosophy, Professor, Moscow State University of Railway Engineering

E.V. Klobukov – Doctor of Philology, Professor, Lomonosov Moscow State University

A.V. Manoylo – Doctor of Political Science, Professor, Lomonosov Moscow State University

A.I. Novosjolv – Doctor of Economics, Professor, Plekhanov Russian University of Economics

V.V. Pasechnik – Doctor of Pedagogics, Professor, MSRU

Yu. M. Polyakov – Ph.D. in Philology, Editor-in-chief of “Literaturnaya Gazeta”

E.I. Rjuntsev – Doctor of Physics and Mathematics, Professor, Saint Petersburg State University

G. T. Khukhuni – Doctor of Philology, Professor, MSRU

S.N. Chistyakova – Doctor of Pedagogics, Professor, the Russian Academy of Education

ISSN 2072-8522

Bulletin of the Moscow State Regional University. Series «Russian Philology». 2014. № 6. M.: MSRU Publishing house. 124 p.

The series «Russian Philology» of the Bulletin of the Moscow State Regional University is registered in Federal service on supervision of legislation observance in sphere of mass communications and cultural heritage protection. The registration certificate ПИ № 0С77-26173

Index of the series «Russian Philology» according to the union catalog «Press of Russia» 40718

© MSRU, 2014.

© MSRU Publishing house, 2014.

**The Editorial Board address:
Moscow State Regional University**

10a Radio st., office 98, Moscow, Russia

Phones: (499) 261-43-41; (495) 723-56-31

e-mail: vest_mgou@mail.ru; site: www.vestnik-mgou.ru

The founder of journal «Bulletin of the MSRU»: Moscow State Regional University

Issued 6 times a year

Series editorial board «Russian philology»

Editor-in-chief:

P.A. Lecant – Doctor of Philology, Professor

Deputy editor-in-chief:

T.Ye. Shapovalova – Doctor of Philology, Professor

Executive secretary of the series:

N.B. Samsonov – Ph.D. in Philology Sciences, Associate Professor
Members of Editorial Board:

L.F. Alekseyeva – Doctor of Philology, Professor; **V.N. Anoshkina** – Doctor of Philology, Professor; **V.V. Ledeneva** – Doctor of Philology, Professor; **I.A. Kiseleva** – Doctor of Philology, Associate Professor; **L.F. Koposov** – Doctor of Philology, Professor;

O.V. Shatalova – Doctor of Philology, Professor; **V.A. Voropayev** – Doctor of Philology, Professor (Lomonosov Moscow State University); **A.V. Motorin**, Doctor of Philology, Professor (the Yaroslavl-the-Wise Novgorod State University); **I.A. Nagorny** – Doctor of Philology, Professor; (Belgorod State National Research University);

A.V. Petrov – Doctor of Philology, Associate Professor; (the Institute of Philology and Cross-Cultural Communication of the Northern (Arctic) Federal University named after M.V. Lomonosov); **L.V. Ratsiburskaya** – Doctor of Philology, Professor, N.I. Lobachevsky State University of Nizhny Novgorod; **V.I. Suprun** – Doctor of Philology, Professor, VSSPU; **V.N. Avramova** – Doctor of Philology, Professor, University of Shumen Bishop Konstantin of Preslav (Bulgaria); **V. Vegvari** – Ph.D. in Pedagogical Sciences, University of Pécs (Hungary); **R. Guzmán Tirado** – Doctor of Philology, Professor (the University of Granada, Spain); **J. Dohnal** – Ph.D. in Philological Sciences, Doctor of Philosophy, Associate Professor (the Institute of Slavonic Studies, Masaryk University, Czech Republic); **E. Kollarova** – Professor, Candidate of Sciences (Institute of Russian-Slovak Cultural Studies of the Catholic University in Ruzomberok, Slovakia); **B. Yu. Norman** – Doctor of Philology, Professor, BSU (Republic of Belarus); **Ž. Fink Arsovski** – Doctor of Philology, Professor (the University of Zagreb, Croatia);

V.A. Shenshina – Lecturer of Helsinki University (Finland)

The journal is included into the database of the Russian Science Citation Index, has a full text network version on the Internet on the platform of Scientific Electronic Library (www.elibrary.ru), as well as at the site of the Moscow State Regional University (www.vestnik-mgou.ru)

At citing the reference to a particular series of «Bulletin of the Moscow State Regional University» is obligatory. The reproduction of materials in printed, electronic or other editions without the Editorial Board permission, is forbidden. The materials published in the journal are for non-commercial use only. The authors bear all responsibility for the content of their papers. The opinion of the Editorial Board of the series does not necessarily coincide with that of the author. Manuscripts are not returned.

Publishing council «Bulletin of the MSRU»

P.N. Khromenkov – Ph. D. in Philology, Professor, Principal of MSRU (Chairman of the Council)

E.S. Yefremova – Ph. D. in Philology, Acting Vice-Principal for scientific work of MSRU (Vice-Chairman of the Council)

V.M. Klychnikov – Ph.D. in Law, Ph. D. in History, Professor, Vice-Principal for academic work and international cooperation of MSRU (Vice-Chairman of the Council)

L.N. Antonova – Doctor of Pedagogics, Professor, Member of the Russian Academy of Education, The Council of the Federation Committee on Science, Education and Culture

A.G. Asmolv – Doctor of Psychology, Professor, Member of the Russian Academy of Education, Principal of the Federal Institute of Development of Education

S.N. Klimov – Doctor of Philosophy, Professor, Moscow State University of Railway Engineering

E.V. Klobukov – Doctor of Philology, Professor, Lomonosov Moscow State University

A.V. Manoylo – Doctor of Political Science, Professor, Lomonosov Moscow State University

A.I. Novosjolv – Doctor of Economics, Professor, Plekhanov Russian University of Economics

V.V. Pasechnik – Doctor of Pedagogics, Professor, MSRU

Yu. M. Polyakov – Ph.D. in Philology, Editor-in-chief of “Literaturnaya Gazeta”

G.I. Rjuntsev – Doctor of Physics and Mathematics, Professor, Saint Petersburg State University

G. T. Khukhuni – Doctor of Philology, Professor, MSRU

S.N. Chistyakova – Doctor of Pedagogics, Professor, the Russian Academy of Education

ISSN 2072-8522

Bulletin of the Moscow State Regional University. Series «Russian Philology». 2014. № 6. M.: MSRU Publishing house. 124 p.

The series «Russian Philology» of the Bulletin of the Moscow State Regional University is registered in Federal service on supervision of legislation observance in sphere of mass communications and cultural heritage protection. The registration certificate ПИ № 0С77-26173

Index of the series «Russian Philology» according to the union catalog «Press of Russia» 40718

© MSRU, 2014.

© MSRU Publishing house, 2014.

**The Editorial Board address:
Moscow State Regional University**

10a Radio st., office 98, Moscow, Russia

Phones: (499) 261-43-41; (495) 723-56-31

e-mail: vest_mgou@mail.ru; site: www.vestnik-mgou.ru

СОДЕРЖАНИЕ

РАЗДЕЛ I. ЯЗЫКОЗНАНИЕ

<i>Канафьева А. В.</i> ГРАММАТИЧЕСКОЕ И СЕМАНТИЧЕСКОЕ Я В РИТОРИЧЕСКОМ ВЫСКАЗЫВАНИИ.....	8
<i>Копосов Л. Ф.</i> ЗАМЕТКИ ОБ ОДНОМ ОФИЦИАЛЬНО- ГОСУДАРСТВЕННОМ ДОКУМЕНТЕ ВТОРОЙ ПОЛОВИНЫ XVIII в.....	14
<i>Орехова Е. Н.</i> СУБЪЕКТИВНАЯ МОДАЛЬНОСТЬ РАДИОДИСКУРСА.....	19
<i>Рупосова Л. П., Николашвили М. Н.</i> УРАЛЬСКИЕ САМОЦВЕТЫ В МИФОПОЭТИЧЕСКОЙ ТРАДИЦИИ	26
<i>Трафименкова Т. А.</i> РЕПРЕЗЕНТАЦИЯ РАСТЕНИЙ В ЭТИМОЛОГИЧЕСКОЙ ЛЕКСИКОГРАФИИ КАК ОТРАЖЕНИЕ ФРАГМЕНТА ЯЗЫКОВОЙ ДЕЙСТВИТЕЛЬНОСТИ	35
<i>Герасименко Н. А.</i> ЖАНР И СИНТАКСИС: К ПРОБЛЕМЕ ИСПОЛЬЗОВАНИЯ БИСУБСТАНТИВНЫХ ПРЕДЛОЖЕНИЙ В ГАЗЕТНОМ ТЕКСТЕ.....	45
<i>Козловская А. А.</i> О НЕКОТОРЫХ ЯЗЫКОВЫХ СРЕДСТВАХ ИНТЕНСИФИКАЦИИ СЕМАНТИКИ ПРЕДИКАТИВА В ПОЭТИЧЕСКИХ ТЕКСТАХ СЕРЕБРЯНОГО ВЕКА.....	50
<i>Кривоносова М. А.</i> ЗМЕЙ (ЗМИЙ, ЗМЕЙ, ЗМИЙ, ЗМЕЯ) КАК СПОСОБ РЕПРЕЗЕНТАЦИИ ОБЩЕКУЛЬТУРНЫХ УЗУАЛЬНЫХ И АВТОРСКИХ СИМВОЛИЧЕСКИХ ЗНАЧЕНИЙ В ПОЭЗИИ МАКСИМИЛИАНА ВОЛОШИНА	55
<i>Мацкевич С. М.</i> СРЕДСТВА ОБЪЕКТИВАЦИИ КОНЦЕПТУАЛЬНОГО ПРИЗНАКА «ПРОСТРАНСТВО» В ЛИРИЧЕСКОМ ЦИКЛЕ И. А. БУНИНА «ИСЛАМ»	63
<i>Петрова О. О.</i> КУЛЬТУРНО-ИДЕОЛОГИЧЕСКИЕ СОЗНАЧЕНИЯ В СЕМАНТИКЕ СЛОВ В РАСОВО-ЭТНИЧЕСКОЙ, НАЦИОНАЛЬНОЙ СФЕРАХ.....	68

РАЗДЕЛ II. ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЕ

<i>Михайлова И. П.</i> ПЕРВАЯ МИРОВАЯ ВОЙНА В ТВОРЧЕСТВЕ ПОЭТОВ КУРСКОГО КРАЯ	75
<i>Ахриева Л. М.</i> МОТИВ ДОРОГИ В РОМАНЕ Ю. Н. ТЫНЯНОВА «СМЕРТЬ ВАЗИР-МУХТАРА»	83

Боруруева Н.В. «ЛИТЕРАТУРА МИРА» (LITTÉRATURE-MONDE) В ИЕРАРХИИ МИРОВОЙ ЛИТЕРАТУРЫ: К ПРОБЛЕМЕ ОПРЕДЕЛЕНИЯ ПОНЯТИЯ.....	88
Кузина О.В. ЭПОХА «СМУТНОГО ВРЕМЕНИ» НА СТРАНИЦАХ «ЛИТЕРАТУРНОЙ ГАЗЕТЫ» А.А. ДЕЛЬВИГА	94
Попова Н. В. ЭЛЕМЕНТЫ СЕМЕЙНОЙ ОБРЯДОВОЙ ПОЭЗИИ В ЭПИЧЕСКОЙ ПОЭМЕ П. ВАСИЛЬЕВА «СОЛЯНОЙ БУНТ».....	100
Самофалова Е.А. САМОРЕПРЕЗЕНТАЦИЯ АВТОРА В ЖЕНСКИХ МЕМУАРНЫХ ТЕКСТАХ XIX ВЕКА	107

НАУЧНАЯ ЖИЗНЬ

«ЛИТЕРАТУРА В ШКОЛЕ»: 100 ЛЕТ НА СЛУЖБЕ ФИЛОЛОГИЧЕСКОГО ОБРАЗОВАНИЯ И НАУКИ.....	113
---	-----

РЕЦЕНЗИИ

РЕЦЕНЗИЯ НА МОНОГРАФИЮ: SIMONA KORYČANKOVÁ (СИМОНА КОРЫЧАНКОВА). ЛЕКСИКО-СЕМАНТИЧЕСКОЕ ОФОРМЛЕНИЕ ФИЛОСОФСКИ ЗНАЧИМЫХ ОБРАЗОВ В ПОЭЗИИ В.С. СОЛОВЬЁВА. BRNO: MASARIKOVA UNIVERZITA, PEDAGOGICKA FAKULTA, 2013. 202 S.	116
ЛИТЕРАТУРА РУССКОГО ПРЕДРОМАНТИЗМА: МИРОВОЗЗРЕНИЕ, ЭСТЕТИКА, ПОЭТИКА: МОНОГРАФИЯ / Т.В. ФЕДОСЕЕВА, А.В. МОТОРИН, А.И. РАЗЖИВИН, А.Н. ПАШКУРОВ, А.В. ПЕТРОВ, В.В. БИТКИНОВА, Н.И. НЕДАШКОВСКАЯ, Ю.Г. ДОРОФЕЕВА; ПОД РЕД. Т.В. ФЕДОСЕЕВОЙ. – РЯЗАНЬ: РЯЗАНСКИЙ ГОС. УНИВЕРСИТЕТ ИМ. С.А. ЕСЕНИНА, 2012. 492 С.	120
Наши авторы	122

CONTENTS

SECTION I. LINGUISTICS

A. Kanafyeva. GRAMMATICAL AND SEMANTIC “SELF” IN THE RHETORICAL STATEMENT.....	8
L. Kopusov. NOTES ON THE FORMAL-STATE DOCUMENT OF THE SECOND HALF OF THE 18TH CENTURY.....	14
E. Orekhova. SUBJECTIVE MODALITY OF RADIOTEXT.....	19
L. Ruposova, M. Nikolashvili. URAL GEMS IN THE MYTHOPOETICAL TRADITION	26
T. Trafimenkova. REPRESENTATION OF PLANTS IN THE ETIMOLOGICAL LEXICOGRAPHY AS A REFLECTION OF A FRAGMENT OF LINGUISTIC REALITY.....	35
N. Gerasimenko. GENRE AND SYNTAX: ON THE PROBLEM OF USE OF BISUBSTANTIVE SENTENCES IN THE NEWSPAPER TEXT	45
A. Kozlovskaya. ON SOME LANGUAGE MEANS OF SEMANTIC INTENSIFICATIONS OF PREDICATIVE IN POETIC TEXTS OF THE SILVER AGE	50
M. Krivososova. ЗМЕЙ (ЗМИЙ, ЗМЕЙ, ЗМИЙ, ЗМЕЯ) AS A WAY OF REPRESENTATION OF COMMON CULTURAL USUAL AND AUTHOR’S SYMBOLICAL MEANINGS IN MAXIMILIAN VOLOSHIN’S POETRY	55
S. Matkevich. MEANS OF OBJECTIFICATION OF A CONCEPTUAL SIGN «SPACE» IN THE LYRICAL CYCLE «ISLAM» OF IVAN BUNIN	63
O. Petrova. CULTURAL AND IDEOLOGICAL CONNOTATIONS IN THE SEMANTICS OF WORDS IN RACIAL-ETHNIC AND NATIONAL SPHERES.....	68

SECTION II. LITERARY STUDIES

I. Mikhaylova. THE FIRST WORLD WAR IN THE WORKS OF POETS OF KURSK REGION	75
L. Akhrieva. MOTIF OF ROADS IN Y. TYNIANOV’S NOVEL «DEATH OF VAZIR-MUKHTAR»	83
N. Borurueva. «LITTÉRATURE-MONDE» IN THE HIERARCHY OF THE WORLD LITERATURE: THE PROBLEM OF DEFINITION.....	88
O. Kuzina. THE ERA OF «TIME OF TROUBLES» IN «LITERARY NEWSPAPER» OF A. DELVIG.....	94

<i>N. Popova.</i> ELEMENTS OF FAMILY CEREMONIAL POETRY IN EPIC POEM BY P. VASILYEV "SALT RIOT"	100
<i>E. Samofalova.</i> AUTHOR'S SELF-REPRESENTATION IN WOMEN'S MEMOIRS TEXTS OF 19TH CENTURY	107

SCIENTIFIC LIFE

«LITERATURE AT SCHOOL»: 100 YEARS IN THE SERVICE OF PHILOLOGICAL EDUCATION AND SCIENCE.....	113
--	-----

REVIEW

REVIEW OF THE MONOGRAPH: SIMONA KORYČANKOVÁ (SIMON KORYCHANKOVA). LEXICAL-SEMANTIC DESIGN OF PHILOSOPHICALLY MEANINGFUL IMAGES IN POETRY OF V. SOLOVYOV. - BRNO: MASARIKOVA UNIVERZITA, PEDAGOGICKA FAKULTA, 2013. - 202 S.	116
--	-----

T. ALPATOVA. RUSSIAN LITERATURE OF PREROMANTICISM: OUTLOOK, AESTHETICS, POETICS: MONOGRAPH / T. FEDOSEEVA, A. MOTORIN, A. RAZZHIVIN, A. PASHKUROV, A. PETROV, V. BITKINOVA, N. NEDASHKOVSKAYA, Y. DOROFEEVA; ED. T. FEDOSEEVA. - RYAZAN: YESENIN RYAZAN STATE UNIVERSITY, 2012. - 492 PP.	120
<i>Our authors</i>	122

РАЗДЕЛ I. ЯЗЫКОЗНАНИЕ

УДК 81'367.322

Канафьева А. В.

Московский государственный областной университет

ГРАММАТИЧЕСКОЕ И СЕМАНТИЧЕСКОЕ Я В РИТОРИЧЕСКОМ ВЫСКАЗЫВАНИИ

Аннотация. Одной из отличительных особенностей риторического высказывания как экспрессивной синтаксической единицы является его субъективный характер: отражение эмоционально-психической сферы говорящего, системы его ценностей, отношения к себе и к окружающему. Этими качествами риторического высказывания обусловлено особое внимание к говорящему субъекту, который выступает и субъектом действия, и субъектом состояния, и субъектом восприятия, и субъектом мнения, и субъектом оценки. Отмечаются разнообразные способы представления говорящего в риторическом высказывании: специализированные глагольные и местоимённые формы; прономинальные компоненты *кто* в отрицательных и *кто не* в утвердительных риторических высказываниях, включающие *я* говорящего; конструктивно-синтаксический в инфинитивных риторических высказываниях. Персональная семантика риторических высказываний, как и другие категории предикативности, характеризуется обобщённостью.

Ключевые слова: высказывание, риторическое высказывание, речевой акт, персональность, лицо говорящее, субъект высказывания, категории предикативности, обобщённое значение.

A. Kanafyeva

Moscow State Regional University

GRAMMATICAL AND SEMANTIC “SELF” IN THE RHETORICAL STATEMENT

¹Abstract. One of the distinguishing features of the rhetorical statement as expressive syntactic unit is its subjective nature: the reflection of the emotional and mental sphere of the speaker, his system of values, attitudes towards himself and others. These qualities of the rhetorical statement explain the special attention to the speaker who acts also as the subject of the action, the subject of the state, the subject of the perception, the subject of the opinion and the subject of the evaluation. A rhetorical statement can have different ways of presenting the speaker: specialized verbal and pronominal forms; pronominal components “who” in negative

© Канафьева А. В., 2014.

or affirmative rhetorical statements that include the speaker; constructive and syntactic way in the infinitive rhetorical statements. Personal semantics of rhetorical statement, as well as other categories of predication, is characterized by its generality.

Keywords: statement; rhetorical statement, act of speech, personality, the person speaking, the subject of the statement, categories of the predication, generalized meaning.

Главной фигурой речевого акта, «творцом» высказывания является говорящий. Именно он распределяет роли и между участниками речевого акта, и между участниками обозначаемой ситуации: «...Семантическая категория лица (персональности) соотносит – с точки зрения говорящего – обозначаемую ситуацию и её участников с участниками речевого акта, прежде всего с говорящим, т. е. имеет явно выраженную актуализационную природу» [4, с. 547]; «То или иное отношение к лицу устанавливается с точки зрения говорящего и ориентируется прежде всего на говорящее лицо как центральную фигуру речевого акта» [4, с. 544].

Говорящим определяются в предложении значения лица, времени и модальности, обусловленные «объективным положением говорящего лица в момент речи по отношению к собеседнику и к отражаемому и выражаемому в предложении «отрезку», «кусочку» действительности» [5, с. 268].

Лицо говорящее, лицо, являющееся собеседником или просто воспринимающим речь (слушатель или читатель), лицо, не являющееся участником речевого акта – «грамматическое 3-е лицо», как определял его В.В. Виноградов [5, с. 270] – это полный состав субъектов, имеющих отношение к высказыванию.

Субъект высказывания одновременно может присутствовать в высказывании в качестве субъекта речи, говорящего, субъекта восприятия,

субъекта размышления, субъекта оценки и пр.

Формирование семантической структуры субъекта в конкретном высказывании складывается из нескольких этапов: 1) соотнесённость высказывания с действительностью, чтобы оно не было бессодержательным, пустым; 2) таксономические параметры высказывания, чтобы оно понималось адекватно; 3) номинация, чтобы воспринимающим речь был понятен предмет речи; 4) индивидуализация, позволяющая эксплицировать индивидуальные свойства референта. Н.Д. Арутюнова называет эти этапы программой, фазами конкретного суждения [2, с. 323, 334].

Е.А. Красина подчёркивает, что «высказывание – это всегда индивидуальный и, как правило, единичный акт, поэтому можно утверждать, что говорящий присваивает язык, а затем выражает свой статус говорящего различными специальными средствами и приёмами» [7, с. 15].

В риторическом высказывании значения лица, времени и модальности определяются не столько объективным положением говорящего, сколько его субъективным состоянием. Являясь модификацией вопросительного предложения, риторическое высказывание имеет и особые способы выражения модальных, темпоральных и персональных значений.

По отношению к риторическому высказыванию очень важен вопрос о субъекте говорящем, авторе ритори-

ческого высказывания – центральной фигуре речевого акта. Употребление им в речи риторического высказывания находится в прямой зависимости от его внутренней программы, личностных качеств, включающих и восприятие всего окружающего, и отношение к отдельным составляющим это окружающее реалиям, и характер, и темперамент, и степень его эмоциональности, и многое другое, что находит отражение в характере его речи. «Личная сфера» говорящего включает и его самого, и «всё, что ему близко физически, морально и интеллектуально» [1, с. 645].

О лице говорящем Н.Ю. Шведова отмечала, что оно «не может быть признано собственно синтаксической категорией, формирующей предикативность как грамматическое значение предложения» [10, с. 149], но персональность как актуализационная категория так или иначе выявляется в любом высказывании [2, с. 547].

Представление лица говорящего в риторическом высказывании имеет ряд особенностей, связанных, в первую очередь, с тем, что риторическое высказывание является специализированной экспрессивной формой выражения мыслей и чувств говорящего, субъективно-эмоционального восприятия реальности, представления концептуально значимых понятий языковой личности, передачи интенционального состояния говорящего.

Многие из моделей риторического высказывания приобрели характер фразеологизированных, имеющих обобщённые категории темпоральности и персональности, специфические модальные значения.

Обобщённое персональное значение имеют инфинитивно-прономи-

нальные и инфинитивно-партикулярные конструкции, характеризующиеся высокой степенью афористичности, назидательности, представляющие обобщение жизненного опыта говорящего. Говорящий «включён» в не названный, но воспринимаемый как обобщённый субъект действия, состояния: *Что желать под житейскою ношею, Проклиная удел свой и дом?* (С. Есенин); *Суровые, грозные годы! Но разве всего описать?* (С. Есенин); *Не всё ли равно, про кого говорить? Заслуживает того каждый из живших на земле* (И. Бунин). Говорящий субъект имеет в подобных моделях конструктивно-синтаксический способ выражения, он совпадает с потенциальным агенсом [6, с. 141].

Включённость говорящего в обобщённое персональное значение отмечается в прономинальных риторических высказываниях отрицательной семантики с компонентом *кто*: *Кто сказал тебе, что нет на свете настоящей, верной, вечной любви?* (М. Булгаков); *Но кто проникнет в глубину морей и в сердце, где тоска, но нет страстей?* (М. Лермонтов); *Кто от воли откажется?* (П. Бажов) и утвердительной семантики с компонентом *кто не*: *Кто не любовался многоцветной радугой салюта?* (Е. Осетров) – в отрицательных модальное значение невозможности распространяется на субъектную сферу *никто* с центром *я*, а в утвердительных *кто не* означает *все*, включая *меня*, говорящего. Грамматический субъект *кто*, *кто не* имеет в подобных риторических высказываниях значение обобщённой персональности.

Я говорящего может «растворяться» в обобщённом *мы* – люди: *О веч-*

ность, вечность! Что найдём **мы** там
За неземной границей мира? Смутный,
Безбрежный океан, где нет векам на-
звания и числа (М. Лермонтов); За то-
ль, что **мы** неугомонно Хлопочем, су-
дим обо всём, Что пылких души смешит,
Что ум, любя простор, теснит, Что
слишком часто разговоры Принять **мы**
рады за дела, Что глупость ветрена и
зла, Что важным людям важны вздоры,
И что посредственность одна **Нам** по
плечу и не странна? (А. Пушкин)

По отношению к таким риториче-
ским высказываниям справедливо за-
мечание А.М. Пешковского: «... чем
интимнее какое-либо переживание,
чем труднее говорящему выставить
его напоказ перед всеми, тем охотнее
он облакает его в форму обобщения,
переносящую это переживание на
в с е х, в том числе и на слушателя...»,
«... личное прячется под выработан-
ные в языке обобщительные формы»
[8, с. 342].

Субъект как лицо говорящее в ри-
торических высказываниях имеет и
эксплицитное выражение: личные ме-
стоимения, личные глагольные фор-
мы, распределяющие роли между го-
ворящим, воспринимающим речь, не
участвующим в речи субъектами.

В художественном тексте, где речь
является неактуализированной, автор
«отрешён от ситуации «я – здесь – те-
перь» [2, с. 562]. Субъект говорящий
как автор риторического высказыва-
ния в художественном поэтическом
или прозаическом тексте может со-
впадать с грамматическим субъектом
действия, состояния, качества; в этом
случае он эксплицитован специализи-
рованными морфологическими сред-
ствами выражения персональности –
местоимёнными или глагольными

формами: Я всегда хотел, чтоб сердце
меньше Билось в чувствах нежных и
простых, Что ж **ищу** в очах **я** этих жен-
щин – Легкодумных, лживых и пустых?
(С. Есенин); У меня в руках довольно
силы, Но дверей не смог я отпереть. Ни
к чему в любви моей отвага. И зачем?
Кому **мне** песни петь? (С. Есенин); За-
чем **мне** – скажи на милость – знать
запах её волос?.. (Р. Рождественский); Я
иногда себя презираю...не оттого ли **я**
презираю и других?.. (М. Лермонтов).

Субъект состояния может быть вы-
ражен формой дательного падежа ме-
стоимения: *мне, тебе, ему, нам, вам,*
им: Что ему **во мне**? Я не богат, не чи-
новен, да и по летам совсем ему не пара
(М. Лермонтов); А мне, Онегин, пыш-
ность эта, Постылой жизни мишура,
Мои успехи в вихре света, Мой модный
дом и вечера, Что **в них**? (А. Пушкин)
Такие модели риторического высказы-
вания представляют собой экспрессив-
ную констатацию несущественности,
неважности кого-либо (чего-либо) для
воспринимающего субъекта, имеют
субъективную модальность безразли-
чия, эмоциональный оттенок досады,
разочарования субъекта.

Говорящий может быть субъектом
не только реального, но и мнимого,
предполагаемого, гипотетического
действия конструируемой ситуации:
Я требовал, но мне ответил ворох
строк: – **Постой! А был ли ты в огне?**
Месил ли пыль дорог? Встречал ли ты
в атаке смерть? Привык ли ты дер-
зать? (Р. Рождественский). Я говоря-
щего совпадает с *ты* гипотетических
действий: *был в огне, месил, встречал,*
привык дерзать – отправителя речи.

Говорящий субъект является се-
мантическим субъектом состояния:
а) ожидания: *Листья падают, листья*

падают. *Стонет ветер, Протяжен и глух. Кто же сердце порадует? Кто его успокоит, мой друг?* (С. Есенин); б) сомнения: *Ты ведь где-то живёшь и дышишь, улыбаешься, ешь и пьёшь... Неужели совсем не слышишь? Не оклинешь? Не позовёшь?* (В. Тушнова); в) мнения, нравственно-этической оценки: [Лука] *Ты вот – смеёшься... а разве можно человека эдак бросать? Он – каков ни есть – а всегда своей цены стоит...* (М. Горький); г) противопоставляет себя адресату *вы* в своём восприятии кого-то (чего-то): – *Зачем же так неблагоприятно Вы отзываетесь о нём?* (А. Пушкин)

Посредством риторического высказывания субъект говорящий может переключаться «во внутреннюю сферу сознания персонажа» [6, с. 141], : *Что делать он не знал. Неужели смириться? Жизнь взяла его в такую ловушку, что он не в силах был вырваться* (К. Паустовский).

Субъект говорящий в риторических высказываниях с семантикой эмоционально напряжённого размышления, в которых оцениваются события, сложный и противоречивый окружающий мир, взаимоотношения в нём, «постоянно звучат голоса судьбы, присутствуют знаки, явления, знамения, предзнаменования, встречи, случайности и нечаянности», выступает как носитель судьбы, который «не столько переживает жизнь, сколько прочитывает в ней дискурс судьбы» [3, с. 630]. Важность и актуальность этих вопросов вызывают понимание и отклик, солидарность с говорящим (по крайней мере, он на это рассчитывает). К примеру, это общечеловеческие вопросы о быстротечности и невозвратности зем-

ной жизни: *Было ли это? Какой это стиль? Где эти годы? Можно ль вернуть эту жизнь, эту быль, Эту свободу?* (Б. Пастернак); *Где ты, где, моя тихая радость – Всё любя, ничего не желать?* (С. Есенин). *Я молчу, я слышу пеньё, И в прокуренной груди Снова слышу я волнение: Что же, что же впереди?* (Н. Рубцов). Общечеловеческая значимость этих вопросов-размышлений позволяет и по отношению к риторическим высказываниям этой семантики говорить об обобщённом значении говорящего лица.

Таким образом, в риторическом высказывании семантическая структура субъекта как лица говорящего определяется его причастностью или отстранённостью по отношению к грамматическому субъекту действия, состояния, оценки, т. е. имеет и грамматическое, и семантическое проявление. По преимуществу риторические высказывания имеют обобщённую персональную семантику.

ЛИТЕРАТУРА:

1. Апресян Ю.Д. Избранные труды. М., 1995. 767 с.
2. Арутюнова Н.Д. Семантическая структура и функции субъекта// Известия АН СССР. 1979. Т. 38. № 4. С. 323 – 335.
3. Арутюнова Н.Д. Язык и мир человека. М.: Языки русской культуры, 1999. 895 с.
4. Бондарко А.В. Теория значения в системе функциональной грамматики: На материале русского языка. М.: Языки славянской культуры, 2002. 736 с.
5. Виноградов В.В. Основные вопросы синтаксиса предложения// Исследования по русской грамматике. Избранные труды. М., 1975. С. 254 – 295.
6. Золотова Г.А., Онипенко Н.К., Сидорова М.Ю. Коммуникативная грамматика русского языка. М., 1998. 528 с.

7. Красина Е.А. Лингвистическая прагматика. М., 2006. 54 с.
8. Пешковский А.М. Русский синтаксис в научном освещении. М., 2001. 432 с.
9. Самсонов Н.Б. Проксимальное и тематическое значения третьего лица // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Русская филология. 2014. № 3. С. 22 – 25.
10. Шведова Н.Ю. Входит ли лицо в круг синтаксических категорий, формирующих предикативность? // Русский язык. Избранные работы. С. 143-153.

УДК 801.82(470)»18»

Копосов Л.Ф.

Московский государственный областной университет

ЗАМЕТКИ ОБ ОДНОМ ОФИЦИАЛЬНО-ГОСУДАРСТВЕННОМ ДОКУМЕНТЕ ВТОРОЙ ПОЛОВИНЫ XVIII В.

Аннотация. Статья посвящена лингвистическому описанию одного из важнейших законодательных актов екатерининской эпохи, в котором излагаются основы реформы губернского управления в России. Автор отмечает некоторые орфографические, лексические, морфологические и синтаксические особенности документа, указывая отличия его языковых особенностей от норм локальной деловой письменности той же эпохи. Это позволяет получить представление о сложившейся во второй половине XVIII столетия системе языковых средств административной документации в рамках официально-делового стиля формирующегося нового литературного языка.

Ключевые слова: деловая письменность, реформа губернского управления, документ, языковые особенности, официально-деловой стиль, вторая половина XVIII в.

L. Kopusov

Moscow State Regional University

NOTES ON THE FORMAL-STATE DOCUMENT OF THE SECOND HALF OF THE 18TH CENTURY

Abstract. The article is dedicated to linguistic description of one of the most important legislative acts of Ekaterina's era, which sets out a framework of reform of the provincial administration in Russia. The author notes some spelling, lexical, morphological and syntactic features of the document, pointing out its linguistic differences from the norms of the local business writing of the same era. It allows to understand the system of linguistic units of the administrative documentation in the context of official style that was developed in the second half of the 18th the century and has formed new literary language.

Keywords: business writing, the reform of the provincial administration, the document language features, official style, the second half of the 18th century.

Одной из самых значительных реформ административной системы России в XVIII в. явилась реформа местного управления, закреплённая в большом по объёму документе, подписанном Екатериной II в Москве 7 ноября 1775 г. Полное название документа: «Благочестивейшия самодержавнейшия великия государыни имп. Екатерины Вторыя, учреждения для управления губерний Всероссийской империи».

Как известно, губернии появились в России в результате административно-территориальной реформы Петра I. Первоначально было 8 губерний, а к 1775 г. их насчитывалось 23. Екатерининская реформа предусматривала 50 гу-

берний, причём учреждались они с учётом количества проживающих в них жителей: «*Дабы губернія, или намѣстничество, порядочно могла быть управляема, полагается во оной отъ трехъ до четырехъ сотъ тысячъ душъ*» (глава I). Провинции, входившие в состав губерний, были упразднены, хотя в отдельных случаях их создание допускалось: «*Буде нужда того требуетъ, то намѣстничество или губернію раздѣлить на области или провинціи*». (глава I).

В «Учреждениях» очень подробно описывается система канцелярских учреждений, создаваемых в губерниях, определяется состав служащих, их иерархия и обязанности каждого из них.

В данной статье мы отметим некоторые особенности языка этого документа, что даст нам возможность составить впечатление об отражённых в нём нормах делового языка второй половины XVIII в.

Одной из главных особенностей языка «Учреждений» является широкое употребление официально-деловой лексики, представленной как однословными, так и составными наименованиями реалий административно-деловой сферы. Можно выделить следующие тематические группы этой лексики:

А. Названия учреждений: палата уголовного суда; палата гражданского суда; палата для домостроительных дел и управления казённых доходов Императорского величества; казённая палата; верхний земский суд, уездный суд, окружный суд, ратуша, губернский магистрат, городской магистрат, сенат, департамент, приказ общественного призрения.

Б. Наименования служащих административных учреждений – самая большая группа официально-деловой лексики: губернатор, генерал-губернатор, правитель, советник, председатель, ассесор, губернский землемер (см.: *въ губернии опредѣляется губернский землемѣръ*), порутчик правителя, вице-губернатор (*Вицѣ Губернаторѣ*), директор экономии или домоводства, губернский казначей, уездный казначей, председатель, земский исправник, присяжный землемер, доктор, лекарь, подлекарь, комендант, городничий (*Городничей*), старосты, судьи словесного суда, бургомистр, ратман, городской голова, городской староста, прокурор, губернский прокурор, губернский «*стряпчей казенныхъ дѣлъ*», губернский «*стряпчей уголовныхъ дѣлъ*», земскій исправник, или капитан (синонимом является сочетание *земскій капитан*).

Из этого списка видно, что к лицам, исполняющим административные обязанности, причислены и люди, занимающиеся врачеванием (доктор, лекарь, подлекарь): *Въ каждомъ уѣздѣ или округѣ определяется уѣздный казначей одинъ, землемѣръ одинъ, докторъ одинъ, лькарь одинъ, подлькарей два и лькарскихъ учениковъ два* (глава I).

В документе устанавливается иерархия чинов – от четвёртого до четырнадцатого класса. К четвёртому классу относился, например, губернатор; к четырнадцатому – городские старосты, судьи словесного суда, ратманы. За пределами этих классов оказывались «*сельскіе засѣдатели верхней и нижней расправы, нижняго и земскаго суда и совѣстнаго суда...*» (глава II).

В. Названия единиц административно-территориального деления: гу-

берния, наместничество, провинция, область, уезд, округ.

Г. Наименования документов: приходная книга, расходная книга, крепость, вексель, закладная. Новым для деловой письменности XVIII в. является только слово *вексель*.

Главной орфографической особенностью «Учреждений», как и других печатных текстов XVIII в., является стремление к единообразию написаний, преодоление вариативности, свойственной деловой скорописи. При этом процесс кодификации правописных норм был связан с проблемой выбора основного принципа орфографии. В.К.Тредиаковский, как известно, ратовал за фонетический принцип, однако в своих произведениях и в письмах он допускал многочисленные написания морфологического характера [5]. В конечном итоге восторжествовал морфологический принцип, опиравшийся на традиции письма. Именно такой характер орфографии представлен в нашем документе.

Многие слова в тексте документа печатаются с прописной буквы: существительные *государь, император*, местоимения, указывающие на императорскую особу, причём прописными буквами может писаться всё слово: *даровавъ НАМЪ... славный миръ; дань въ Москвь Ноября 7дня 1775 года, Государствованія НАШЕГО въ четвертонадесять лѣто* (вводная часть документа). Это же относится и к словосочетанию *императорское величество: палата для домостроительныхъ дѣлъ и управленія казенныхъ доходовъ ИМПЕРАТОРСКАГО ВЕЛИЧЕСТВА* (глава I). Прописная буква употребляется также в наименованиях «чиновных людей» высокого ранга:

Правитель, или Губернаторъ (глава II); ... *тогда Совѣтники должны внести свое мнѣніе, и Генерала Губернатора и Сенатъ о томъ увѣдомить* (глава V); *Порутчик Правителя или Вицъ Губернаторъ, Директоръ экономіи или домоводств; губернской Казначей; Губернскій Прокуроръ* (глава I) и др. В названиях нижних чинов прописная буква наблюдается относительно редко: *Въ городскомъ Магистратѣ присутствовать имѣютъ два бургомистра и четыре ратмана* (глава I); *въ нижней расправѣ застѣдаетъ расправный судья и восемь застѣдателей* (глава I); *сельскіе застѣдатели верхней и нижней расправы, нижняго и земскаго суда и совѣстнаго суда...*(глава II); *Уѣздный казначей не имѣетъ власти самъ собирать ни распорядить казенными доходами* (глава XI), *то для предупрежденія прилипчивости, земскій Капитанъ отлучить имѣетъ здоровыхъ отъ больныхъ, такъ чтобъ сообщенія одни съ другими не имѣли* (глава XVI). С прописной буквы могут писаться также и названия некоторых канцелярских учреждений: *В городахъ остаться имѣютъ Магистраты...* *Въ городскомъ Магистратѣ присутствовать имѣютъ два бургомистра и четыре ратмана* (глава I); *Юстицъ и Вотчинная коллегія* (глава VIII); *Соединенный департамент Камеръ и Ревизионъ коллегіи* (глава IX), *Казенная палата* (глава IX).

В языке документа отражаются морфологические нормы делового языка в его административно-государственной разновидности.

Так, творит. пад. единственного числа существительных женского рода употребляется исключительно

но с флексией *-ою (-ею)*: *Началось сіе столѣтіе войною съ Свейскою короною нѣсколько лѣтъ неудачливою, но твердостію духа Государя Императора ПЕТРА Великаго и лучшимъ Его устройствомъ войскъ сухопутныхъ съ завиденною морскою силою, счастливо окончанною, и увеличившую Россію тремя Княжествами* (вводная часть документа). В деловых рукописях соответствующей эпохи формы на *-ои (-еи)* были вполне обычными, хотя старые окончания ещё преобладали [1, с. 155]. Вариативные формы отмечали и авторы русских грамматик XVIII в. М.В. Ломоносов [3, с. 65 - 67] и А.А. Барсов [4, с. 105 - 106]

К одной из сложных проблем исторической морфологии русского языка относятся вопросы, связанные с унификацией форм дат. – творит. – предл. пад. мн. числа имён существительных. Вряд ли можно сомневаться в том, что к XVIII в. этот процесс почти полностью завершился. Однако в памятниках местной деловой письменности колебания старых и унифицированных форм отмечаются на протяжении всего столетия, продолжая традиции предшествующей эпохи [2, с. 159]. В «Учреждениях» употребляются только новые флексии, в том числе и в творительном падеже, который исследователи считают в отношении закрепления а-форм наиболее консервативным: *со многими пороками* (Вводная часть); *сходственно см законами* (глава VI); *съ приличными законами* (глава VII); *за замками и печатью* (глава XIII) и др.

В им. пад. ед. числа мужского рода полных прилагательных и причастий весьма последовательно прослеживается флексия *-ый (-ий)*: *Сей мудрый и неутомимый Государь; Богъ однакожъ*

благословящій намѣренія благія, и истребляющій неправедныя и нечестивыя затѣи, даровавъ НАМЪ... славный миръ (вводная часть документа); *Городовый сиротскій судъ; городовый староста; окружный судъ; Перввый и вторый Предсѣдатель* (глава I).

В документе реализуется сложившаяся в XVIII в. норма обозначения форм им. пад. мн. числа полных прилагательных и причастий, в соответствии с которой формы мужского рода пишутся с окончанием *-ие(-ые)*, а формы среднего и женского рода имеют флексию *-ия (-ья)*: *Многія по блаженной Его кончинѣ бывшія перемѣны, разныя правила и мысли, частыя войны хотя не умаляли Величества Имперіи, но наводили на установленія Сего Великаго Императора или отмѣны, либо отнимали мысли къ продолженію Имъ начатаго, или вводили правила иныя по разнымъ о вещахъ понятіямъ, или же по перемѣнившимся по естественному теченію вещей* (вводная часть документа); *городские старосты* (глава II); *чиновные люди* (глава II); *судебныя мѣста своего намѣстничества* (глава IV); *всѣ дѣла исполнительныя, и скорого правленія, или приказанія требующія* (глава V); *къ исполненію повелѣній губернскаго правленія обязаны какъ верхніе, такъ и уездные и нижніе земскіе суды, равномерно верхнія и нижнія расправы...* (глава V); *... чтобъ малолѣтнѣйшій получалъ съ нихъ принадлежащие ему доходы* (глава XVI).

В этом отношении иную картину представляют скорописные тексты локальной деловой письменности: так, в рукописных документах русского Севера им. пад. мн. числа прилагательных и причастий употребляется с

тремя флексиями: *-ие (-ья), -ые (-ие), -ьи (-ии)*, но каждая из них была общей для всех трёх родов [1, с. 227-228].

Отметим также несколько синтаксических особенностей текста «Учреждений». Так, глагол *иметь* часто встречается со значением долженствования в конструкциях, где он сочетается с инфинитивом: *Какъ Государеву Намѣстнику благочиніе, или полиція градская и сельская подчинены, то онѣ имѣетъ пресѣкать всякаго рода злоупотребленія, а наипаче роскошь безмѣрную и разорительную, обуздывать излишества, безпутства, мотовство, тиранство и жестокости* (глава IV); *Кто же намѣстническимъ правленіемъ не доволенъ, тотъ жалобу свою приносить имѣетъ въ Сенатъ* (глава V); *... то для предупреждения прилипчивости, земскій Капитанъ отлучить имѣетъ здоровыхъ отъ больныхъ, такъ чтобъ сообщенія одни съ другими не имѣли* (глава XVIII). Как видим, в последнем случае глагол *иметь* употребляется в разных значениях.

В документе встречаются архаические конструкции с двойным дательным падежом, причём в качестве второго дательного употребляются краткие прилагательные: *... ибо опекуну надлежитъ быть кротку, челоуколюбиву, попечительну, радиву и усердну къ пользѣ малолѣтнего* (глава XVI); *Смирительному дому надлежитъ быть довольно пространну, построену на вольномъ воздухѣ, кругомъ крѣпку со стѣною, или с такимъ заборомъ, чтобъ утечки изъ онаго дома отнюдь ни кто учинить не могъ...* (глава XVI).

Текст «Учреждений» сохраняет характерную для законода-

тельных актов традицию употребления условных придаточных предложений с союзом *буде*: *Въ каждомъ намѣстничествѣ или губерніи учреждается верхній земскій судъ, а буде обширность намѣстничества того требуетъ, то дозволяется учредить въ намѣстничествѣ больше одного верхняго земскаго суда* (глава I); *Буде нужда того требуетъ, то намѣстничество или губернію раздѣлить на области или провинціи* (глава I);

Наблюдения над языковыми особенностями документа «Учреждения для управления губерний Всероссийской империи» позволяют получить представление о сложившейся во второй половине XVIII столетия системе языковых средств административной документации в рамках официально-делового стиля формирующегося нового литературного языка.

ЛИТЕРАТУРА:

1. Копосов Л.Ф. Севернорусская письменность XVII – XVIII вв. (орфография, фонетика, морфология). М.: МПУ, 2000 287 с.
2. Копосов Л.Ф. Нормы деловой письменности и русские грамматики XVIII в. // Электронный журнал «Вестник Московского областного университета». 2011/3 Русская филология. С. 156-161. URL: <http://vestnik-mgou.ru/Articles/View/133>.
3. Ломоносов М.В. Российская грамматика. М., 1755.
4. Российская грамматика Антона Алексеевича Барсова / Под ред. и с предисловием Б.А. Успенского: Изд.-во Московского университета. М., 1981.
5. Юрлова А.А. Орфография произведений В.К. Третьяковского // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Русская филология. М. 2011, № 4. С. 107-112.

УДК 81-114

Орехова Е.Н.*Московский государственный областной университет***СУБЪЕКТИВНАЯ МОДАЛЬНОСТЬ РАДИОДИСКУРСА**

Аннотация. Статья посвящена средствам выражения субъективно-модальных значений в современном радиодискурсе. Обозначен круг модальных средств, участвующих в создании модального поля радиотекста: лексико-грамматические (вводные компоненты, частицы, междометия), синтаксические (риторические высказывания, вопросно-ответные комплексы), интонационные. Показана взаимосвязь использования модальных операторов и специфики радиокommunikации, характеризующейся массовым адресатом, слабой обратной связью, отсутствием визуализации. Перечислены субъективно-модальные значения, являющиеся типовыми для радиодискурса, в их числе контактоустанавливающее и эмоциональное как наиболее продуктивные.

Ключевые слова: субъективная модальность, радиодискурс, адресат, адресант, вводные слова, модальные частицы, риторическое высказывание.

E. Orekhova*Moscow State Regional University***SUBJECTIVE MODALITY OF RADIOTEXT**

Abstract. The article is devoted to the means of expression of subjective-modal meanings in the modern radiotext. We outline a range of modal means involved in the creation of modal field of radiotext: lexical and grammatical (parenthetical components, particles, interjections), syntactical (rhetorical statements, question-answer systems), intonational. The article demonstrates the interrelation of the use of modal operators and peculiarities of radio communication, characterized by massive audience, weak feedback, lack of visualization; lists subjective modal meanings that are typical for radiotext, including contact-setting and emotional as the most productive ones.

Keywords: subjective modality of radiotext, addressee, sender, introductory words, modal particles, rhetorical statement.

Категория субъективной модальности относится к числу важнейших антропоцентрических категорий языка и связана с выражением отношения говорящего к содержанию сообщения: «модальность оказывается категорией, присущей языку в действии, т. е. речи, и поэтому является самой сущностью коммуникативного процесса» [3, с. 113]. Необходимость реализовать субъективное намерение при оформлении конкретного высказывания обусловлена характером речевой ситуации, типом адресата, ориентированностью на его восприятие, стремлением корректировать его коммуникативное поведение. Позиция субъекта речи может быть выражена разнообразными средствами: во-первых, это

специализированные средства категории вводности, справедливо названной П.А. Лекантом «коммуникативно-прагматической», во-вторых, неспециализированные, в числе которых не только лексико-грамматические и синтаксические, но и текстовые. Последние подтверждают статус субъективной модальности и как категории высказывания, и как текстовой категории, что доказывается в работах многих современных исследователей [И.Р. Гальперин, Г.Я. Солганик, П.А. Лекант и др.]: «Представляется целесообразным разделить субъективно-оценочную модальность на фразовую и текстовую. Если фразовая модальность выражается грамматическими или лексическими средствами, то текстовая, кроме этих средств, применяемых особым способом, реализуется в характеристике героев, в своеобразном распределении предикативных и релятивных отрезков высказывания..., в актуализации отдельных частей текста...» [3, с. 115]. Действительно, связывать выражение субъективно-модальных значений исключительно с категорией вводных слов было бы неверно и неизбежно привело бы к сужению рамок данной категории в русском языке.

Современная публицистика демонстрирует разнообразие текстовых способов экспликации субъективно-модальных значений, проявляющих авторское отношение к изображаемому [7, с. 63]. В этом смысле справедливо высказывание И.Р. Гальперина о том, что «коэффициент модальности меняется в зависимости от целого ряда причин – индивидуальной манеры автора, объекта описания, прагматической установки, соотношения

содержательно-фактуальной и содержательно-концептуальной информации. Этот коэффициент тем выше, чем отчётливее проявляется личность автора в его произведениях» [3, с. 81]. Что касается публицистики, то в ней «коэффициент модальности» действительно высок.

Предметом рассмотрения в данной статье является радиокommunikация, специфику которой определяют дистантность и отсутствие визуализации. В этом смысле рассмотрение современного радиотекста целесообразно с позиций теории речевого акта, включающего схему «адресант – сообщение – адресат», где каждый из компонентов имеет свою специфику, а также с использованием термина «дискурс», под которым мы будем понимать совокупность текста и контекста (конситуации). Адресант радиодискурса – это журналист, филолог, специалист, умеющий создавать и озвучивать в эфире публицистический текст, часто открыто выражающий свою позицию, вступающий в воображаемый диалог со слушателем. Адресат имеет массовый характер, это психологически и территориально разобщённая аудитория, внимание которой требуется завоевать. Специфичен и характер самого радиосообщения – текста, опосредованного передающим звуковым каналом. Диктор Всесоюзного радио и методист-преподаватель М.В. Зарва рассуждает о специфике радиоязыка так: «Одно из принципиальных отличий языка радио от языка газеты заключается в том, что в звучащей по радио речи, то есть речи, непременно окрашенной интонационно, «освещённой» отношением говорящего и несущей хотя бы в минимальной сте-

пени знак его индивидуальности, решительно невозможна бесстрастная фактографичность... Даже в жанрах чисто информационных, где, как правило, выступает не корреспондент, не хроникёр, а диктор, которого слушатели не отождествляют с автором текста, и где отношение к материалу будет выражено предельно скупое, это отношение всё же будет ощущаться, ибо абсолютная бесстрастность была бы возможна лишь при условии, если бы вместо живого человека, повествующего людям о событиях в мире, у микрофона находилось говорящее кибернетическое устройство» [5, с. 57].

Как любой современный медиатекст, радиотекст характеризуется яркой прагматической направленностью – воздействует на адресата речи, изменяет его мировоззрение и оценки, вовлекает в осмысление актуальных общественных проблем: «Журналист создаёт особую реальность, существенно отличающуюся как от научного описания действительности, так и от других журналистских и нежурналистских версий происходящего. Эта реальность, являясь определённой проекцией личности журналиста (что, впрочем, не отменяет объективности получаемых знаний), задаёт особый мир событий. Журналист превращает читателя в совершенно другого человека. В определённом смысле, журналист сегодня втягивает адресата в особое существование, порождает это существование» [2, с. 39].

Автор радиотекста, оперируя вербальными и невербальными (музыка, шумы, интонация, тембр) средствами, не только информирует свою аудиторию об актуальных событиях сегодняшнего дня, но и формирует заинте-

ресованность, активизирует внимание собеседника, полемизирует с ним, делится своими эмоциями и оценками. В этом смысле радиотекст представляется модально окрашенным: так, в радионовостях доминирует модальность достоверности в сочетании с авторизирующей модальностью; в радиорепортаже к указанным модальным значениям добавляется модальность эмоциональной оценки; а в радиобеседе на первый план выступает фатическая, то есть контактоустанавливающая модальность. Соотношение «человека социального» и «человека частного» в категории автора (термины Г.Я. Солганика) отражает усиление субъективного начала в современной радиоречи, значимость категорий оценочности и модальности, а также их языкового воплощения.

Действительно, радиокommunikация делает ставку на диалогичность, активно используя контактоустанавливающие и эмоциональные модальные операторы: вводные слова и модальные частицы, междометия, риторические высказывания, вопросно-ответные формы и пр. Представляется, что эта тенденция не случайна: мы живём в эпоху информационного бума и часто оказываемся перегруженными разнообразной, а иногда и вовсе не нужной, информацией. Информационное воздействие печатных СМИ многократно усиливает телевидение, вызывая у человека чувство эмоционального голода, стремление к релаксации. Радио с успехом решает эту проблему: используя возможности передающего радиоканала, оно освобождает воображение слушателя, а не предлагает ему готовые зрительные образы, как это делает телевидение,

чем оказывает положительное воздействие на аудиторию. Участвуя в воображаемом диалоге, адресат частично компенсирует недостаток эмоций, дефицит общения, вовлекается в процесс соразмышления, в круг авторских эмоций и субъективных оценок. Не случайно современные исследователи радиоречи (З.С. Смелкова, Л.В. Ассурова, М.Р. Савова, И.А. Санышкова) выделяют такую её особенность, как «диалоговая пристройка», когда на первый план выдвинут учёт коммуникативных ожиданий адресата. Эту диалогичность можно представить и как согласование речевых действий говорящего и слушающего, выражающегося в разных типах взаимодействия диктума и модуса (термины Ш. Балли), когда «формируя ответный речевой ход, адресат реагирует как на содержание сообщения иницирующей реплики, так и на отношение собеседника к содержанию, проявляющееся в данной реплике, т. е. на её модусную составляющую» [4, с. 17].

Действительно, модусная составляющая речевого высказывания радиоведущего позволяет воздействовать на эмоции радиослушателя, расположить его к себе, сконцентрировать внимание на информации, звучащей в радиоэфире, и привлечь внимание к радиостанции в целом. Так, например, ведущие эфира радиостанции «Звезда» (запись эфира от 02.11.2007) Никита Усанов и Даша Добрынина имитируют непосредственное общение друг с другом и с радиослушателями в рамках утреннего шоу «Подъём». Их языковая стратегия обязательно предполагает использование модальных операторов, среди которых выделяются в первую очередь специализированные единицы, напри-

мер, вводные компоненты, которые, «вклиниваясь в ткань предложения, создают впечатление быстро развивающейся речи, в процессе которой трудно всё заранее предусмотреть» [5, с. 42]. Наиболее многочисленны здесь контактоустанавливающие модальные операторы, а также операторы логической и персуазивной модальности, актуализирующие в контексте адресатосему: *Но, вы знаете, когда просыпаешься и видишь, что это не так, то как-то сразу грустно становится* (Никита); *Сообщение о погоде. На планете Земля, кстати* (Никита); *И, тем не менее, именно в слова-то мы сейчас и поиграем* (Даша); *Рядом со мной Никита Усанов, мой, так сказать, партнёр по общению* (Даша); *Это, конечно, здорово, когда тебе снятся жаркие страны* (Никита); *Призы, разумеется, ждут* (Даша) и т. д.

Использование в радиотексте частиц тоже продуктивное явление, которое преследует две цели: во-первых, создаёт имитацию разговорной речи, во-вторых, расширяет зону модуса в высказывании: *Ну, вопрос таков!* (Никита); *Ну и не будем тянуть резину! Вот Алексей! Удачного вам дня!* (Даша); *Вас ждёт программа Елены Топтыгиной «Словарный запас». Уж она-то в словах понимает* (Даша); *Что-то мысли у тебя путаются* (Даша). Учитывая модальную природу большинства частиц русского языка, можно говорить об их использовании как знаках диалогизованности текста. Употребление названных единиц придаёт радиоречи живой, спонтанный, непринуждённый характер, создаёт иллюзию неподготовленной речи ведущего, который общается со слушателями запросто, без предварительной подготовки.

Помимо специализированных модальных операторов современный радиотекст включает и неспециализированные средства выражения модальных значений, причём число последних значительно больше, что доказывает экспансию средств субъективной модальности в современном русском языке, в том числе в медиаречи. Среди таких операторов следующие:

1) междометия, совмещающие эмоциональное и модальное значения: *Вот интересно, какая оценка у Дарьи Добрыниной по астрономии? – Ой-ой-ой! Ну, четыре было когда-то. Да о чём ты говоришь вообще!* (Даша) – с помощью междометия говорящий имитирует смущение с оттенком досады;

2) вопросительные конструкции, в числе которых риторические высказывания, вопросно-ответные комплексы: *Тема воссоединения звёздной парочки, как оказалось, не всем пришлась по душе. Вдруг творческий союз повлечёт за собой семейный?* (Никита) – риторический вопрос выражает модальность предположения-догадки; *Мы вам вопрос, а вы нам ответ. Готовы ли вы поиграть с нами?* (Даша) – риторическое высказывание служит средством акцентирования внимания, стимулирует интерес.

Эфир утреннего шоу «Подъём» изобилует также личными местоимениями, в основном 1-го и 2-го лица, функция которых – усиление адресатной направленности высказывания: *Чайк пьём. Приглашаем вас присоединиться к нам. Вы слушаете утреннее шоу «Подъём»; Удачного вам дня!; Ещё целый час общения нас ждёт впереди! Вы получаете два билета на концерт группы «Земляне».* Обращения выполняют ту же модальную функцию:

Итак, друзья, в финале каждого часа ваша рубрика!; Да-да, друзья, всё очень просто! (Никита).

Анализ комплекса модальных средств, используемых в утреннем шоу, проявляет его модальную доминанту – фатическую (контактоуставляющую) модальность. На втором месте по частоте использования стоят эмоциональные модальные операторы. Сказанное обусловлено речевой стратегией субъектов – включить слушателей в воображаемое общение, создать позитивный настрой, мотивировать адресата на положительный эмоциональный отклик в виде дальнейшего обращения к данной радиостанции.

В то же время радиопередачи различной жанровой принадлежности обнаруживают собственную модальную специфику. Так, в новостном дискурсе доминирует модальность авторизованности, что связано со стремлением журналиста максимально объективировать информацию для слушателей, подчеркнуть её достоверный характер. Отсюда использование вводных слов, вводных предложений, сложномодальных конструкций соответствующей семантики, например, в речи ведущего новостей на радио «Звезда» Инны Переверзевой (запись эфира от 02.11.2007, 03.11.2007): *Об этом заявил министр иностранных дел страны. По его словам, часть экстремистов убиты или они арестованы во время спецоперации; Об этом сообщил журналистам замминистра Малайзии. Он также сказал, что в ежегодном отчёте Юнеско приводится список стран, число первоклассников в которых падает; По словам замминистра, отныне малайзийские*

родители, не отправляющие ребёнка в школу, будут караться денежным штрафом и т. д.

В познавательной программе «Говорим по-русски» на радио «Эхо Москвы» (запись эфира от 08.12. 2012) палитра модальных значений более разнообразная, что обусловлено форматом передачи, её коммуникативной целью – сформировать интерес к анализу фактов современной русской речи, популяризировать знания о русском языке. В речи ведущих эксплицируются следующие субъективно-модальные значения:

1) модальность достоверности/недостоверности: *Похоже, в XIX веке этого словосочетания ещё не знали!* (предположительность); *Кто знает, вдруг вам придётся выступить в роли продавца, или продажника!* (догадка); *Странно, конечно, что молодой человек этого слова не слышал* (уверенность); *Вот так, где, казалось бы, высокий глагол «творить» и еда из прокисшего молока – то есть «творог»!* (мнимость предположения); *...«творог», несомненно, связан с общеславянским глаголом «творити»* (подчёркнутая уверенность);

2) модальность авторизованности: *Сермяга, как определяет её Даль, – это кафтан грубого некрашеного крестьянского сукна; Как замечает этимологический словарь Фасмера, это трудное слово; А словарь Даля возводит «сермягу» к мордовскому слову; Словари не считают твОрог ошибкой; Как сообщает нам историко-этимологический словарь П.Я. Черных, в этимологическом отношении «творог», несомненно, связан с общеславянским глаголом «творити»; Так и только так, если по Далю;*

3) модальность логической оценки: *Не пугайтесь так при слове «продажник». Я сама, например, услышала это слово относительно недавно* (иллюстративная модальность); *Итак, кто же такой «продажник»? (модальность вывода); Ясно главное, оно наше, исконное... Это не заимствование* (модальность важности);

4) модальность эмоциональной оценки: *М-да, вот она сермяжная правда; Эх, знали бы сермяжники, кого мы сейчас называем продажниками!; Бр-р, слышать не могу, хотя и знаю, что можно и «творОг», и «твОрог»; Уф, сразу от сердца отлегло.*

Ведущие активно диалогизируют текст, что значительно облегчает процесс восприятия научной информации, причём используют с этой целью не только специализированные вводные компоненты: *Заметьте, мы до сих пор этого не знаем; Но они, согласись, действительно, очень похожи: глагол «творить» и существительное «творог»; но и многочисленные вопросительные конструкции, большая часть которых риторически с богатой палитрой модальных оттенков: Вот только зачем слову «правда» такое определение – «сермяжная»? Кто впервые это словосочетание произнёс?; Да какие споры! О чём ты! Это битвы, баталии!; Хотите быть безупречны? Говорите «творОг»!; В чём это значение русской интеллигенции?; Слово «творог» исконно русское или заимствованное? Не может ли оно происходить от слова «творить»? Справедливо утверждение А.В. Канафьева о том, что «риторические высказывания разных структурно-семантических моделей, объединяя рациональное и эмоциональное, объективное и субъективное,*

являются в современной публичной речи эффективным средством воздействия на адресата, формирования у него соответствующих оценок и мнений» [6, с. 27].

Подытоживая сказанное, нельзя не упомянуть об интонации как универсальном средстве выражения субъективно-модальных значений. В современной радиоречи значение интонации трудно переоценить: с одной стороны, она участвует в оформлении специализированных модальных операторов (особая интонационная оформленность вводных компонентов, междометий, риторических высказываний), с другой – является самостоятельным модальным средством, «осознанным и преднамеренным орудием воздействия», включающим тембр и темп голоса, его силу и напряжённость, величину интервалов, степень разнообразия фонетических приёмов [1, с. 33]. Грамотная организация интонационных средств с целью преднамеренного воздействия на эмоциональную и волевую сферу слушателя – безусловное свидетельство мастерства радиожурналиста.

Таким образом, можно говорить о субъективной модальности как конституирующем факторе современного радиодискурса, ориентированного на горизонтальное общение, коммуни-

кативное равенство адресанта и адресата. Эффективность деятельности радиожурналиста во многом зависит от правильного оформления модальной части высказывания, а значит, грамотного использования субъективно-модальных операторов.

ЛИТЕРАТУРА:

1. Бернштейн С.И. Язык радио. М.: Наука, 1977. 47 с.
2. Богуславская В.В. Моделирование текста: лингвосоциокультурная концепция. Анализ журналистских текстов. М.: ЛКИ, 2013. 280 с.
3. Гальперин И.Р. Текст как объект лингвистического исследования. М.: КомКнига, 2007. 144 с.
4. Гельпей Е.А. Конструктивная роль фреймов прагматической связности реплик в диалогической речи (на материале английского языка). Автореф. дисс. канд. филол. н. Ростов-на-Дону: ФГОУ ВПО «Южный федеральный университет», 2007. 21с.
5. Зарва М.В. Слово в эфире. М.: Флинта, 2011. 376 с.
6. Канафьева А.В. Риторическое высказывание: форма, семантика, функции. М.: МГОУ, 2011. 200 с.
7. Орехова Е.Н. О субъективной модальности газетного текста //Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Русская филология. 2009. № 2. С. 61-65.

УДК 821.161.1

Рупосова Л.П.*Московский государственный областной университет***Николашвили М.Н.***Пищевой колледж №33 (г. Москва)*

УРАЛЬСКИЕ САМОЦВЕТЫ В МИФОПОЭТИЧЕСКОЙ ТРАДИЦИИ

Аннотация. Урал прославлен своими самоцветами, сведения о которых появились во второй половине XVII в. Интерес к уральскому камню на государственном уровне со времени его промышленной разработки и обработки (XVIII в.) способствовал становлению прецедентного феномена «самоцветы и их разновидности» в русской специальной и художественной литературе. К XX в. в результате синтеза исторических, географических, искусствоведческих, краеведческих данных закрепились мифопоэтическая традиция уральского региона. Своеобразие эстетического, символического восприятия самоцветов потребовало особых тем, мотивов, образов и приёмов введения специальной лексики, включая местную, в художественный текст, что стало предметом изучения в данной статье.

Ключевые слова: драгоценные камни, полудрагоценные камни, самоцветы, цветные камни, уральские камни, изумруд, аметист, турмалин, топаз, прецедентный феномен, прецедентное имя, уральское поэтическое пространство.

L. Ruposova*Moscow State Regional University***M. Nikolashvili***Food College № 33*

URAL GEMS IN THE MYTHOPOETICAL TRADITION

Abstract. The Urals area is famous for its gems first described in the latter half of the 17th century. Interest in the Ural gems at the state level since its commercial production and processing (18th century) contributed to the formation of the case phenomenon of «gems and their varieties» in Russian fiction and special literature. By the 20th century as a result of the synthesis of historical, geographical, artistic, natural history data, mythopoethic tradition of the Ural region had become stronger. The peculiarity of the aesthetic, symbolic perception of gems required special themes, motifs, images and techniques to introduce specialized vocabulary, including local, in a literary text that has become a subject of study in this article.

Keywords: gems, semi-gems, Ural stones, emerald, amethyst, topaz, tourmaline, case phenomenon, proper name, Urals poetical area.

Начало изучению мифопоэтической традиции регионов России было положено сотрудниками «Центра гуманитарных исследований пространства» (ЦГИП) Российского научно-исследовательского института культурного и при-

родного наследия (Института Наследия) им. Д.С. Лихачёва. Новое междисциплинарное направление связало порождение и восприятие картины мира (КМ) с системой смыслов, ассоциаций, коннотаций, отражающих уровень и направленность познавательной и ценностной активности социальных или локальных групп населения в плане моделирования историко-культурных, географических, ментальных образов разных территорий России [7]. Исследователи развивали идеи Д.С. Лихачёва о единстве народа, природы и культуры, о «нравственной оседлости» – привязанности к месту рождения и проживания, о «пульсации» пространства: его разряжении или сгущении в местах совмещения «культуры природы» и культуры человека [10, с. 33, 501, 518]. Настоящая публикация расширяет разработку концепта «драгоценные камни» (ДК), представленную в диссертации М.Н. Николашвили [14], где исследуется этимология названий камней. Базой нашего исследования послужил прецедентный феномен Урала – наименования самоцветов, открытых во второй половине XVII в. – XX вв. местными *горщиками* – знатоками камня и его месторождений, отечественными и иностранными специалистами, работавшими на Урале. *Уральский камень* можно трактовать не только как *геокультурный фактор* (термин Д. Замятина, руководителя недавно закрытого в целях «оптимизации культуры» ЦГИПа), но и как особую парадигму, сложившуюся в изучаемом регионе в деловом и профессиональном, в сказовом и художественном языке [7, с. 6]. В качестве материала исследования в настоящей статье используются поэтические тексты.

Жители Урала с детских лет особому воспринимают в онтологическом, имплицитно-эксплицитном и эмотивно-аксиологическом планах свой регион. Этому способствует краеведческая и клубная работа, сказовая традиция разных народов, населяющих Урал, исследование «тайных сказов» («Хозяйка Медной горы», «Хозяин и Хозяйка гор», «Синюшка»). Произведения уральских авторов: П.П. Бажова, Д.Н. Мамина-Сибиряка, Е.А. Фёдорова, В.П. Бирюкова, М.П. Никулиной и др. – воспитывают интерес к «живому // тёплому», к «радостному» камню. Как считал Д.С. Лихачёв, вещи материальны, но они становятся частью нашей духовной культуры, сливаясь с нашим внутренним миром [10].

Традиция изучения литературных текстов об Урале, знакомство с их сценическими вариантами закладывается здесь в детских садах и школах. В ходе урока-игры в уральской школе дети называют известные им самоцветы, читают стихи о них. Для урока написано стихотворение: «Интересно, знают дети, / что такое *самоцветы*? На Урале проживая, знают дети или нет, что *волшебным* называют / *каждый камень самоцвет*?» (Р. Дышаленкова. «Уральские камешки»). На уровне развивающего обучения *волшебство* уральского камня связывается автором не со знаками Зодиака, не с его «воздействием» на макрокосм или микрокосм человека, а с характером, эстетикой и этикой уральцев. «Верный дружбе и чистый сердцем» *любит аметист*, а «силач и богатырь» – *сапфир*. У жадного человека самоцветы в руках превращаются в песок. *Аметист* (из греч. a-methystos 'непьяный') – цветные разновидности кварца; *сапфир* – корунд васильково-

го цвета, от греч. *sappheiros* – и ‘любимый Сатурном’. Поэтесса подводит под парадигму «самоцветы», с учётом коннотаций, накладывающихся на семантику слов-номинаций, и некоторые цветные поделочные камни, что в целом характерно для тяготеющего к употреблению образно-символических номинаций художественного текста (ХТ): **самоцветный камень красный**, / *будто ломтик ветчины*, / *это главный камень – яшма* – / *сердце каменной страны. Яшма*, др.-рус. яспись – от тур. *yazım* через греч. *jaspis* – ‘пёстрый // крапчатый’ – непрозрачный кремнезём с примесями. В XVIII в. в Европе *яшму* относили к ДК. Согласно легенде, *яшма* – родоначальник всех других минералов. Она включалась в тройку «величественных камней Урала»: яшмовый пояс шириной около 50 км тянется от Южного Урала до Северного. В стихотворении Р. Дышаленковой речь идёт о *сургучной яшме* тёмно-красного цвета или о *кровоной яшме* – «гелиотропе», называемой в регионе также мясным *агатом*. *Агат* (греч. ‘полезный, счастливый’ – халцедон слоистой текстуры) в образном представлении поэтессы похож на *рассвет* (серый, серо-голубой, зеленоватый камень), а *гранат* (ассоциация с цветом плодов гранатового дерева) – на *закат*.

Самоцветы – уральское по происхождению название прозрачных и полупрозрачных драгоценных и полудрагоценных минералов, годных для огранки и отличаемых специалистами от непрозрачных цветных камней. Классификация самоцветов, цветных и поделочных камней до настоящего времени до конца не разработана. Акад. А.Е. Ферсман производил слож-

ное слово от словосочетания «сам цвет / самый цвет», указывающего на окраску, внутренний свет, игру, блеск, прозрачность, чистоту камня, что и обеспечивает его ценность. Произношение *самосвет* он слышал от уральских горщиков [19, с. 17]. Ср.: *Богаты мы богатством необычным, и манит нас камней прекрасных свет* (З. Маркина. «Уральские камни»); *Властительный облик камней, / самоцвет наделён силой древнего света* (Р. Дышаленкова. «Уральские ведьмы»). Профессор МГОУ К.А. Войлова, родившаяся в Зауралье, отмечала, что в местных говорах аффрикаты подверглись упрощению, освободившись от затвора при произношении [3, с. 14]. О.Н. Трубочёв с лингвистических позиций отвергает возможность семантической ассоциации: свет / цвет [21: III, с. 576].

Название *самоцветы* было включено во все издания труда по минералогии М.И. Пылаева: *драгоценные камни – самоцветы; струганцы* (от *строгать*) – *кристаллы самоцветные*. М.И. Пылаев утверждал, что слово *самоцветы* вошло в употребление с 1787 г., когда на размытой уральской дороге был найден *малиновый шерл* (*малиновый турмалин*), который местные крестьяне и стали называть *самоцветом* за его яркую окраску [15, с. 23]. Термин *шерл* – от нем. *Schorl (Scherl)*; фр. *Sherl* – ‘чёрный, тёмный’; местное *шерла* – употребляется как синоним лексемы *турмалин*. Турмалин – сложный боросиликат, название происходит от фр. *Tourmaline* < синегал. *Turamala* – ‘драгоценный камень’. Густо-малиновые, лилово-красные, красно-фиолетовые турмалины получили в начале XIX в. у термиологов название *сибириты* (*сибириты* от фр. *siberite*).

А.Е. Ферсман, начинавший практическую деятельность на Южном Урале в 1912 г., в основу своей классификации самоцветов положил три признака: красоту камня, его стойкость (твёрдость и сохранность окраски), редкость. Учёный предлагал отказаться от использования словосочетания *драгоценные камни* (фр. *pierres precieuses*, англ. *precious stones*), т.к. красота камня важнее его ценности, а также вследствие патриотических соображений [18; 19]. Но и у него в публикациях обнаружено это словосочетание с глоссой *самоцветы*. В последнее время в специальной литературе лексема стала использоваться реже по сравнению с эпохой Ферсмана, хотя она расширила употребление вне минералогических публикаций для обозначения чего-то яркого, красочного.

Словарь В. Даля фиксирует как фразеологическую единицу (ФЕ) *самоцветные камни*, выделяя два значения: 'природные // ценные, дорогие, драгоценные'. Иллюстративный материал лексикографа – песня (без указания региона записи): *самоцветный камешек родился во крутой горе* [5]. Самое раннее употребление ФЕ вне специальных источников обнаружено нами в стихотворении Ф.И. Тютчева: *не кольцо, как дар заветный, / в зыбь твою я опустил, / и не камень самоцветный / я в тебе похоронил* (Ф. Тютчев. «Ты волна моя морская». 1852 г.). Именно в 1852 г. вышел I том исследования Н.И. Кошкарлова «Материалы для минералогии России» [9]. Ср.: *На Урале самоцветы, / самоцветен весь Урал* (Р. Дышаленкова. «Уральские камешки»); *Игра уральских самоцветов! / родная сказка – наяву!* (Ю. Жук.

«Игра уральских самоцветов»); *Здесь солнце каждый день на небо поднимается / и самоцветы старого Урала озирает* (З. Маркина. «Уральские камни»); *Здесь яркость огней самоцветов / сияет всё ярче свечей / и ярче сотни рассветов...* (В. Максимов. «Седой Урал»); *Богаче, чем краски рассвета, / светлее, чем звёздный узор, / зелёные огни самоцветов / в торжественном сумраке гор* (Л. Татьяничева. «Урал»).

ФЕ *драгоценный камень* ограничена в употреблении в ХТ: *Уральские горы / по каменным плитам / ведут за собой нас / ... в страну, где не счесть драгоценных камней...* (В. Степанов. «Страна малахита»). *Малахит* (от греч. *malakos* – 'мягкий') длительное время был символом Урала.

Фактические материалы исследователей концепта «драгоценные камни» в русской поэзии [22; 23] и наши наблюдения свидетельствуют, что уральские поэты следуют общерусской литературной традиции включения названий камней в свои произведения. Но на Урале глубже выражена связь человека, его души, времени, пространства реального или ирреального с камнем, причём не на уровне «полезности» или ценности, а на уровне восприятия красоты, сияния минерала, его символики.

Следует принять во внимание узусные переносы в области семантики прилагательных, образованных от гипонимов, на номинации природных явлений. *Изумрудная* растительность, *лазоревые* воды, *сапфировое* небо и под. часто описываются поэтами XVIII-XIX вв. Урал для Б. Пастернака, жившего в 1916 г. в Пермском крае близ отрогов Уральского хребта, – антропоцентричный и антропоморфный объект. Горы смотрят на фарфоровые

личики местных красавиц (Б. Пастернак. «Станция»), человек любит горы. *Аметистовые серёжки* украшают лиловые мочки яра. *Шишки из сапфира* (уральские сапфиры синего или синевато-серого цвета) *вынули из земли, из нового Уральского футляра*, чтобы *выставить* их в еловых лесах. (Б. Пастернак. «Итака»). *Футляр* (нем. Futteral – из лат. **fotrum (fotrale)** – ‘коробочка, ящичек’. Этот контекст заставляет вспомнить башкирские легенды об Урал-Батыре с его *поясом*, в глубоких карманах которого он хранил свои сокровища. Расстелив пояс от северного моря до Каспия, богатырь создал Уральские горы [13]. Ср.: *Пояс и есть. В поясах, по старинке, казну держали... в таком поясе богатств не счесть* (П. Бажов. «Хозяйка медной горы»).

При описании Урала его жителями природная цветовая гамма воспринимается по ассоциации с камнем. Количество известных адресанту и адресатам камней больше, чем в других регионах России: *Если на палитру разложить / всё сияние камней Урала, / можно целый мир из них сложить, / чтобы заблестало. Яркое свечение изумрудов* подчеркнуло красоту лесов. *В каждой горке дымкою покрытой / зелень тёплая змеевиков... Хрупких хрусталей насыплю груды, лазуритом речку запружу, / яркий лучик селенита сверху, / родонита розовый закат. Мой Урал!..* (З. Маркина. «Уральские камни»). Изумруд (перс. zūmturūd, греч. smaragdōs – ‘зелёный камень’) – ярко-зелёный прозрачный берилл; *змеевик* – калька лат. serpens – ‘змея’ – минерал из группы силикатов темно-зелёного цвета с характерным рисунком; *хрусталь* (от греч. kristallos – ‘лёд, сквозистый

кварц // кристалл’) в древности считался окаменевшим льдом; *лазурит* – от араб. Azur – ‘небо’; *селенит* (от греч. selene – ‘луна’) – просвечивающийся гипс белого, серого, голубоватого цвета с шелковистым блеском; *родонит* – от греч. rhodon – ‘роза’. Так как мелкие кусочки родонита находили в гнёздах орлов, местное название камня – *орлец*, синоним – *царский камень* (орёл – ‘царь птиц’). Поэты называют и другие уральские самоцветы: *амазонит* (найден впервые на Амазонке) – голубовато-зелёную разновидность полевого шпата; *сердолик* – (от греч. sardion – ‘камень из Сард’) – халцедон красноватого цвета, напоминающий по форме сердце; *халцедон* – от греч. названия города Калцедон) – разновидности кварца разного цвета; *опал* (греч. через лат. opalus – ‘камень’) – диоксид кремния, при этом опал благородный порождает опализацию – радужную игру цветов.

Частотно наименование самого дорогого камня Урала *изумруда*, упоминаемого его первооткрывателем медной руды плавильщиком Д. Тумашевым в «Сказке» и в челобитной (1666, 1668 гг.) в Верхотурскую приказную избу [1]. Ср.: *За целительной силой – к вершинам глубокой горы, в Изумрудные залы Урала* (Р. Дышаленкова. «Уральские ведьмы»). В местных говорах *гора* – это не только вершина, но и копи / пещеры; *Тайга, тайга... / берёт отсюда / начало изумрудный цвет, / а зеленее изумруда / ни дерева, ни камня нет* (Л. Татьяничева. «Живу я в глубине России»); *Роса не легла на травы изумруд* (Н. Прохорова. «Ночь на Акакуле»). О том же писал Кай Плиний Секунд Старший: «Мы с удовольствием смотрим на зелёную траву, на

ветви деревьев, а на *смарагд* [старинное название изумруда. – Л. Р., М. Н.] тем охотнее, что в сравнении с ним никакая вещь *зеленее не зеленеет*» [8]. Изумруд имеет оценочные характеристики в уральской поэзии: *Отыщи... земные звёзды-изумруды* (Л. Татъяничева. «Синегорье»); *...в руке изумруд я прекрасный держу... / В нём мощь и величье оттенков, тонов, / в нём удаль земли и мечта вечных снов* (П. Смолин. «Изумруд»). *Камень может быть гордым, скромным, благородным, добрым, а злого камня – нет* (З. Маркина. «Уральские камни»).

«Гордое имя Урал» в культурологическом и ментальном отношении напрямую связано с его «земельными (так!) богатствами, веселящими глаз и делающими в сердце весну», – утверждал М.В. Ломоносов, называя Урал *Российским Офиром* (от арабской лексемы со значением ‘богатство’) [11]. *Урал... – царство / полезных ископаемых, известных минералов и сырья. / Тут вся таблица Менделеева / представлена... мы ходим по самоцветам* (Ю. Мокроносов. «Горная страна»). Включение в ХТ сведений об «Империи уральских самоцветов», «Уральской Бразилии» чаще всего происходит путём перечисления наименований ДК и указания в некоторых контекстах на отношение к ним местных жителей: *Урал – сокровища земные: рубин, сапфир и аметист... Урал – жемчужина России, / Урал – России идеал* (П. Толстикова. «Урал»).

Рассмотрим упоминаемые наименования. *Рубин* – через нем. из среднелат. *rubeus* – ‘красный’. Ср.: *Уральская природа нам привычна. / Чего же на Урале нашем нет? / ...Всей радугой цветов сияют кварцы, / зелёным блеском*

яркий изумруд... восхищена я нежным хризопразом, / люблю кошачий глаз алмазный, / берилл и чароит чаруют разом... (З. Маркина. «Уральские камни»). *Кварц* (от нем. *Qwarz* из *twarc* – ‘твёрдый’ – и двуокись кремния различных цветов; *хризопраз* или *хризопрас* (от греч. *chrysos* – ‘золото’ и *prasos* – ‘лук-пырей’), назван по специфическому цвету; *берилл* (греч. *beryllos* – ‘драгоценный камень’) – силикат бериллия и алюминия; *кошачий глаз* – калька с др.-еврейского, упоминаемая в переводе Библии; это наименование получил не собственно камень, а световой эффект переливчатости, чаще всего встречающейся у хризоберилла; *чароит* – минерал пироксеновой группы; по р. Чара в Забайкалье, где обнаружен впервые, позже найден на Урале.

Эмотивно-аксиологический план текстов с упоминанием ДК создаётся глаголами *люблю, горжусь, (мне) нравится, восхищаюсь* и под. и усиливается приёмом антономазии: камень символизирует человеческие чувства. См.: *Манят тайной полосы агата, / тонким шёлком в них застыло время: нежный шрам любви и тьма утраты, / пятна боли, несвершений бремя. / Гордостью сияют аметисты, / нежностью наполнены топазы, / блеск алмазов холоден, неистов... Вся палитра чувств, идей, желаний / расцветает, придавая силы, / облегчать озноб чужих страданий, / чтобы сердце камнем не застыло* (Т. Романова. «Самоцветы»). Поэтесса следует традиции начала XX в., противопоставляя разные ЛСВ лексемы *камень* на уровне гиперонима и гипонимов друг другу. *Алмаз* – от араб. *almas* – ‘твердеющий’, греч. *adamas* – ‘несокрушимый’; *топаз* – греч. по месту добычи – о. Топазиос. Ср.:

Мне **нравится камень топаз...** пускай они радуют глаз неброской своей красотой (Н. Прохорова. «Собрание камней»).

На Урале бытуют легенды, что все звуки Земли уходят в глубину, превращаясь в самоцветы: *Красоту глубинную потрогав, не случайно люди нарекли / край Уральский, сказочный и строгий, самоцветной музыкой земли* (Л. Ладейщикова. «Кто родством с цветком и камнем связан»). Подчеркнём необычность представлений уральцев об их родстве.

Ещё одна особенность уральской поэзии – прямые отсылки к П.П. Бажову: *Согласно сказам дедушки Бажова, / уральский камень надо так любить, / как будто в мире больше нет иного, / тогда он может красоту раскрыть* (З. Маркина. «Уральские камни»); *Показала, блестя перламутром, / в малахитной* (так! Л.Р.) *короне свои / горы с золотом-изумрудами / Хозяйка Медной горы* (О. Волкова. «Урал»); *Данила наделён уменьем: открывает тайну всех цветных камней* (Л. Смольникова. «Данила-мастер»); *Жил когда-то давно, в старину, / Павел Бажов. Про родную страну он сочинял знаменитые сказы / про малахиты, рубины, алмазы* /...*Правит там Хозяйка Медной горы* (А. Пинаев. «Он жил во глубине России»). Завершается стихотворение мыслью о глубинной связи России и Урала: *Как солнце в драгоценной грани, в Урале Русь отражена.*

У Н. Заболоцкого возникает новая тема: геологическая история Урала в изложении учительницы на школьном уроке (с 1934 г. курс геологии был введён в программу средних школ СССР): *...подземные пары, / как змеи, извиваясь меж камнями, / пустоты*

скал наполнили огнями / чудесных самоцветов. Все дары / блистательной таблицы элементов / здесь улеглись для наших инструментов / и затвердели (Н. Заболоцкий. «Отрывок из поэмы «Урал»). Автор, несомненно, был знаком с книгой А.Е. Ферсмана «Самоцветы России», где излагается теория зарождения самоцветов.

Местные мастера создают из камня ювелирные изделия, *каменные картины, каменные горки*. Горки из камней не только экспонат местных музеев, но и учебное пособие в школе, украшение дома, ценный подарок близким. В «бриллиантовую» екатерининскую эпоху уральский камень получил широкую известность в Петербурге. Уральцы до настоящего времени считают себя тесно связанными с Петербургом. В 1785 г. по приказу из столицы на месторождениях собирались для *Пирамиды* (составной каменной горки) образцы всех известных в это время самоцветов Российской империи. Большинство камней в *Пирамиде* – уральские. Г.Р. Державин откликнулся на это событие стихотворением необычной, пирамидальной, формы под тем же названием:

Зрю
Зарю
Лучами,
Как свечами,
Во мраке блестящу,
В восторг души приводящу.
Но что? – от солнца ль в ней толь милое блистанье?
Нет! – *Пирамида* –
дел благих воспоминанье.

«Благими делами» поэт называет труд старателей, отечественных и иностранных специалистов по поиску камней, строительству копей и мель-

ниц (гранитных заводов). В сказке П.П. Бажова «Серебряное копытце» дедов балаган – ‘временка / зимовье’ после ударов копытцем волшебного животного по крыше как *ворох дорогих камней стал*. *Ворох* – ‘куча, горка’ [4].

В Петербурге с последней четверти XVIII в. стали модными украшения – *каменные ягоды*. У П.П. Бажова есть сказ «Хрупкая веточка» о «мастерах по каменной ягоде», которые «чёрну смородину из *агату* делали, белу из *дурмашков*, клубнику из *сургучной яшмы*, княженику из *шерлевых шаричков*». Многочисленные местные названия в текстах Бажова в основном раскрыты. Нерасшифрованным остаётся наименование *дурмашки*. Примем во внимание сведения о добыче «белых» камней в местах, где жил писатель. Под Сысертью добывали минерал *стеатит*, который ювелиры называют то уникальным драгоценным камнем, то полудрагоценным. Это – необработанная тальковая руда, прозрачная и чрезвычайно красивая. Есть и точка зрения, что речь идёт в сказе о *горном хрустале*. Волшебная пуговица из *дурмашки*, полученная дочкой мастера Данилы от Хозяйки Медной горы, в описании П. Бажова, была похожа на стеклянную. *Шерловые шарички* – чёрный турмалин.

В стихотворении Л. Татьянической говорится о камнерезе, получившем приказ вырезать из камня виноград, который он никогда не видел: *Взял он не прозрачные тумпасы, / не морской воды аквамарин, / а кроваво-красные рубины / и густой, задумчивый гранат* (Л. Татьянической. «Уральский виноград»). *Аквамарин* (лат. aqua marina – ‘морская вода’) – берилл синеватого цвета, на Урале – *сивяк*. Если писатели Урала активно включают местные на-

звания самоцветов в свои произведения, то в поэзии *тумпасы* – единственное упоминание профессионализма, известное нам. *Тунпасы* (*тунпазы*) называются среди обнаруженных камней в «Сказке» Д. Тумашева. Определение *тунпасы жёлтые* у Тумашева может указывать на разновидности кварца: уральское «топаз» – *жёлтый или золотисто-жёлтый хрусталь // жёлтый кварц // цитрин // желтяк*. Наименование повторяется в указах царя Алексея Михайловича, посланных на Верхнюю Туру [1]. Д. Мамин-Сибиряк даёт родовое определение *тумпасу* – ‘кристалл’ [12, с. 45]. В геологической литературе *тумпы* – кристаллы в форме усечённой пирамиды.

Таким образом, фактический материал свидетельствует, что *Урал* – «становой хребет России» // «изумрудное сердце России» с его земными богатствами и по-особому понимаемой красотой земли и людей – сложнее, чем просто географическая или минералогическая номинация. Это – репрезентация особой русской ментальности, особая историко-культурная территория, где «земля смотрит на человека цветными глазами, говорящими о тайниках скрытой в ней жизни» (Д. Мамин-Сибиряк. «Самоцветы»), отражённая в уральском поэтическом пространстве.

ЛИТЕРАТУРА:

1. Акты о рудных и драгоценных камнях в приисках в Верхотурском и Тобольском уездах (1666-1670) // [Электронный ресурс]. – URL: [uraloved.ru/geologia] (дата обращения 14.07.2014.).
2. Бажов П.П. Собрание сочинений в 3 т. Т. 1 / под общей ред. В.А. Бажовой, А.А. Суркова и др. М.: ГИХЛ, 1952. 339 с.
3. Войлова К.А. Об изменении в систе-

- ме консонантизма говора д. Марково Талицкого района Свердловской области // Избранные труды. М.: МГОУ. С. 9-18.
4. Даль В.И. Толковый словарь живого великорусского языка. Т. 1-4. М.: Русский язык, 1989. Т. I. С. 246.
  5. Даль В.И. Толковый словарь живого великорусского языка. Т.1-4. М.: Русский язык, 1989. Т. IV. С. 136.
  6. Забозлаева Т.Б. Драгоценности в русской культуре XVIII-XX веков. Словарь. (История. Терминология. Предметный мир.). СПб.: Искусство, 2003. 464 с.
  7. Замятин Д.Н., Замятина Н.Ю., Митин И.И. Моделирование образов историко-культурной территории: Методологические и теоретические подходы / Отв. ред. Д.Н. Замятин. М.: Российский научно-исследовательский институт культурного и природного наследия им. Д.С. Лихачева, 2008. 759 с.
  8. Кай Плиний Секунд Старший. Естественная история ископаемых тел / Пер. Севергина В.М. СПб.: При Императорской Академии Наук, 1810. 385 с.
  9. Кокшаров Н.И. Материалы для минералогии России. Т. 1-6. СПб.: Императорское Санкт-Петербургское Минералогическое общество, 1852-1877.
  10. Лихачёв Д.С. Письма о добром. М.: Азбука-Аттикус, 2013. 572с.
  11. Ломоносов М.В. Известие о сочиняемой минералогии (на нем. яз.) [Электронный ресурс]. URL: [http://lomonosov.pomorsu.ru/dates.html] (дата обращения 10.07.2014).
  12. Мамин-Сибиряк Д.Н. Самоцветы. М.: Белый город, 2011. 48 с.
  13. Народные сказки, легенды и были, записанные в Башкирии в 1960-1966 гг. / Сост. Л.Г. Бараг. Уфа: Башкирское книжное издательство, 1969. 191с.
  14. Николашвили М.Н. Номинация драгоценных камней в русском языке: этимология, функционирование, типология. Дисс. ... канд. филол. наук. М.: МГОУ, 2012. 204 с.
  15. Пылаев М.И. Драгоценные камни. Их свойства, местонахождения и употребления. Изд. 2. СПб.: Издание А.О. Суворина 1888. 411с.; Изд. 3. СПб., 1896. 417с.
  16. Севергин В.М. Первые основания минералогии или естественной истории ископаемых тел. В 2 кн. // Академические сочинения. СПб.: Санкт-Петербургская академия наук, 1798.
  17. Уральский хребет [Электронный ресурс]. URL: [wikipedia.ru] Энциклопедический словарь Брокгауза-Ефрона. Т. 34 А (68). (дата обращения 6.06.2014).
  18. Ферсман А.Е. Очерки по истории камня в 2 т. Т. 1. М.: Терра, 2003. 520с.
  19. Ферсман А.Е. Рассказы о самоцветах. М.: Наука, 1974. 275с.
  20. Ферсман А.Е. Самоцветы России. Т. 1. Петроград, 2-я государственная типография, 1921. 123с.
  21. Фасмер М. Этимологический словарь русского языка. Т. I-IV. М.: Прогресс, 1986-1987.
  22. Шафрановский И.И. Поэтическая коллекция драгоценных камней (самоцветы в русской поэзии)//Среди минералов. М.: Минералогический альманах. 2001. С.184- 188.
  23. Шилкина М.М. Мотивы и образы драгоценных камней в русской поэзии рубежа XIX – XX веков. Автореф. дисс. ... канд. филол. наук. Волгоград: ВГУ, 2004. 24 с.

УДК 83.373.6

Трафименкова Т.А.*Брянский медицинский техникум им. ак. Н.М. Амосова***РЕПРЕЗЕНТАЦИЯ РАСТЕНИЙ В ЭТИМОЛОГИЧЕСКОЙ ЛЕКСИКОГРАФИИ
КАК ОТРАЖЕНИЕ ФРАГМЕНТА ЯЗЫКОВОЙ ДЕЙСТВИТЕЛЬНОСТИ**

Аннотация. Статья посвящена вопросу интерпретации фрагмента языковой действительности «Растительный мир» в этимологических словарях Н. Горяева, Н. Шанского, А. Преображенского, В. Цыганенко, М. Фасмера, П. Черных. Подробно рассматривается структура словарных статей, посвящённых номинациям растений. Обращается внимание на наличие грамматических помет, гипотез о происхождении анализируемых лексических единиц, синонимичных им словоформ и номинаций растительных реалий диалектного употребления.

Ключевые слова: языковая картина мира, этимологический словарь, растительный мир, номинация, растение, словарная статья, заголовочное слово.

T. Trafimenkova*Amosov Bryansk Medical College***REPRESENTATION OF PLANTS IN THE ETIMOLOGICAL LEXICOGRAPHY
AS A REFLECTION OF A FRAGMENT OF LINGUISTIC REALITY**

Abstract. The article focuses on the interpretation of a fragment of linguistic reality «World of Plants» in the etymological dictionaries of N. Goryaev, N. Shanskiy, A. Preobrazhenskiy, V. Tsyganenko, M. Fasmer and P. Chernov. The structure of the entries devoted to nominations of plants is examined in detail. The attention is drawn to the presence of grammatical labels, hypotheses about the origin of the analyzed lexical items, synonymous word forms and nominations of plant realities of dialect use.

Keywords: language world, etymological dictionary, the flora, the nomination, plant, dictionary entry, the heading.

Жизнь человека лингвистична. Язык, как зеркало, отражает все изменения, происходящие в мире, обществе, жизни отдельного человека.

Согласно точке зрения А.А. Арестовой, при исследовании проблемы отражения картины мира в человеческом языке обычно исходят из простой триады: окружающая действительность, отражение этой действительности в мозгу человека и выражение результата этого отражения в языке [1, с. 21].

Словари как самый компактный и совершенный источник предметной информации о слове выступают наиболее подходящей формой, отражающей языковую картину мира, так как для человека важно не только выразить свои представления о мире в лексических номинациях, но и систематизировать их по областям знаний. Сделать это помогают различные лексикографические из-

дания, каждое из которых фиксирует знания человека о мире с определённых лингвистических позиций.

Фрагмент языковой действительности, представленный номинациями растительного мира, находит отражение не только в идеографической, толковой и исторической лексикографии, но и в других типах словарей, актуализирующих разные грани языковой картины мира.

Так, этимологические словари содержат информацию о происхождении названий растений, мотивировочном признаке, лежащем в основе их наименования, употреблении данных номинаций в других родственных языках, тем самым они дополняют и конкретизируют «лексикографический портрет» исследуемой нами группы лексики. Несомненно, что, говоря о репрезентации названий растений в этимологических словарях, надо иметь в виду, что полнота отражения лексических единиц будет определяться их ориентированностью на специалиста или широкого читателя.

С целью составления полного представления об употреблении лексических единиц, называющих растения, в русской языковой картине мира, нами было проанализировано 7 этимологических изданий: «Сравнительный этимологический словарь русского языка» Н.В. Горяева, «Этимологический словарь русского языка» в 3-х т. А. Преображенского, «Краткий этимологический словарь русского языка» Н.М. Шанского и др., «Школьный этимологический словарь» под ред. Н.М. Шанского и Т.А. Бобровой, «Этимологический словарь русского языка» Г.П. Цыганенко, «Этимологический словарь русского языка» в 4-х т. М. Фас-

мера и «Историко-этимологический словарь» в 2-х т. П.Я. Черных.

Лексические единицы, номинирующие растительный мир, в этимологических словарях отражаются в разном объёме, и обусловлено это различными задачами, которые ставит перед собой тот или иной словарь. Рассмотрим более подробно представление названий растений в перечисленных выше этимологических словарях.

«Сравнительный этимологический словарь русского языка» Н.В. Горяева насчитывает 166 лексических единиц, номинирующих реалии растительного мира. Это первый научный этимологический словарь, и он имеет свои особенности, которые мы проанализируем на примере названий растений. Прежде всего, обращает на себя внимание тот факт, что номинации растений, как и другие слова в этом лексикографическом издании, рассматриваются не с точки зрения этимологии, в привычном понимании этого слова, а с точки зрения употребления в различных родственных и западноевропейских языках. В этом случае установить точную этимологию слова в большинстве случаев невозможно, но зато словарь даёт бесценный материал для сопоставления названий растений в русской языковой картине мира с картинами мира других языков. Как отмечает сам автор, весь лексический материал он представил «в связи с четырьмя важнейшими славянскими наречиями – старославянским, сербским, чешским, польским» [2, с. 6]. Кроме того, чтобы увеличить материал сравнений, Н.В. Горяев приводит примеры употребления названий флоры в великорусском, малороссийском и белорусском языках, а также примеры заимствований из славянских языков;

литовского, тюркского, албанского, финского, румынского, мадьярского и новогреческого. Например:

Горох-ъ, -ов-ый, горош-ин-а, -ек-ъ - малоросс. горхъ, орохъ, ст. сл. грах-ъ, серб. грах, чеш. hrach, пол. groch, финск. rokka, литов. garsva, лот. garsas, нем. Giersch.

В словаре вызывает интерес способ подачи материала. Отметим, что сохраняются старославянские написания слов с редуцированными гласными на конце. В заголовочном слове отделяется корень, далее даются морфемы для образования новых слов (существительных и прилагательных) с этим же корнем: *арбуз-ъ*, -ик-ъ, -н-ый [2, с. 5], *банан-ъ*, -ов-ый [2, с. 11], *боб-ъ*, -ов-ый, -ов-ни-къ [2, с. 21], *гриб-ъ*, -н-ой, -нищ-а [2, с. 79], *ив-а*, -ов-ый, -ин-а, -н-як-ъ [2, с. 120]. Данный подход к заголовочному слову объясняется гнездовым способом подачи языковых единиц, когда в пределах одной словарной статьи оказываются разные, но однокоренные слова: *вин-о*, *вин-н-ый*, *-о-град-ъ* [2, с. 49], *гвозд-ъ*, -ик-ъ, -и-ть, -ик-а [2, с. 66], *клуб-ок-ъ*, *клуб-н-ик-а* [2, с. 144].

В словарной статье, посвящённой полевому цветку *васильку*, в качестве заголовочного предлагается сразу 3 слова: *василёкъ*, *василёчекъ*, *васильковый*, то есть сама номинация цветка, однокоренные существительное с уменьшительно-ласкательным суффиксом и прилагательное. Такое представление лексической единицы, относящейся к ЛСГ «Растения», единично, связано оно, по-видимому, с чередованиями согласных к//ч (*василекъ* - *василёчекъ*) и гласного ё с нулем звука (*василёкъ* - *васильковый*), отразить которые другим способом автор не считал возможным.

Все названия растений в словаре даются в единственном числе. Исключение составляют лишь *кабачки* и *томаты*, представленные формой Pluralia tantum, и связано это, наверное, с тем, что на момент создания словаря данные формы множественного числа были предпочтительнее для употребления.

Только к четырём номинациям растений автор словаря даёт толкование: *анчаръ* (ядовитое дерево) [2, с. 5], *арника* (баранья трава) [2, с. 6], *астра* (цвѣтокъ) [2, с. 7], *дуля* (род груши) [2, с. 99]. Все остальные названия растений даются без лексических значений, что указывает на то, что они хорошо знакомы широкому читателю и не требуют каких-либо пояснений.

Этимологических справок относительно происхождения названия того или иного растения немного. Из всех названий растений – трав, цветов, деревьев, кустарников – лишь у лексической единицы *помидоры* точно указан источник заимствования – фр. *rommesd'amour* (**томатъ**), а у номинации *георгин* – ономастическая основа появления (цветок назван по фамилии русского академика Георги). Отсутствие слова *одуванчик* в других родственных и западноевропейских языках позволяет говорить об исконно русском происхождении данного наименования.

Несомненно, что любой этимологический словарь представляет интерес с точки зрения установления мотивировочного признака, лежащего в основе номинирования. И если в словаре Н.М. Шанского (его мы рассмотрим ниже) указаний на мотивированность внутренней формы слова достаточно много, то Н.П. Горяев в этом случае не

следует традиционным представлениям об этимологическом словаре и даёт пояснение, кроме уже упомянутой номинации *георгин*, ещё к двум названиям растений – *смородина* и *одуванчик*: *смород-ин-а* названа так по сильному запаху, вероятно, сперва только чёрная смородина: красная называлась *порички* [2, с. 332]; *оду-в-ан-чик-ъ* – от одуть: пушинки цветка можно одуть, оборвать дуновением [2, с. 237].

Таким образом, «Сравнительный этимологический словарь русского языка» Н.В. Горяева об употреблении названий растений в русской языковой картине мира даёт довольно широкое представление, которое достигается не только за счёт большого количества лексических единиц, номинирующих деревья, травы, цветы, кустарники, полукустарники, плоды и ягоды, злаковые и сельскохозяйственные культуры, а также части растений – корень, стебель, плод, цветок и т. д., но и за счёт сопоставления русских названий с названиями этих же растений в других языках, что позволяет расширить рамки русской языковой картины мира и отразить её видение с точки зрения сравнительно-сопоставительного анализа.

В «Этимологическом словаре русского языка» А. Преображенского представлено 112 номинаций, относящихся к лексико-семантической группе «Растения». Как и в словаре Н.В. Горяева, здесь сохраняется старославянский вариант написания слов, но словарная статья строится несколько иначе. Во-первых, к заголовочному слову обязательно приводится форма родительного падежа: *баклажанъ* – *баклажана*, *василёкъ* – *василька*, *герань* – *герани*, *желудь* – *желудя*. Кроме того, обращается внимание и на названия растений,

характерные для разговорной речи, в этом случае, приводятся две формы Р.п.: *салатъ* – *салата* и *салату*, *вязъ* – *вяза* и *вязу*, *шалфей* – *шалфея* и *шалфею*, *щавель* – *щавеля* и *щавелю*. Реже даются формы множественного числа: *бобъ* – мн. *бобы*, *вишня* – мн. *вишень*, *желудь* – мн. *желуди*. Далее в большинстве случаев определяется лексическое значение (толкование) номинации. Отметим, что примеры описательных толкований единичны: *ягель* – мохъ, которым питаются северные олени [3, с. 133], *кабачки* – род огородного тыквенного растения [3, с. 279]. Разграничение омонимичных значений встречается только у нескольких растений: *малина* – растение *rubus*, настойка на малине, род птички [3, с. 505], *розмаринъ* – растение *rosmarinus officinalis*, болотный багуль *ledum palustre*, род яблоч [3, с. 211] и т. д.

В большинстве случаев в основном указывается принадлежность к лексико-семантической группе – растения (*омела* – растение *viscum album*, *птичий клей* [3, с. 649], *репа* – растение *brassica* [3, с. 236], *тюльпанъ* – растение *tuliha* [3, с. 30]); в отдельных случаях конкретизируется жизненная форма – дерево, кустарник, трава (*барбарисъ* – растение кустарник [с. 116], *берестъ* – дерево *ulmus* [3, с. 24], *калина* – кустарникъ *viburnum opulus* [3, с. 286], *платанъ* – дерево *platanus* [3, с. 69], *бедренець* – трава *pimpinella* [3, с. 21]); в некоторых толкованиях автор словаря ограничивается лишь бытовыми представлениями о том или ином растении, не приводя достоверных ботанических сведений (*баклажанъ* – плод, *василёкъ* – цветок).

Номенклатурное латинское название растений приводится последо-

вательно в каждой словарной статье. Иногда можно встретить даже несколько таких наименований, это связано, прежде всего, с тем, что в обиходной речи виды растений не разграничиваются, и отличить их можно, только используя номенклатурные наименования: *ромашка* – растение *matricaria* и *anthemis*, *anthemis nobilis* [3, с. 213], *репей* – растение *lappa tomentosa*, также *agrifonia* [3, с. 197], *осот* – растение разных видов *cirsium*, *carduus*, *sonchus* [3, с. 664].

В словарной статье к заголовочному слову приводится целый ряд однокоренных (существительных и прилагательных) – *арбузь* – арбузный, *арбузикъ* [3, с. 7], *берёза* – берёзка, берёзовый, берёзовка, берёзовикъ, березникъ, березнякъ [3, с. 24], *верескъ* – вересокъ, вереснякъ, вересовый, вересковый [3, с. 74], синонимичных – *лопухъ* / *репейникъ* [3, с. 469], *барвинокъ* / растение могильница [3, с. 17], *спаржа* / перекати-поле [3, с. 364] и диалектных номинаций – *можжевельник* / диал. *можжуха* [3, с. 514], *огурецъ* / диал. *севск. гурок* [3, с. 637], *морковь* / диал. *орл.-кур. морква* [с. 557], *крыжовникъ* / *орл.-кур. кружевникъ*, *симб. крыжберсень* [3, с. 397], *камышъ* / диал. *камышло* [3, с. 290] и т. д. Что касается диалектных названий растений, то они в словаре даются с пометой «диал.», «обл.», иногда с указанием на конкретное территориальное употребление: «орл.», «кур.», «моск.» и т. д.

Обратим внимание, что при преобладающем алфавитном способе расположения лексических единиц в словаре относительно названий растений есть примеры и алфавитно-гнездового способа подачи материала. Это касается номинаций некоторых грибов, полу-

чивших своё наименование от дерева, под которым они произрастают. Автор не выносит их в отдельную словарную статью, а помещает после названия дерева как однокоренные: *осина* – *подосиновикъ*, *берёза* – *подберёзовикъ*.

По сравнению с рассмотренным ранее этимологическим словарём, в словаре А. Преображенского есть соотношение номинаций с языком – источником, порой приводятся подробные этимологические справки об истории происхождения того или иного растения, при наличии нескольких гипотез даются все, причём с указанием авторства. Например:

Тюльпанъ – цветок назван по сходству с чалмой (четыре раза обёрнутый вокруг головы муслиновый или крапивоный платок) [3, с. 30].

Плющъ – К. Штрекель отвергает заимствование из герм. и находит возможным отнести блевать, плевать, так как ***hedera* и *bryonia* ядовитые растения**. Так же Бернекер [3, с. 32].

Бобъ – лат. *fabia*, дрпрус. *abo*. Может быть, древнее заимствование. Впрочем, Бернекер допускает возможность исконного родства [3, с. 32].

Отражается в словаре и многозначность лексических единиц, называющих растения. Прежде всего, это касается таких номинаций, которые служат одновременно для называния самого растения и его плода – *лимон*, *смородина*, *померанец*, *вишня* и т. д., то есть здесь можно вести речь о многозначности, возникшей в результате метонимического переноса. Кроме того, в словаре обращают на себя внимание нечастые, но имеющиеся стилистические пометы, а также в отдельных случаях указания на сферу употребления той или иной номинации. Например,

пометы «книж.» имеют лексические единицы *платан*, *лилия*; растение *пижма* сопровождается комментарием о том, что оно неизвестно в деревнях, а употребляется только в речи городского населения; у *левкоя* указана сфера профессионального употребления – садоводство.

Весь рассмотренный лексикографический материал позволяет сделать вывод, что словарь компактно фиксирует актуальный лингвистический материал, относящийся к семантическому полю «Растительный мир», приводит достаточное количество информации по каждой номинации растений, что даёт возможность составить определённую картину об их употреблении и функционировании в языковой действительности.

Наиболее полным и авторитетным современным этимологическим словарём русского языка является словарь М. Фасмера. Лексико-семантическая группа «растения» представлена в нём тремястами номинациями. Отметим, что словник включает как общеупотребительные (из них 36 номинаций зафиксировано только в словаре М. Фасмера), так и диалектные наименования.

Как правило, каждое заголовочное слово снабжено отсылкой к тематической группе «растение», приводится латинское номенклатурное название. В редких случаях даётся пояснение, приводимое автором, видимо для того, чтобы помочь сориентировать носителя языка относительно реалий растительного мира: *вика* – горошек посевной, кормовой; *осокорь* – серебристый тополь, чёрный тополь. Подчас к заголовочному слову даётся целый перечень разговорных или диалектных

вариантов названия растения: *жимолость* – жимолита, жимолюста, жиломуста, желомут, желомудина, жаломудина, жиломустина и жилщъмус, жиломучина [4, т. 2, с. 55], *ландыш* – ланка, ландушка, лантус [4, т. 2, с. 457], *фига* – инжир, смоква [4, т. 4, с. 192].

Большое внимание автор словаря уделяет названию растений в славянских языках, поэтому славянские корни отделены от остальных знаком двух вертикальных черт. Такая особенность в построении словарной статьи помогает быстрее установить соответствие названия того или иного растения в родственных славянских языках, проследить, как русская языковая картина мира соотносится, например, с украинской, чешской, болгарской и другими ЯКМ. Приведём несколько примеров.

Вяз – укр. *в'яз*, др.-русс. *в'язь*, сербохорв. *vez*, словен. *vez*, чеш. *vaz*, польск. *wiaz*, в.-луж. *wjaz*, н.-луж. *wjez* [4, т. 1, с. 374].

Мята – болг. *метва*, сербохорв. *мѣтва*, словен. *metva*, чеш. *mata*, польск. *mieta*, в.-луж. *wows*, н.-луж. *hows*, словц. *mata* [4, т. 3, с. 31].

Отличием данного лексикографического издания, конечно же, в первую очередь является наличие большого количества диалектных наименований, которые М. Фасмер приводит после общеупотребительных.

Этимологические справки с указанием на мотивировочный признак, лежащий в основе наименования того или иного растения, даются автором только в нескольких словарных статьях:

Астра – от греч. «звезда», так как цветы имеют звездообразную форму [4, т. 1, с. 94].

Гвоздика – название объясняется тем, что гвоздика (пряность) по форме напоминает гвоздь старой ручнойковки [4, т. 1, с. 399].

Липа – дерево было названо так из-за своего липкого сока [4, т. 2, с. 499].

Это, по-видимому, объясняется стремлением автора привести точки зрения на происхождение слов других лингвистов и дать широкий сопоставительный анализ употребления одних и тех же лексических единиц в разных языках. Помета «трудное слово» при некоторых названиях растений означает невозможность объяснить его происхождение однозначно. Например:

Кукуруза – Трудное слово. Предположение о слав. происхождении и родстве с болг. кукуряк «чемерица», словен. kukurjav, kukurjast «курчавый» (Бернекер, Младенов) не устраняет трудностей словообразования. От толкования из тур. *kokoros* «кукуруза» отказались Миклошич и Корш. Если источником было румын. *suciguz*, то оно должно было первоначально иметь значение «еловая шишка». Заслуживает внимания гипотеза о происхождении из *kukugu* – подзывание домашней птицы при кормлении зернами кукурузы [4, т. 2, с. 407].

В некоторых словарных статьях можно встретить и элементы энциклопедических сведений: *жимолость* – ягоды и корень растения применяются как средство против расстройства желудка [4, т. 2, с. 56].

Итак, несмотря на то что представление номинаций в этимологических словарях имеет свои особенности, эти лексикографические издания позволяют дополнить сведения о фрагменте действительности теми данными,

которые важны для носителей языка и могут быть полезны при изучении языковой картины мира.

«Этимологические словари русского языка» Г.П. Цыганенко и Н.М. Шанского по сравнению с рассмотренным выше словарём М. Фасмера ориентированы на литературную лексику, поэтому в них главным образом находят отражение общеупотребительные названия растений, известные широкому кругу носителей языка. Особое внимание в этих словарях уделяется истории слов, которая описывается в доступной форме, с опорой на мотивировочные признаки, лежащие в основе названий растительных реалий. Например, указывается, что *астра* названа так по своей форме, напоминающей звезду [7, с. 30; 5, с. 20], *берёза* – по белому цвету коры [7, с. 42; 5, с. 29], *пальма* – за схожесть листьев с пальцами рук, ладонью [7, с. 324], *мокрица* – по месту произрастания: в сырых, затенённых местах [7, с. 269]. В отдельных случаях, когда нет однозначного объяснения этимологии названия, приводится несколько точек зрения. Так, Г.П. Цыганенко отмечает, что наименование *калина* [5, с. 165] образовано с помощью суффикса *-ин-*, характерного для кустарников, от существительного *каль* «грязь». В таком случае в основе номинации лежит место произрастания растения – калина растёт на влажной почве. В то же время наименование кустарника можно объяснить и цветом плодов «чёрная», как бы грязная (у некоторых видов) или же вообще связать с глаголом *калить* «пылать», так как куст калины с красными ягодами напоминает пылающий костёр. Этимология наименований и язык-первоисточник в слова-

рых Г.П. Цыганенко и Н.М. Шанского в основном совпадает, путь заимствования названий растений прослеживается довольно подробно, с указанием времени их появления и фиксации в словарях русского языка:

Абрикос – заимств. в начале XVIII в. из голландск. яз., в котором *abricos* из романск. яз. В роман. яз. слово пришло из арабск. В арабск. (через посредство греч.) – из лат. В XVIII в. В русск. яз. наряду с сущ. *абрикос* употреблялось сущ. *априкос*, заимствованное из нем. яз. К XIX в. нем. заимствование было вытеснено современной формой, голландск. по происхождению [7, с. 22].

Расхождения встречаются крайне редко. Например, Н.М. Шанский считает *каштан* заимствованием из польского языка [7, с. 192], а Г.П. Цыганенко говорит лишь о польском посредстве при заимствовании из немецкого языка [5, с. 172]. Кроме того, в словаре Н.М. Шанского не даётся лексических значений, так как включённые в словарь наименования не вызывают трудности в толковании, после заголовочного слова сразу указывается происхождение номинации. Словарь Г.П. Цыганенко вначале приводит значение, причём оно даётся с опорой на ботанические сведения – указываются:

- семейства, к которым принадлежат растения: *горох* – «растение семейства бобовых», *черемуха* – «дерево или кустарник семейства розовых».

- жизненная форма – трава, кустарник, дерево – с конкретизацией характера листы, съедобности плодов, запаха и вкуса: *вяз* – лиственное дерево, *багульник* – ядовитый кустарник, *слива* – фруктовое дерево, *сосна* – вечнозелёное хвойное дерево, *полынь*

– трава с сильным запахом и горьким вкусом;

- место произрастания растения: *мимоза* – южное растение, *лук* – овощное растение, *левкой* – садовое растение, *ковыль* – степное растение.

Алфавитно-гнездовой способ размещения лексических единиц в «Этимологическом словаре» Г.П. Цыганенко используется при толковании таких названий растений, как *гвоздика*, *горчица*, *ежевика*, *лопух*, *клубника*. Их соответственно можно обнаружить в статьях к словам *гвоздь*, *горький*, *ёж*, *лопата*, *клубень*, которые, в свою очередь, являются мотивировочной основой для объяснения названия данных растений.

Таким образом, «Этимологические словари русского языка» Г.П. Цыганенко и Н.М. Шанского отражают фрагмент действительности «растительный мир» в том объёме номинаций, который известен широкому кругу носителей языка, подробно прослеживают исторические изменения, пути заимствований и этимологию названий растений.

Для широкого круга читателей предназначен и «Историко-этимологический словарь русского языка» П.Я. Черных. Если говорить обобщённо, то здесь в словарных статьях даётся определение значения слова, указываются производные и однокоренные слова, приводятся родственные образования в других славянских языках, а для заимствованных слов – языковые параллели в других языках. Указывается время появления слова в языке с иллюстрацией из памятника письменности соответствующего периода. Прослеживается изменение значения слова, его фонетического облика, ор-

фографии. Можно отметить тот факт, что по количественному составу отражения растений словарь П. Черных занимает промежуточное положение между словарями Н. Шанского и Г. Цыганенко (159/143/82 соответственно). Кроме того, есть и растения, этимология названий которых объясняется только в этом лексикографическом издании, например: *алоэ*, *анис*, *бегония*, *беладонна*, *гиацинт*, *гортензия*, *осока*, *хризантема* и т. д.

Что касается толкования, то лексическое значение приводится с учётом не только жизненной формы растений, но и других ботанических сведений:

- рода, вида, семейства, подсемейства растений: *багульник* – «род вечнозелёных низкорослых цветущих кустарников семейства вересковых», [6, т. 1, с. 64];

- времени произрастания (однолетнее, двулетнее, многолетнее): *ирис* – «многолетнее травянистое растение семейства касатиковых» [6, т. 1, с. 356], *дыня* – «однолетнее теплолюбивое растение семейства тыквенных» [6, т. 1, с. 278], *сельдерей* – «двулетнее овощное пряное растение» [6, т. 2, с. 152];

- места произрастания: *глициния* – южное вьющееся декоративное растение, *мимоза* – тропическое цветущее растение, *маслина* – субтропическое вечнозелёное плодородное дерево, *астра* – садовое травянистое растение, *бегония* – комнатное растение и т. д.):

Номенклатурное латинское название у каждого растения указывается последовательно, разговорные и синонимичные формы приводятся по мере необходимости представления полной картины о той или иной номинации. Например, *беладонна* – красавка, сонная одурь; *герань* – журавельник, мож-

жевательник – можжевель, можжуха, пион – марьин корень и т. д. Иногда даются сведения энциклопедического характера: *беладонна* – употребляется в медицине и косметике, родина *садовой гвоздики* – Южная Европа и т. п. В большинстве случаев при определении лексического значения разграничивается многозначность и омонимия. Так, к многозначным номинациям относятся *алоэ* (южное растение и сок листьев этого растения), *горчица* (травянистое растение и жидкая приправа), *репей* (травянистое растение и соцветие растения, цепляющееся за одежду), *чай* (вечнозелёное растение и ароматный напиток), *калина* (кустарник и ягоды этого растения). Надо отметить, что пример с *калиной* в словаре единственный, когда многозначность, возникшая в результате метонимического переноса «растение – его плод», оформляется в два самостоятельных значения, в остальных случаях подобные значения даются через запятую, как и некоторые другие: *гиацинт* – цветущее растение из рода луковичных, драгоценный камень.

Омонимы представлены традиционно в разных словарных статьях: *гранат* (южное плодородное растение, драгоценный камень), *ирис* (травянистое растение, сорт твёрдых конфет), *лук* (ручное орудие, огородное овощное растение), *петрушка* (кукла, овощное травянистое растение) и т. д.

Таким образом, анализ репрезентации семантического поля «растительный мир» в «Этимологических словарях русского языка» позволят сделать вывод, что в них отражается фрагмент языковой картины мира с определённой точки зрения, так как здесь приводится информация о растениях, этимологии их названий, употреблении в других славянских и западноевропей-

ских языках. В свою очередь, зафиксированные в этимологических словарях сведения, дополняют данные других лексикографических изданий и в совокупности с ними позволяют составить целостное представление об отражении номинаций растений в русской языковой картине мира.

ЛИТЕРАТУРА:

1. Арестова А.А. Языковая картина мира: лингвокультурологические и гендерные особенности. Тамбов: Изд-во ТО-ИПКРО, 2006. 131с.
2. Горяев Н.В. Сравнительный этимологический словарь русского языка. Тифлис: Типография ханц. Главнач. гр. ч. на Кавказе, Лорисъ-Меликъ, 1896.
3. Преображенский А. Этимологический словарь русского языка. В 3-х т. М.: Типография Г. Лиссивра и Д. Совко, 1910-1914.
4. Фасмер М. Этимологический словарь русского языка. В 4-х т. / под ред. Б.А. Ларина. М.: Прогресс, 1986.
5. Цыганенко Г.П. Этимологический словарь русского языка. Киев: Рад. Шк., 1989. 511 с.
6. Черных П.Я. Историко-этимологический словарь современного русского языка. В 2-х т. М.: Рус. яз., 1999. 560с.
7. Шанский Н.М. Краткий этимологический словарь русского языка / Под ред. С.Г. Бархударова. М.: Просвещение, 1975. 458с.
8. Шанский Н.М. Школьный этимологический словарь русского языка: Происхождение слов / Н.М. Шанский, Т.А. Боброва. М.: Дрофа, 2000. 398с.

УДК 811.161.1

Герасименко Н.А.*Московский государственный областной университет***ЖАНР И СИНТАКСИС: К ПРОБЛЕМЕ ИСПОЛЬЗОВАНИЯ
БИСУБСТАНТИВНЫХ ПРЕДЛОЖЕНИЙ В ГАЗЕТНОМ ТЕКСТЕ**

Аннотация. В статье методом сравнительного анализа на материалах газеты «Комсомольская правда» (70–80–е годы XX в и начало XXI в) исследуется функционирование бисубстантивных предложений в текстах разных жанров. Показано, что основной задачей использования бисубстантивных предложений в аналитических жанрах (в передовой статье газеты) было формирование целеустановки, обязательной к выполнению; воздействие на массы и обращение к массам. Бисубстантивные предложения в газете доперестроечного периода использовались с пропагандистскими целями как средство выражения лозунга, призыва, а также как способ сформулировать цели и задачи партии. В современной газете эти функции бисубстантивных предложений перестали быть первостепенными, но сохраняются в политическом и рекламном дискурсах. В художественно-публицистических жанрах бисубстантивные предложения сохраняют свою активность и используются в разных значениях. На примере бисубстантивных предложений с таксономическим значением в очерках и заметках о природе В.М. Пескова показано разнообразие форм и оттенков значений этого типа предложений.

Ключевые слова: бисубстантивные предложения, жанры публицистики, текст газеты, политический дискурс.

N. Gerasimenko*Moscow State Regional University***GENRE AND SYNTAX: ON THE PROBLEM OF USE OF BISUBSTANTIVE
SENTENCES IN THE NEWSPAPER TEXT**

Abstract. In the article, the function of the bisubstantive sentences in texts of different genres is investigated with the method of the comparative analysis. The analysis is made on the materials of the newspaper «Komsomolskaya Pravda» (the 70–80s years of 20th and the beginning of 21st centuries). It is shown that the main objective of using of the bisubstantive sentences in analytical genres (in an editorial of a newspaper) was the formation of an aim, mandatory for execution; influence on the masses and appeal to the masses. Bisubstantive sentences in the papers of the pre-perestroika period were used for propaganda purposes as a means of expressing the slogan, appeal, and as a way to formulate goals and objectives of the communist party. In modern newspapers, these functions of the bisubstantive sentences stopped being the dominant, though they are still present in political and advertising discourse. In the artistic and journalistic genres, bisubstantive sentences retain their activity and are used in different ways. On the examples of the bisubstantive sentences with the taxonomic value used by V. Peskov in his essays and articles about the nature a variety of shapes and shades of meaning of this type of sentences is shown.

Keywords: bisubstantive sentence, genres of journalism, text of newspapers, political discourse.

Средства массовой информации (СМИ) в современном обществе играют важную роль. Они оказывают огромное влияние на людей, формируют общественное мнение, привлекают внимание к актуальным проблемам, информируют о фактах и событиях, оценивают эти факты и события, рекламируют товары и услуги и др. Газета – одно из основных и влиятельных средств массовой информации – не утратила своего значения, потому что по-прежнему является оперативным органом, откликающимся на актуальные события в стране и мире. Развитие средств массовой информации привело к расслоению газет в соответствии с задачами, поставленными обществом или владельцами, к появлению новых видов газет, посвящённых ограниченному числу тем, к возникновению новых типов газеты – радио-газета, интернет-газета и др. Разнообразие задач, которые решаются в газете, реализуется в разных жанрах. Бисубстантивные предложения (БП) всегда активно использовались в текстах СМИ, потому что обладают высоким воздействием потенциалом, связанным с особенностями их структуры, семантической объёмностью и fasciniрующими возможностями [3, 4].

Задача настоящей статьи – показать изменения, произошедшие в функционировании бисубстантивных предложений в газетном тексте, и обосновать связь этих процессов с особенностями развития общества и его потребностей, отражающуюся в изменении жанровой структуры газетного текста.

Известное разделение публицистических жанров на информационные, аналитические и художественно-публицистические [6, 7] вполне отражает

сложившуюся в современных СМИ картину жанров. В соответствии с изменениями, происходящими в экономической, общественно-политической, социальной, культурной сферах развития общества меняются сами средства массовой информации, их возможности (радио, телевидение, интернет-технологии) [5], но цели и задачи остаются прежними – информировать общество о происходящих событиях; анализировать, систематизировать и обобщать факты, явления и события; влиять на общественное сознание, формировать отношение к этим событиям, фактам, явлениям. Поэтому использование бисубстантивных предложений остаётся актуальным и продуктивным в современной газете. Как показывает проанализированный материал [газета «Комсомольская правда» (1979-80 гг.; 2005-10 гг.)], изменилась частота употребления отдельных видов БП в соответствии с изменением продуктивности некоторых жанров.

Так, в доперестроечный период (70-80-е г. XX века) популярными в газетном тексте были бисубстантивные предложения, включающие в качестве предиката существительные с модально-оценочным значением: *цель, задача, долг, обязанность* и под. Объединяет эти лексические единицы общее значение назначения, целенаправленности, сочетающееся со значением действия, процесса. Поэтому подлежащим в таких предложениях выступают девербативы – существительные, образованные от глаголов: *Обязанность каждого гражданина нашей страны – усиление дисциплины труда; Доля каждого коллектива – укрепление сплочённости в борьбе с негативными*

явлениями в быту. Модальность необходимости, заключённая в предикате БП, подчёркивается расчленённой конструкцией «существительное – существительное» с нулевой формой связки. В этой конструкции рождается значение вневременности (всегда, во все времена) и обобщённое значение синтаксического лица (каждый, любой) [8]. Бисубстантивные предложения этой разновидности употреблялись преимущественно в передовой статье газеты, цель которой была – подчеркнуть важность поставленных партией задач и призвать к их выполнению. Этот вид БП стал формой лозунга, призыва, которые были широко распространены на ежегодных демонстрациях 1 Мая и 7 Ноября.

С другой стороны, партия провозглашала собственные цели и задачи, уже не обременяя себя модальностью долженствования: *Нашей единственной целью является создание условий для достойной жизни народов Советского Союза, каждого её гражданина; Повышение уровня благосостояния народа – первоочередная задача партии.*

В современном газетном тексте передовая статья утратила прежние задачи – нацелить, призвать к выполнению. Сам жанр передовой статьи практически исчез. Однако бисубстантивные предложения с модально-оценочными словами в позиции предиката продолжают быть продуктивными в других воздействующих жанрах – в рекламе, в политическом дискурсе, например. В предвыборных кампаниях пропагандистская функция бисубстантивных предложений по-прежнему востребована: *Моей единственной целью является борьба за благосостояние народа; Главная из моих задач – служение сво-*

ему народу; Победа на выборах – цель нашей партии.

Введение конкретизатора снимает высшую степень обобщённости в БП, потому что в предложении появляется значение актуального времени [8]: *Сейчас задача всех тружеников села – сохранение урожая* (задача ставится уже не перед всем народом, а перед сельскими жителями); *В колхозе «Красный луч» главное дело сейчас – строительство телятника* (речь идёт о главном деле для всех работников только этого колхоза). Чем больше конкретизаторов, тем меньшей становится степень обобщённости высказывания. Такой вид бисубстантивного предложения был характерен для жанра производственного очерка, в котором обобщался и оценивался передовой опыт и попутно решались задачи популяризирующего и воспитывающего характера.

В современной газете жанр очерка непопулярен, но в газете «Комсомольская правда» этот жанр всегда сохранялся, в последние десятилетия благодаря великолепным очеркам В.М. Пескова. Он стал продолжателем традиций М.М. Пришвина, К.Г. Паустовского, посвящавших многие свои произведения русской природе. Очерки и заметки о природе В.М. Пескова представляют собой яркий пример художественно-публицистических жанров газетного текста. Для них важны любовь к природе и людям, живущим на родной земле, глубокие знания, точность детали, тонкая наблюдательность.

Бисубстантивные предложения в этом жанре сохранили свою значимость. Глубокое знание природы отражается в таксономических бисубстантивных предложениях. В основе

таксономии лежит различие единичных объектов действительности и классов объектов и установление между ними иерархических отношений [2, с. 10]. В.М. Песков в своих заметках о природе демонстрирует доскональное знание видов растений и животных, пород птиц и рыб, обитающих на территории России, и не только России (далее все примеры приводятся из очерков и заметок о природе В.М. Пескова): *Саранка – многолетнее луковичное растение, вид лилии; Степняк – это степная птица; Слон – одно из диких животных Африки.*

Таксономическое значение проявляется в определённых конструкциях бисубстантивных предложений, которые могут включать слова-классификаторы (*род, вид, отряд* и т. п.): *Пчёлы относятся к отряду перепончатокрылых насекомых; Это растение [саранка], встречающееся на Камчатке, входит в группу ядовитых растений; Такое удивительное поведение белки относится к разряду уникальных явлений.*

Для выражения таксономического значения в бисубстантивных предложениях используются особые синтаксические конструкции со значением выделения: *один из (главный из... и под.) + родительный падеж множественного числа существительного, имеющего классифицирующее значение.* Они позволяют выделить объект действительности из ряда однотипных объектов и обозначить его место в системе: *Одна из достопримечательностей Приокско-Тerrasного природного биосферного заповедника – зубровый питомник.* Значение избирательности, свойственное таким конструкциям, осложняет таксономическое значение

БП: *Лось – один из самых крупных обитателей Приокского заповедника.*

Наряду с бисубстантивными предложениями с таксономическим значением в очерках В.М. Пескова активно используются БП со значениями характеристики, оценки, именованья и др. Стиль публицистических работ этого автора заслуживает специального изучения.

Краткий сравнительный анализ функционирования бисубстантивных предложений в текстах газеты «Комсомольская правда» конца XX и начала XXI веков показывает, что экономические, политические, социальные и культурные изменения, происходящие в жизни общества, отражаются в изменении системы и содержания жанров газетных текстов и в отборе разных видов бисубстантивных предложений в соответствии с новыми задачами СМИ.

ЛИТЕРАТУРА:

1. Анненкова И.В. Медиадискурс XXI века. Лингвофилософский аспект языка СМИ. М.: Изд-во Моск. ун-та; факультет журналистики МГУ им. М. В. Ломоносова, 2011. 392 с.
2. Арутюнова Н.Д., Ширяев Е.Н. Русское предложение. Бытийный тип. М., 1983. 198 с.
3. Герасименко Н.А. Бисубстантивные предложения в русском языке: структура, семантика, функционирование: монография. М.: Изд-во МГОУ, 2012. 292 с.
4. Герасименко Н.А. Соотношение объективного и субъективного компонентов смысла в бисубстантивных предложениях. // Электронный Вестник Московского государственного областного университета. 2012. – № 4. – www.evestnik-mgou.ru.
5. Леденёва В.В. О лексике современных коммуникативных сфер: семантический

- портрет слова *телевизация* // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Русская филология. 2012. № 6. С. 12-16.
6. Смелкова З.С., Ассуирова Л.В., Савова М.Р., Сальникова О.А. Риторические основы журналистики. Работа над жанрами газеты. М.: Флинта, Наука, 2009. 320 с.
7. Тертычный А.А. Жанры периодической печати. Учебное пособие. М.: Аспект Пресс, 2000. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://evartist.narod.ru/text2/01.htm>, свободный (дата обращения 2.11.2014).
8. Шаповалова Т.Е. От временной обобщённости к вневременности // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Русская филология. 2013. № 4. С. 18- 21.

УДК 811.161.1'373.47

Козловская А.А.*Московский государственный областной университет***О НЕКОТОРЫХ ЯЗЫКОВЫХ СРЕДСТВАХ ИНТЕНСИФИКАЦИИ
СЕМАНТИКИ ПРЕДИКАТИВА В ПОЭТИЧЕСКИХ ТЕКСТАХ СЕРЕБРЯНОГО ВЕКА**

Аннотация. В лингвистических научных описаниях утвердилось понятие интенсификации, градуальности и способах их выражения в предложении. В данной статье рассматриваются морфологические интенсификаторы (наречия меры и степени, частицы) при предикатах с семантикой душевного состояния на материале поэтических текстов поэтов Серебряного века (А. Ахматовой, С. Есенина и В. Маяковского). Обращено внимание на роль интенсификаторов как средства усиления экспрессии, воздействия на читателя, а также способа более полного раскрытия душевного состояния лирического героя.

Ключевые слова: интенсификация, интенсификатор, предикатив, градуальность, экспрессивность.

A. Kozlovskaya*Moscow State Regional University***ON SOME LANGUAGE MEANS OF SEMANTIC INTENSIFICATIONS
OF PREDICATIVE IN POETIC TEXTS OF THE SILVER AGE**

Abstract. In linguistic scientific descriptions the notion of intensification, graduality and ways of their expression in a sentence has strengthened. This article describes the morphological intensifiers (adverbs of measure and degree, particles) attached to predicate with semantics of state of mind on material of poetic texts by poets of the Silver Age (A. Akhmatova, S. Yesenin and V. Mayakovsky). Attention is paid to the role of intensifiers as a means of enhancing the expression, means of influencing the reader, and also means of more complete disclosure of protagonist's state of mind.

Keywords: intensification, intensificator, predicative, graduality, expressivity.

Предикатив является устоявшимся понятием в современных грамматических описаниях (В.В. Виноградов, П.А. Лекант, М.В. Дегтярёва, Д.А. Савостина, И.Б. Барамыгина и др.). В системе частей речи современного русского языка предикатив занимает особое место как «гибридная» часть речи, совмещающая в себе признаки глагола (аналитические формы лица, времени и наклонения) и имени прилагательного (род, число и возможность образования степени сравнения).

Уникальность предикатива состоит не только в его особом частеречном статусе, но ещё и в семантике *качественного состояния*, почему и, реализуясь в художественном контексте, предикатив даёт максимально исчерпывающую характеристику того или иного душевного состояния. Предикатив служит достижению выразительности высказывания, его экспрессивности, способствуя

тем самым усилению субъективности высказывания. Как замечает Д.А. Савостина, «предикатив экспрессивен сам по себе, субъективность обусловлена синтаксической функцией этой части речи, её категориальным значением качественного состояния» [8, с. 71]. Наличие экспрессивно-оценочных свойств объясняется «двойственной» природой предикатива. Благодаря своей ёмкости и содержательности, именно эта часть речи стала чуть ли не самой востребованной в творчестве поэтов и писателей эпохи Серебряного века. Для выражения душевного состояния лирического героя художники слова использовали предикатив, чувствуя его глубокий потенциал. Более эффективное воздействие на читателя достигается употреблением личных и безличных предикативных конструкций в сочетании со специальными языковыми средствами, образующими так называемый *интенсив*.

Интенсив, вопрос интенсификации высказывания в настоящее время активно исследуется лингвистами. П.А. Лекант рассматривает интенсификацию как ряд функционально-семантических операций, включающих *подчёркивание* (*акцентирование*), *усиление*, *полноту*, *градацию* (*обычно*, *высокую степень*), *обобщение* [6, с. 57] (выделено нами. – А. К.).

Производным понятием от *интенсификация* является *интенсификатор*. К примеру, можно сказать – *мне грустно*, а можно – *мне так грустно*, *очень грустно*, *прегрустно*, *гру-у-у-грустно*. Нейтральная лексема *грустно* содержит только оценку, то есть передаёт негативное состояние души со знаком «минус». Ряд производных объединяет общая сема «состояние грусти», а от-

личает друг от друга количественная характеристика этого состояния. При помощи дополнительных языковых средств (словообразовательных аффиксов, наречий, частиц) семантика душевного состояния усиливается, а высказывание приобретает экспрессивную окраску.

Интенсификаторы образуют комплекс языковых средств, служащих усилению семантики предикатива, в том числе и душевного состояния. По словам П.А. Леканта, корпус интенсификаторов достаточно сложно обозначить; учёный предлагает включить в него некоторые «функционально обособившиеся группы слов – от наречий степени до усилительных частиц», к примеру: прилагательные *полный*, *сплошной*, *целый*; местоименные слова *весь*, *как* и *так* [6, с. 57]. По способу выражения в языке можно выделить морфологические, синтаксические, фонетические или звуковые (тоны-интенсификаторы) и словообразовательные (аффиксы-интенсификаторы) интенсификаторы.

В художественных текстах поэтов А. Ахматовой, С. Есенина и В. Маяковского самой многочисленной является группа морфологических интенсификаторов. Наиболее частотны предикативные конструкции в сочетании с частицами *как* и *так*. Личные: *Я думаю: Как прекрасна Земля/ И на ней человек* (С. Есенин); *Как невозможна грусть, как тщетно ожиданье!* (А. Ахматова); *Любимый сын мой,/Что с тобой?/Ты был так кроток,/Был так смиренен* (С. Есенин); безличные: «*Ласточка, ласточка, как мне больно!*» (А. Ахматова); *Или дальней вестью мы утешены?/Отчего мне так легко с тобой?* (А. Ахматова); *И было тяжело и так*

печально мне./ И всё же мы друг друга не поняли. (С. Есенин).

П.А. Лекант назвал частицы *как* и *так*, с одной стороны, «операторами субъективности», поскольку в сочетании с предикативом (или другими полнозначными словами) данные частицы передают личное отношение говорящего, а с другой – «знаками оценки», поскольку содержат указание на оценку [6, с. 57]. По словам В.Г. Гака, в сравнении с другими средствами выразительности, «не менее сильными <...> являются формальные интенсификаторы *как*, *какой*, *так*, *такой*. <...> Формальные интенсификаторы широко употребляются в эмотивных высказываниях» [2, с. 651].

Важно отметить, что значение субъективности или проявление полноты, предельности признака, передающееся с помощью частиц *как* и *так*, может быть усилено дополнительными интенсификаторами, за счёт чего в высказывании создаётся своеобразный эффект «двойной» экспрессии, а состояние души, позитивное или негативное, выраженное посредством предикатива, приобретает особую эмоциональную выразительность. Это может быть нарочитая тавтология: *Если б ты, Алиса, знала./Как мне скучно, скучно жить!* (А. Ахматова); междометие плюс инверсия: *Сердце гложет плакучая дума.../Ой, не весел ты, край мой родной* (С. Есенин). В некоторых предикативных конструкциях с семантикой душевного состояния отмечается комплекс интенсификаторов, например, частица *как* плюс междометие: *Вам жить, а мне не очень./Тот близок поворот./О, как он строг и точен./Незримого расчёт* (А. Ахматова); *«Ах, как поэтично.../как возвышенно.../Ах!»*

(В. Маяковский); частица *как* плюс инверсия и междометие: *О, как великолепен я/в самой сияющей из моих бесчисленных душ!* (В. Маяковский). «Междометие подчёркивает высокую степень проявления предикативного признака, интенсивность качественного состояния субъекта» [8, с. 69].

Примечательно, что конструкций с интенсификатором *как* гораздо больше, нежели с *так*. По всей вероятности, это связано с тем, что данная частица обладает большей эмоциональностью: «...субъективность и оценочность *как* имеют эмоциональный характер – в этих чертах, свойствах *так* преобладает рациональность» [6, с. 58].

Другой продуктивной группой интенсификаторов-лексем являются наречия меры и степени: *очень*, *совсем*, *слишком*. Некоторыми исследователями эти интенсификаторы классифицируются как *градуаторы*: «Градуатор – это специальное средство, повышающее или понижающее степень проявления признака (аффиксы, лексические средства и т. п.)» [4, с. 19]. Наречия данной классификационной группы объединяет наличие общей семы «степени величины некоторого признака и функция указания на степень его величины» [5, с. 15], они градуальны по своей природе. Главная особенность наречий меры и степени заключается в том, что в условиях художественного контекста, по словам С.М. Колесниковой, они «выполняют функцию показателей различной степени величины признака – *градуаторов*» (показатели низкой, средней, достаточной и высокой степени) [5, с. 15].

Самые распространённые – предикативные конструкции с наречием *очень*, *совсем*, *слишком*, указывающие

на «высокую степень величины признака» [5, с. 18]: *Когда уже совсем неинтересны/Герой и героиня...* (А. Ахматова); *Нам совсем не опасен/Один индивид.* (С. Есенин); *Ты слишком кровожаден.* (С. Есенин); *Я жду тебя – мне очень трудно* (А. Ахматова); *Очень прост/воспитанья вопрос* (В. Маяковский); *Потом ведь нам очень важно/Поймать его не пустым* (С. Есенин); *Друг мой, друг мой, Я очень и очень болен./ Сам не знаю, откуда взялась эта боль* (С. Есенин). В последнем тексте повтор наречия *очень* удваивает болезненное состояние лирического героя, усиливает душевный надрыв.

«Способность предикатива употребляться с градуаторами (наречиями меры и степени) сближает его с глаголом и противопоставляет существительному. <...> Сочетание предикатива с наречиями указанной семантической группы является ещё одним, не менее эффективным, средством придания предикату и предложению в целом интенсивности, градации, экспрессии, субъективности» [8, с. 71-72].

Помимо интенсификаторов-лексем поэтами также использовались и другие разновидности «усилителей», например, графо- и фоно-интенсификаторы: *Съестного/в чикагских барах/чего-чего не нач_у_дено!/Чудн_о_человеку в Чикаго!/Чудн_о_человеку!/И ч_у_дно* (В. Маяковский); *Папаша,/мне скушно!/ Мне скушно, папаша!* (В. Маяковский); *Скушно у вас./Ох, и скушно!* (В. Маяковский)

Особую красоту и выразительность содержат личные предикативные конструкции с синтаксическими интенсификаторами-тропами – сравнительными и метафорическими оборотами:

И она стучит, как кровь,/как дыхание тепла,/Как счастливая любовь,/Рассудительна и зла (А. Ахматова); *Жизнь моя светла, как ручей* (А. Ахматова); *Честен он,/как честен вол* (В. Маяковский); *С алым соком ягоды на коже,/Нежная, красивая была/На закат ты розовый похожа /И, как снег, лучиста и светла* (С. Есенин); *Будет пуст стакан,/Как и жизнь пуста.* (С. Есенин). Как пишет В.Г. Гак, «эмотивная сила высказывания подчёркивается употреблением после прямого обозначения косвенной номинации – метафоры или сравнения» [2, с. 652].

Таким образом, использование в поэтическом тексте предикативов в сочетании с разнообразными интенсификаторами позволило поэтам Серебряного века гораздо полнее и ярче передать душевное состояние и лирического героя, и своё собственное.

ЛИТЕРАТУРА:

1. Ахматова А.А. Избранное. Смоленск: Русич, 2002. 640с.
2. Гак В.Г. Языковые преобразования. М.: Школа «Языки русской культуры», 1998. 768.
3. Есенин С.А. Полное собрание сочинений в одном томе. М.: Альфа-Книга, 2010. 719с.
4. Колесникова С.М. Категория градualityности в современном русском языке. Дисс. ...д-ра. филол.наук. М., 1999. 425с.
5. Колесникова С.М. Синтагматические особенности наречий меры и степени и их градуальная функция в современном русском языке//Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Русская филология. 2012. №3. С.14-19.
6. Лекант П.А. Интенсив – это форма или конструкция?//Вестник Московского государственного областного универ-

- ситета. Серия: Русская филология. 2010. № 1. С. 56-60.
7. Маяковский В.В. Сочинения в двух томах. Том первый. М.: Правда, 1987. С. 768
8. Савостина Д.А. Категоризация субъективности и эмоциональности в русской литературе первой трети XX века: формы предикатива. Монография. М.: Издательство МГОУ, 2010. 153с.

УДК 81'42, 81'371

Кривоносова М. А.*Брянский государственный университет имени академика
И.Г. Петровского (филиал в г. Новозыбкове)***ЗМЕЙ (ЗМИЙ, ЗМЕЙ, ЗМИЙ, ЗМЕЯ) КАК СПОСОБ РЕПРЕЗЕНТАЦИИ
ОБЩЕКУЛЬТУРНЫХ УЗУАЛЬНЫХ И АВТОРСКИХ СИМВОЛИЧЕСКИХ
ЗНАЧЕНИЙ В ПОЭЗИИ МАКСИМИЛИАНА ВОЛОШИНА**

Аннотация. В статье представлено изучение феномена символа, а также символического значения слова как лингвистических категорий; предложено системное и последовательное описание языкового символа *Змей* (*Змий, змей, змий, змея*), функционирующего в поэзии Максимилиана Волошина; определены условия эксплицирования словом *Змей* (*Змий, змей, змий, змея*) общекультурных узувальных и индивидуально-авторских символических значений в рамках идиостиля писателя; раскрыты принципы организации ассоциативно-смыслового поля рассматриваемого символа.

Ключевые слова: символ, символ змей, символическое значение, система значений символа, Максимилиан Волошин.

M. Krivonosova*Bryansk State University***ЗМЕЙ (ЗМИЙ, ЗМЕЙ, ЗМИЙ, ЗМЕЯ) AS A WAY OF REPRESENTATION
OF COMMON CULTURAL USUAL AND AUTHOR'S SYMBOLICAL MEANINGS
IN MAXIMILIAN VOLOSHIN'S POETRY**

Abstract. The article presents a study of a phenomenon of a symbol and also a symbolical word meaning as linguistic categories; it suggests systematic and consistent description of a language symbol *змея* (*змий, змей, змий, змея*) that functions in poetry of Maximilian Voloshin. The article defines the conditions of explication by a word a snake of common cultural usual and personal and authoring symbolical meanings within the writer's ideostyle; it reveals the principles of the organization of an associative and semantic field of the considered symbol.

Keywords: symbol, symbol snake, symbolical value, system of values of a symbol, Maximilian Voloshin.

В настоящее время можно констатировать возросший интерес к символике, символу как предмету философского, историко-культурного, семантического, психологического анализа.

В этой связи исследование символического значения слова с учётом особенностей индивидуально-авторского словоупотребления (нашедшего отражение в организации поэтических текстов) представляет особый интерес и даёт материал для более широких обобщений относительно роли и функционирования символов в языке и культуре.

© Кривоносова М. А., 2014.

Поэтому лингвистическое исследование, посвящённое рассмотрению символа как некоторой единицы в масштабе одного художественного целого – поэзии Максимилиана Волошина – представляется весьма важным.

Символ – особый знак, который уже в своей внешней форме «заключает в себе содержание выявляемого в нём представления» [4, с. 13–22]. То есть символ в широком семиотическом смысле «есть знак, который предполагает использование своего первичного содержания в качестве формы другого, более абстрактного и общего содержания» [15, с. 125]. В своём понимании этого понятия мы опираемся на концепцию Ю.М. Лотмана: «Символ и в плане выражения, и в плане содержания всегда представляет собой некоторый текст, т. е. обладает некоторым замкнутым в себе значением и отчётливо выраженной границей, позволяющей ясно выделить его из окружающего семиотического контекста» [6, с. 147].

Итак, считаем возможным определить символ как знак, имеющий архетипическую нагрузку и реализующий образное значение.

Символическое значение понимается нами, вслед за О.Г. Пестовой, как «разновидность значения слова, в котором устойчивая ассоциативная или конвенциональная связь символизирующего и символизируемого мотивирована особой социальной функцией денотата символизирующего» [10, с. 149]. Таким образом, можно констатировать, что символическое значение может быть сведено к пониманию некоего глубинного смысла в значении слова, который реконструируется в рамках определённой культурной парадигмы.

И всё-таки справедливым будет предложение А.Ю. Нестерова, предлагающего признать нормативным двойное определение символа, когда, с одной стороны, «собственно символ существует как символическое (невыводимое из знакового механизма и тем самым незнаковое) значение, само по себе ухватываемое как акт трансцендирования риторического значения знака»; с другой стороны, «символ как знак (или вообще нечто материальное) есть знак некоторой риторической системы в целом (целостного текста), функционирующий в состоянии модели, обогащённой символическим (трансцендентным) значением» [8, с. 19].

Обобщая сказанное, следует признать, что исследование символа строится по двухуровневому принципу: «на уровне синтагматических отношений реализуется символическое значение, на уровне парадигматики – сумма символических значений формирует текстовую модальность» [13, с. 310].

Основываясь на данных теоретических предпосылках, рассмотрим особенности функционирования номинации *Змей* (*Змий*, *змея*, *змий*, *змея*) в стихах Максимилиана Волошина.

Змей является одним из наиболее древних, сложных и противоречивых анималистических символов. Он распространён практически во всех культурах, причём в каждой из них связывался как с положительным, так и с отрицательным началами: «Символика защиты и разрушения, объединяющая... мифы о змеях, показывает, что змея имеет двойственную репутацию, является источником силы, если её правильно использовать, но потенциально опасна и часто – эмблема смерти

и хаоса, так же как и жизни. Двойственность репутации змеи, её символизм, балансирующий между страхом и поклонением, повлияли на то, что она предстаёт то в образе прародителя, то в образе врага, считается то героем, то монстром» [14, с. 116-117]. Однако на первый план в символике змеи выступает её негативная сторона, связываемая со смертельной опасностью ядовитых укусов. Эта особенность нашла отражение в речи: «хитрый (лживый), как змея», «настоящая змея», «изворачиваться, как змея», «пригреть на груди змею», «змея подколодная».

В «Словаре славянской мифологии» отмечается, что змея «в воображении народа является живым олицетворением всего нечистого, возбуждающего смешанное с ужасом отвращение, всего злого, лукавого, вредоносного» [11, с. 155]. Кроме того, упоминается Змей Горыныч, представитель злого мира, порождение нежити-нечисти [11, с. 89-90], и Змей Огненный, змеевидный демон, наделённый антропоморфными чертами [11, с. 90-91]. Этот факт говорит не только об общекультурной значимости данного символа, но и о важной его роли в славянской традиции.

Фундаментальное издание Н.В. Павлович «Словарь поэтических образов», в котором выстраиваются парадигмы символических значений, предлагает следующую словарную дефиницию: «Змея → другое существо (человек: воин; божество или мифологическое существо: бес); Змея → орудие (пронизывающие или режущие орудия); Змея → растение (трава и злаки); Змея → вода; Змея → драгоценное; Змея → вещество; Змея → ментальное; Змея → экзистенциальное; Змея → веревка» [9, с. 120-121].

В стихах Максимилиана Волошина план выражения исследуемого символа не всегда одинаков: *Змей, Змий, змей, змий, змея*. Символические значения номинации *Змей (Змий, змей, змий, змея)* обусловлены семантикой контактно и дистантно употребленных лексем, концепцией конкретного стихотворения, идиостилем поэта. Контекст произведений Максимилиана Волошина позволяет выделить следующие значения данного символа:

I. *Змей (змей)* – искушение, соблазн, сам дьявол; всемирное зло;

II. *Змеи* – атрибуты военного времени (множество окопных линий, лучи прожектора);

III. *Змий* – Змей Горыныч;

IV. *Змий* – человек безудержный, ненасытный, следующий животным инстинктам;

V. *Змея* – росток, всход как результат деятельности Сатаны;

VI. *Змей (змея)* – мифологическое существо, активный деятель зла, злодей;

VII. *Змей* – бунт, восстание, протест;

VIII. *Змий* – разум, бесперспективность научного знания;

IX. *Змея* – «цепь жизни»; страдания, целенаправленно укрепляющие дух;

X. *Змея* – познание;

XI. *Змей* – Париж как «нервный узел Европы»;

XII. *Змея* – жизненная энергия, внутренняя сила.

Проиллюстрируем представленную нами структуру контекстом.

1. *Змей* – 'искушение, соблазн, сам дьявол'. Первый уровень ассоциаций связан с христианской культурой и может объясняться, исходя из библейского толкования: змея «служит оли-

цетворением сатаны (сцена в раю), в то же время жезл, превращающийся в змею и обратно, помогает Моисею отправиться в пустыню» [1, с. 96]; «в западном искусстве змея стала основным символом зла, греха, искушения или обмана» [14, с. 120].

Так, *Змей* в стихах Максимилиана Волошина – это ‘искушение, соблазн, сам дьявол’, «посеявший волю к свету» в душе человека: «Я верен тёмному завету:/ “Быть всей душой в борьбе!”/ Но *Змей*,/ Что в нас посеял волю к свету,/ Велев любить, сказал: “Убий”» [2, с. 148].

В строках: «Я глас вопиющего в дикой пустыне:/ Пути приготовьте для Господа ныне!/ О вы, порожденье ехидны и змея!/ Ещё ведь не поздно! Покайтесь скорее!..» [3, с. 304] – «порожденье ехидны и змея» необходимо понимать как образы античных мифических чудовищ (Химеру, Орфа, Цербера), рождённых ехидной и Тифоном (змеем). Считаем возможным определить, что в данном микроконтексте реализовано (имплицитно) следующее символическое значение: *змей* = ‘всемирное зло’ (= античный Тифон = христианский Сатана, угрожающие человеческому роду).

2. На втором уровне ассоциаций *змеи* – ‘атрибуты военного времени (множество окопных линий, лучи прожектора)¹’: «Время как будто опрокинулось,/ И некрещённым водою Потопа/ Казался мир: из тины выползали/ Огромные коленчатые гады,/ Железные кишки пауки,/ Змеи глота-

¹ К адским созданиям Максимилиан Волошин приравнивает и машины, наводнившие мир, отмечая, что «демоны, для которых человечество построило стальные и медные тела, органически ненавидят создания искусства, создания духа» [3, с. 652].

ли молнии,/ Драконы извергали/ Сноп огня и жалили хвостом...» [3, с. 41]. Или – «И было видно: осветлённый/ Сияньем бледного венца,/ Как ствол дорической колонны,/ Висел в созвездии Тельца/ Корабль. С земли взвивались змеи,/ Высоко бил фонтан комет/ И гас среди звёзд Кассиопеи» [2, с. 239]. Максимилиан Волошин, описывая налёт на Париж дирижаблей в период Первой мировой войны, видит в разрушительных лучах огня и света змей.

3. *Змий* – ‘Змей Горыныч’ (змей на национально-культурном поле) раскрывается в «Стенькином суде»: «У великого моря Хвалынского,/ Заточённый в прибрежный шихан,/ Претерпевый от змия горынского,/ Жду вестей из полуношных стран» [2, с. 276]².

4. *Змий* – ‘человек безудержный, ненасытный, следующий животным инстинктам’. В поэме «Протопоп Аввакум»: «И всё-то у Христа для человека наделано./ Его же дние в суете, как тень, проходят:/ Он скачет, что козёл,/ Съесть хочет, яко змий,/ Лукавствует, как бес,/ И гневен, яко рысь» [2, с. 306].

5. *Змея* – ‘росток, всход как результат деятельности Сатаны’: «В осенний день по стынущим полянам/ Недобрый Сеятель/ В годину Лжи и Гнева/ Рукою щедрою посеял.../ Бед/ И ненависти колос,/ Змеи плевел/ Взойдут в полях безрадостных побед» [2, с. 226]. В этих строках – прозрачная параллель с евангельской притчей о пшенице и плевелах (Матфей. XIII. 24-30). Однако в стихах Максимилиана Волошина *Недобрый Сеятель* (= дьявол, сатана) засеял мир *плевелами бед и ненависти* →

² Волошин обращается к старому народному преданию, по которому сердце Стеньки в горе «с восхода до заката» сосёт «великий змей» [2, с. 533].

адский урожай взошёл змеями.

6. *Змей (змея)* – ‘мифологическое существо, активный деятель зла, злодей’: «Но пусть огонь и жалит и язвит/ Певучий дух, задушенный телами, –/ Лаокоон, опутанный узлами/ Горючих змей... напрягся и молчит» [2, с. 123]¹.

Античный миф отразился и в строках: «Но не вольна праматерь Гея/ Рожать сынов. Пифон умолк,/ И сторожат пещеру змея/ Священный лавр, дельфийский волк...» [2, с. 110]. Чтобы установить свой культ в Дельфах, Аполлон должен был убить Пифона – дракона-кормильца ужасного монстра Тифона. Этот миф можно истолковывать как борьбу светлых сил со змеем (источником зла, активным его деятелем)². Символ *змея* как зло побеждённое повторяется в тексте при описании Святилища (оракула) Аполлона в Дельфах: «И где колчан с угрозой звякал/ И змея бог стрелой язвил,/ Вещает праведный оракул,/ И горек лавр во рту сивилл» [2, с. 111].

7. *Змей* – ‘бунт, восстание, протест’: «Он создан был безумным Демиургом./ Вон конь его и змей между копыт:/ Конь змею – «Сгинь!», а змей в ответ: «Resurgam!»/ Судьба империи в двойной борьбе:/ Здесь бунт, – там строй; здесь бред, – там клич судьбе» [3, с. 417]. В автографе Максимилиана Волошина под текстом стихотворения

сохранилась приписка: «Написано... в виде протеста против переименования Петербурга в Петроград, чтобы в безвыходных сонетных рифмах зафиксировать имя Петербурга» [3, с. 701]. Это авторское замечание позволяет увидеть в *Демиурге* на коне Петра I, которому противостоит *змея* как воплощение *бунта, бреда* и *восстания* (Resurgam – Восстану (лат.)). Среди контекстуальных антонимов – *конь* – *змея*, *бунт* – *строй*, *бред* – *клич судьбе* – первые репрезентируют светлую сторону в противостоянии, вторые – тёмную. Этот корреляционный стержень стихотворения позволяет говорить о том, что семантика символа *змея* содержит семы ‘бунт’, ‘бред’³.

8. *Змий* – ‘разум, бесперспективность научного знания’: «...И разум, исследивший все пути,/ Наткнулся сам на собственные грани:/ Библейский змий поймал себя за хвост» [3, с. 26]. В последней строке символ материализуется: «Библейский змий поймал себя за хвост». Определение *Библейский* эксплицирует пейоративную оценку символа *змий* (‘искушающий, ведущий к греху прочь от истины’). Вместе с тем образ *змея*, кусающего себя за хвост (греч. уроборос), олицетворяет «вечное возвращение в циклической форме или вечность вообще» [1, с. 96-97]. Важно также отметить, что Волошин

¹ Лаокоон – трагический герой последнего дня троянской войны, в одиночку пытавшийся разрушить вражеский дар, за что был наказан богами: задушен змеями [5, с. 188-189].

² Примечательно, что в творческой тетради Максимилиана Волошина Дельфы ассоциируются с «логовом змея» [1, с. 470], которое в поэтическом переложении воплотилось в «змиево гнездо» [1, с. 110], то есть поэт отказался от прямого использования слова-символа, заменив его дериватом.

³ Кроме того, антитеза, на которой построено стихотворение, проявляется не только на лексическом и синтаксическом уровнях, но и поддерживается глубоким смысловым противостоянием анималистических символов: «Мифологическим антиподом змеи считается конь... Воин на коне, повергающий змея, является весьма распространённой символической композицией у различных народов» [12, с. 187]. Ср. – «Песнь о вещем Олеге», сюжет о Георгии Победоносце.

определил тему стихотворения как «аскетизм науки» [3, с. 661], научное любопытство человечества снова и снова будет обречено на тупик, но не приведёт к истине. Отсюда *змей* – ‘бесперспективность научного знания’.

9. *Змея* – ‘цепь жизни»; страдания, целенаправленно укрепляющие дух’: «С грустью принимаю/ Тягу древних змей:/ Медленную Майю/ Торопливых дней» [2, с. 63]. Семантику этого символа помогают раскрыть размышления самого Максимилиана Волошина в письме М. Сабашниковой: «Надо спуститься добровольно в мир. Смирено, своей волей надеть цепь жизни, «тягу древних змей»...Примем на себя тягу всего человеческого» [2, с. 454]. Синтаксическая конструкция стиха подразумевает, что вторая часть предложения поясняет первую, в том числе и символическое наполнение номинации *змея*. В этой связи примечательно, что омоним Майя, восходящий к индийской мифологии, сам по себе глубоко символичен¹. Отсюда: *змея* ↔ *Майя* = ‘цепь жизни’.

10. *Змея* – ‘познание’: «Здесь все есть символ, знак, пример./ Какую повесть зла и мук вы/ Здесь разберёте на стенах?/ Как в этих сложных письменах/ Понять значенье каждой буквы?/ Их взгляд, как взгляд змеи, тягуч.../ Закрыта дверь. Потерян ключ» [2, с. 53].

Змея как ‘символ познания, источник страдания и боли’ раскрывается в контексте: «Но семь цветов разъяты в

¹ Волошин включал в это понятие «обман рдяного человеческого дыхания, обману воспалённых слов», окружающих человека в городе (необходимо победить Майю); называл Майей ‘цепь жизни», «тягу всего человеческого»: страдания, любви, чувства и чувственности, рамок и цепей (необходимо принять) [2, с. 454].

каждой доле/ Одной симфонии. Не оттого ли/ Отливами горю я, как змея?.../ Ключ, коршун, печень! Бей, кровавый ключ!» [2, с. 201]. Это значение символа поддерживается всей структурой сонетов «Два демона»: «Сатана у Волошина очеловечен до последней степени: он освящён страданием Прометея, он сближается чем-то со Спасителем. Абсолютной антигуманности первого демона противопоставлена предельная гуманность второго» [7, с. 66]. *Змея* в этом контексте – не только христианский символ познания, но и сам Прометей, традиционный символ прекрасного, но и неизбежно страдающего добра.

11. *Змей* – ‘Париж как «нервный узел Европы»’. В стихах Максимилиана Волошина *Змей* связан с описанием ночного Парижа и наделён мейоративной окраской: «Город-Змей, сжимая звенья,/ Сыпет искры в алый день...» [2, с. 22]. Свое отношение к этому городу поэт сообщал в письме А.М. Петровой: «Он меня совсем покорило, уничтожил и влюбил в себя... Париж – нервный узел всей Европы, солнечное сплетение ее чувствующих и сознающих тканей» [2, с. 440].

12. *Змея* – ‘жизненная энергия, внутренняя сила’: «Кто сказал: «Змеёю препояшу/ И пошлю»?.. Ликуя и скорбя,/ Возношу к верховным солнцам чашу,/ Переполненную светами, – себя...» [2, с. 167]. Словосочетание *змеёю препояшу*, вероятно, отсылает к теософскому понятию «кундалини»². Но, вместе с тем, эти строки могут

² «В эзотерических системах азиатского происхождения змея “кундалини”, свернувшись в клубок у нижнего конца позвоночника, символизирует жизненную энергию, которую следует разбудить и развить путём медитации» [1, с. 97].

быть реминисценциями библейских эпизодов: рассказ аввы Евстафия об искушении бесами, явившимися ему в виде эфиопов: они «схватили меня и <...> змеёю препоясали меня по моим чреслам» (Еп. Игнатий (Брянчанинов) Отечник. СПб, 1903, с.118); слова Иисуса, обращённые к Петру: «... другой тебя препояшет, и поведёт, куда не хочешь» (Иоанн. XXI. 18).

Учитывая вышесказанное, можно констатировать:

1. Символ понимается нами как знак, имеющий архетипическую нагрузку и реализующий образное значение.

2. Символическое значение – некоторый глубинный смысл в значении слова, реконструируемый в рамках определённой культурной парадигмы.

3. Общекультурное узуальное значение символа может расширяться, раскрываясь посредством семантики контактно и дистантно употреблённых лексем, концепции конкретного стихотворения, а также идиостиля поэта.

4. Так, в системе значений символа *Змей* (*Змий, змей, змий, змея*) в поэзии Максимилиана Волошина семы на I, III, VI, XII ассоциативных уровнях репрезентируют общекультурное узуальное значение символа, а на II, IV, V, VII, VIII, IX, X, XI ассоциативных уровнях – индивидуально-авторское (как результат текстовой модальности, фиксированный посредством расширения узуального символического значения).

5. Представленная нами полисемантическая природа символа *Змей* (*Змий, змей, змий, змея*) определена как экстралингвистически – глубоким общекультурным содержанием символа, так и внутрilingвистиче-

ски – гиперсмысловой нагрузкой слова в контексте идиолекта Максимилиана Волошина.

ЛИТЕРАТУРА:

1. Бидерманн Г. Энциклопедия символов / Пер. с нем. Общ. ред. и предисл. И.С. Свенцицкой. М.: Республика, 1996. 335 с.
2. Волошин М. Собрание сочинений. Т. 1. Стихотворения и поэмы 1899-1926 / Сост. и подгот. текста В.П. Купченко, А.В. Лаврова; коммент. В.П. Купченко. М.: Эллис Лак 2000, 2003. 608 с.
3. Волошин М. Собрание сочинений. Т. 2. Стихотворения и поэмы 1891-1931 / Сост. и подгот. текста В.П. Купченко, А.В. Лаврова; коммент. В.П. Купченко. М.: Эллис Лак 2000, 2004. 768 с.
4. Гегель Г.Ф. Эстетика: в 4 т. Т. 2. М.: Искусство, 1969. 326 с.
5. Замаровский В. [Zamarovsky V.] Боги и герои античных сказаний: словарь / Пер. с чеш. М.: Республика, 1994. 399 с.
6. Лотман Ю.М. Семиосфера. СПб.: Искусство-СПб., 1999. 703 с.
7. Менделевич Э. С. «Пойми простой урок моей земли...» (Статьи о Максимилиане Волошине) / Вступ. ст. В.И. Цветкова. Орёл: Труд, 2001. 160 с.
8. Нестеров А.Ю. Проблема символа в литературном произведении: текст и читатель в акте моделирования эстетического объекта: автореф. дисс. ... канд. филол. наук. Самара, 2002. 23 с.
9. Павлович Н.В. Словарь поэтических образов: в 2 т. Т. 1. М.: Эдиториал УРСС, 1999. 798 с.
10. Пестова О. Г. Символическое значение слова как особый объект лингвистической семантики: на материале русского и английского языков: дисс. ... канд. филол. наук. Воронеж, 1988. 162 с.
11. Рябошлык Н.П. Словарь славянской мифологии. М.: Центрполиграф, 2009. 238 с.
12. Символы, знаки, эмблемы: Энциклопедия/ В.Э. Багдасарян и др.; отв. ред.

- В.Л. Телицын. 2-е изд. М.: ЛОКИД-ПРЕСС: РИПОЛ классик, 2005. 495 с.
13. Стародубец С.Н. Специфика организации языковых символических средств в дискурсе И.А. Ильина: дисс. ... д-ра филол. наук. М., 2010. 519 с.
14. Трессиддер Дж. Словарь символов/ Пер с англ. С. Палько. М.: ФАИР-ПРЕСС, 1999. 448 с.
15. Шелестюк Е.В. О лингвистическом исследовании символа // Вопросы языкознания. 1997. № 4. С. 125-142.

УДК 811.161.1`37

Мацкевич С.М.*Московский государственный областной университет***СРЕДСТВА ОБЪЕКТИВАЦИИ КОНЦЕПТУАЛЬНОГО ПРИЗНАКА
«ПРОСТРАНСТВО» В ЛИРИЧЕСКОМ ЦИКЛЕ И.А. БУНИНА «ИСЛАМ»**

Аннотация. В данной статье исследуется концептуальный признак 'пространство' как составляющая концепта «ВОСТОК» в художественной картине мира И.А. Бунина. На материале текстов лирического цикла «Ислам» 1903-1906 гг. описаны лексические и грамматические средства объективации концептуального признака. Лексическая экспликация включает признаки 'территориальное пространство', 'воздушное пространство' и 'водное пространство'. Рассматривается оппозиция «пространство земное, реальное – пространство «за гранью», ирреальное» одного из ключевых концептуальных признаков ориентальной поэзии И.А. Бунина.

Ключевые слова: язык произведений И.А. Бунина, художественный концепт, концептосфера, концептуальный признак, восток, пространство, средства объективации.

S. Matckevich*Moscow State Regional University***MEANS OF OBJECTIFICATION OF A CONCEPTUAL SIGN «SPACE»
IN THE LYRICAL CYCLE «ISLAM» OF IVAN BUNIN**

Abstract. The article deals with conceptual sign "space" as a structural part of the concept EAST in the fiction world of Ivan Bunin. On the basis of the writer's lyrical cycle «Islam» (1903-1906) it describes the linguistic means of representation of the conceptual sign 'space'. The lexical explication includes signs 'territorial space', 'air space' and 'water space'. We consider the opposition «earthly space, real – space «beyond», unreal» one of the key conceptual signs of oriental poetry of I. Bunin.

Keywords: language of works of Bunin, fiction concept, concept sphere, conceptual sign, east, space, means of an objectification.

Целью данной статьи является описание лексических и грамматических средств объективации концептуального признака 'пространство' концепта «ВОСТОК» в цикле стихотворений И.А. Бунина «Ислам». Сделана попытка установить компоненты семантического объёма данного концептуального признака и особенности его объективации в указанном цикле И.А. Бунина.

Опираясь на классификацию В.М. Лютянского, представим средства, «рисующие образ пространства, которое занимает позицию фона по отношению к конкретным географическим объектам» [2, с. 80-83].

Пласт «пространство» концепта «ВОСТОК» объективируется в тексте с помощью лексических средств – локативов и грамматических средств. Лексическая

экспликация включает единицы с признаками 'территориальное пространство', 'воздушное пространство' и 'водное пространство'.

Концептуальный признак 'территориальное пространство' проявляется в текстах произведений в связи с использованием И.А. Буниным средств, обозначающих горизонтальное и вертикальное пространство, прежде всего видимое глазом, поскольку репрезентируемая текстами сенсibilitätность – отличительная черта авторского идиостиля, а зрительное восприятие и его образы – важнейшие в его художественном мире.

Горизонтальное территориальное пространство концепта «ВОСТОК» актуализируют:

1) лексемы-апеллятивы, называющие зоны пространства: *долина, песок(-ки), пустыня, твердь, теснина, солончаки, степь* – с общей категориальной семей 'географическое пространство / зона': *Тонет солнце, рдяным углем тонет, / За пустыней сизой <...> Разверни же, Вечный, над пустыней / на вечерней тверди тёмно-синей / Книгу звёзд небесных...* («Пастухи»).

Лексема *пески* выступает синонимом к слову *пустыня*. Во множественном значении это слово обозначает 'большие пространства, покрытые песком' [7, URL]. Например: *Путь по пескам от Газы до Арима* («Путеводные знаки»); *А шёлк песков белее, чём снега* («Мираж»); *Ты, сзывавший на брань и святые набегу / Через моря и пески* («Зелёный стяг»);

2) апеллятивы, называющие населённые пункты: *В тихом старом городе Скутари* («Темджид»);

3) лексемы проприальной лексики – топонимы, называющие точки

пространства и указывающие векторы запечатлённого автором движения в нём: *Путь по пескам от Газы до Арима...* («Путеводные знаки»); *Но не страшись, на рассвете увидишь ты Мекку...* («Джины»).

Среди топонимов мы зафиксировали не только собственно названия древнейших арабских городов – астионимы *Газа, Арим, Мекка*, но и части городов – урбанонимы: *Скутари* – азиатская часть Стамбула [1, с. 546], а также наименования больших пространств. Например: *Проклят тот, кто угас / Для молитвы и битв, – Кто для жизни не дышит / Как бесплодный Геджас!* («Зелёный стяг»); *Бог для ночных паломников в Могреб* («Путеводные знаки»), – где хороним *Гедзас* (Хиджас) представляет запад Аравийского полуострова, а *Могреб* (Магриб) – западную (к западу от Египта) часть мусульманского мира [1, с. 551].

Вертикальное пространство в ориентальных по тематике произведениях помогают воссоздать слова с общей дифференциальной семей 'возвышенность', которыми И. Бунин называет расположенные выше уровня земли природные объекты или их части: *склоны гор, холмы и мысы, скалы, ущелья, льдины, скаты, вершины* и др. Например: *Сошлись, слились вершины / И выше к небесам воздвиглись их чалмы* («Ночь Аль-Кафра»); *Склоны гор, сады и минареты* («Склоны гор»).

Концептуальный признак 'воздушное пространство' объективируется в текстах произведений И. Буниным средств, номинирующих вертикальное пространство, но все они могут быть семантически соотносены с гиперонимом *небо*:

1) слова *небо*, *небеса*, *простор* с общей семой 'пространство над землёй': <...> но **небеса** здесь несказанно сини («Мираж»), <...> там **простор** воздушный и безгранный («Гробница Софии»); <...> и свершим под звёздным, милосердным / тёмно-синим **небом** свой намаз («Пастухи»);

2) имена существительные нарицательные *облака*, *звезда(-ы)*, *луна*, *месяц*, *солнце*, собственное имя *созвездие Пса*, представляющие небесные объекты: По тёмным горным склонам / ещё спускаются, слоются **облака** («Ночь Аль-Кадра»); **Звёзды** горят над безлюдной землёю, / Царственно блещет святое **созвездие Пса** («Джины»); Был Авраам в пустыне ранним утром / И руки к **солнцу** радостно простёр («Авраам»).

Словоформа *звёзды* также имеет метафорическую экспликацию: Бог для ночных паломников в Могреб / Зажёг огни – святыне звёзды Пса. / Привет тебе, сияющая в небе / **Алмазно-синяя роса** («Путеводные знаки»). Мы видим представленную в тексте парадигму слов и перифрастических оборотов *звёзды – огни – алмазно-синяя роса – путеводные знаки*, где о метафорическом переносе *звёзды – путеводные знаки* автор не говорит прямо, а выделяет это, олицетворяя прекрасные небесные объекты с помощью обращения: *Привет тебе* <...>.

Горизонтальное воздушное пространство представлено лексемой *горизонт*: *Ниже – дикий берег и туманный, / Еле уловимый горизонт* («Гробница Софии»).

Концептуальный признак 'водное пространство' имеет меньшее число экспликаций. В текстах И. Бунина преимущественно актуализируется представление о горизонтальном про-

странстве через указание на наполняющие или составляющие его при восприятии восточного мира объекты природы:

1) апеллятивы-номинации водных объектов: *море*, *река*, *залив*: Ты, сзывавший на брань и святыне набеги / Через **моря** и пески («Зелёный стяг»); Блестя ушёл в **морской простор** / **Залив** зеркальными луками («Склоны гор»);

2) лексемы, обозначающие береговой рельеф: *Ниже – дикий берег и туманный* («Гробница Софии»); <...> *глядит на валуны*, где тает пена («Склоны гор»);

3) гидронимы: *Там простор воздушный и безгранный, / Голубая бездна – Геллеспонт* («Гробница Софии»).

Вертикальное пространство представлено словосочетанием *горный ключ*, на что указывает контекстуальный партнёр *вниз* ('1. По направлению к земле, к низу') [7, URL]: **Горный ключ** по скатам и оврагам, / Полусонный убегает *вниз* («Гробница Софии»).

К грамматическим средствам актуализации концептуального признака 'пространство' относятся:

1) пространственные предлоги *в*, *по*, *от*, *до*, *за*, *под*, *на*, *через*, *над*, *к*, *перед* и *под*. Например: *Звёзды горят над безлюдной землёю* («Джины»); <...> *путь по пескам от Газы до Арима* («Путеводные знаки»);

2) указательные местоименные наречия *здесь*, *там*, *тут* и *под*. Например: *Здесь царство снов* («Мираж»), *А там течёт, там льётся за туманом / Река всех рек* <...> («Мираж»);

3) глаголы с семантикой 'существования' в пространстве – *быть*, *жить*. Например: *Был Авраам в пустыне тёмной ночью* («Авраам») – использован глагол *быть* в значении 'присут-

ствовать, находиться где-н.' [6, URL]; *Воскрешённые жили в пустынном и диком краю* («За измену») – *жить* как 'обитать, существовать где-либо', 'проводить жизнь' [6, URL] (по контексту – в пустыне). Используется также нулевая форма связки *быть* в бытийных конструкциях с семантикой 'нахождения / существования' в пространстве в настоящем времени: *И я в пути, и я в пустыне* («Белые крылья») [ср. 4];

4) глаголы и устойчивые глагольные обороты (фразеологизмы, описательные глагольно-именные обороты, т. е. ОГИО) с семантикой 'перемещения в пространстве' *бежать, держать путь, зайти, закатиться, летать, литься, обходить, слиться, совершать, сойтись, спускаться, стремиться, течь, уносить* и пр.: *Пыль, по которой Гавриил / Свой путь незримый совершает* («Священный прах»); *Как Магомет к святой Медине / Держу к заветной цели путь* («Белые крылья»). Устойчивые глагольные обороты *совершать путь, держать путь* выражают действия по значению существительного, а именно 'двигаться, направляться куда-нибудь' [6, URL]. Глагол *бежать* употреблён в переносном значении 'быстро двигаться, проходить, течь' [6, URL]: *Песок, струясь, бежит по их костям* («Птица»). Мы отмечаем глаголы со значением 'идя, двигаясь, соединиться, сплотиться' [6, URL]: *Сослились, слились вершины* <...>. С пометой устаревшее, книжное находим толкование следующих глаголов: *воздвигаться* – 'возвышаться' [7, URL]: *И выше к небесам воздвиглись их чалмы* («Ночь Аль-Кафра»), *стремиться* – 'быстро двигаться, направляться куда-нибудь, устремляться' [6, 7, URL]. Эти глаголы можно выделить в особую

группу 'перемещения в пространстве ввысь, вверх'. На направление движения может указать цель – *к звёздам* [ср.: 5].

Рассмотрим контексты *В сады Джиннат уносит душу он. / А там течёт, там льётся за туманом / Река всех рек, лазурная Ковсерь* («Мираж»). Синонимы *течь, литься* использованы автором в прямом значении: 'перемещаться струёй, потоком', 'течь струёй' [6, URL], словно автор говорит о земной реке. Но в тексте выделено – *река всех рек*. Это свидетельствует об особой значимости объекта: в мусульманском предании Ковсерь («обильный») толкуется как название райского источника (реки) [1, с. 540]. Арабское слово «аль-Каусар», означающее 'изобилие', 'изобилие добра', И.А. Бунин использовал как *Ковсерь* в значении 'райская река'. В Коране есть пояснения пророка Мухаммада: «Река да ещё вдобавок всё (доброе) помимо неё» [3, с. 54]. Таким образом, мы встречаем в ориентальной поэзии не только реальное, земное пространство, но и ирреальное, небесное, а значит, глаголы в этих контекстах указывают на широчайший временной план, отвечающую восточным преданиям бесконечность [ср.: 8].

Так, горизонтальное пространство «за гранью» представлено лексемой *Джиннат* и словосочетанием *сады Джиннат*. В Коране *Джаннат* (у Бунина *Джиннат*) – одно из обозначений рая [1, с. 540], где протекает райская река *Ковсерь*. В отличие от земного, реального, вертикальное пространство «за гранью» представлено словами, называющими расположенные ниже уровня земли объекты: *Ангел Смерти сойдёт в гробовые пещеры* («Зелёный

ствяг»), где лексема *пещера* обозначает 'углубление, покое пространство под землёй или в горном массиве, имеющее выход наружу' [6, URL], а определение *гробовые* не только указывает на назначение пещер, но и актуализирует семы 'глухой, мрачный' [6, URL].

Таким образом, средства экспликации концептуального признака 'пространство' художественного концепта «ВОСТОК» представлены лексическими и грамматическими единицами. Наиболее яркие экспликативы – имена собственные. Нужно подчеркнуть, что многие средства, объективирующие концепт «ВОСТОК» в рассматриваемых текстах лирического цикла «Ислам» И.А. Бунина, не принадлежат к ориентальной лексике ни этимологически, ни строго тематически (*валун, залив, звезда, море* и под.), но в силу того, что с их помощью, как и всяким обобщающим представлением о реальности словом, можно называть объекты, натурфакты любого пространства, автор успешно использует их для описания картин Востока.

«Пространство» является одним из ключевых концептуальных признаков в художественной картине мира И.А. Бунина. В лирическом цикле «Ислам» представлена оппозиция «пространство земное, реальное – пространство «за гранью», ирреальное». Это противопоставление обнажает цели поэта, увлечённого Востоком: познание истины, обретение мудрости, гармонии. Как путешественник, он особенно остро и ярко воспринимал окружающую действительность, как писатель – умел ясно и просто представить увиденное читателю. Мастерски вплетая средства, вводящие простран-

ственные ориентиры в стихотворные тексты религиозной тематики, многие из которых являются переложением легенд Корана, автор приближает к читателю загадочный и далёкий мир Востока.

ЛИТЕРАТУРА:

1. Бунин И.А. Собрание сочинений в 9 т. Т. 1. Стихотворения 1886-1917гг. М.: Художественная литература, 1965. 596 с.
2. Лютянский В.М. Концептуализация пространства в цикле «Северных рассказов» Джека Лондона // Вестник Северного (Арктического) федерального университета. Серия: Гуманитарные и социальные науки. 2011. № 3. С. 80-83.
3. Таирова И.А. Восточные традиции в творческом восприятии И.А. Бунина: дисс. ... канд. филол. наук. М., 2010. 214 с.
4. Тихонова В.В. Проявление субъективного в реализации языковой категории пространства // Рациональное и эмоциональное в языке и речи: слово – конструкция - текст: Межвуз. сб. науч. тр. М.: МГОУ, 2012. С. 97-100.
5. Тихонова В.В. Пространственная семантика глаголов перемещения // Рациональное и эмоциональное в языке и речи: модальность, эмоциональность, образность: Междунар. сб. науч. тр. М.: МГОУ МАНПО, 2011. С. 65-68
6. Толковый словарь русского языка под ред. Ожегова С.И., Шведовой Н.Ю. [Электронный ресурс]. URL: <http://ozhegov-online.ru/> (дата обращения 05.07.2014).
7. Толковый словарь русского языка: в 4 т. под ред. Ушакова Д.Н. [Электронный ресурс]. URL: <http://ushakovdictionary.ru/> (дата обращения 05.07.2014).
8. Шаповалова Т.Е. От временной общённости к вневременности // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Русская филология. 2013. № 4. С. 18-21.

УДК: 801.3

Петрова О.О.*Калужский государственный университет им. К.Э. Циолковского***КУЛЬТУРНО-ИДЕОЛОГИЧЕСКИЕ СОЗНАЧЕНИЯ
В СЕМАНТИКЕ СЛОВ В РАСОВО-ЭТНИЧЕСКОЙ,
НАЦИОНАЛЬНОЙ СФЕРАХ**

Аннотация. В данной статье рассматривается лексическая и прагматическая семантика слов - наименований лиц и объектов, характеризующихся отнесённостью к расово-этнической и национальной сферам. Исследование проводится на материале данных толковых словарей, преимущественно некодифицированной лексики. Автор отмечает различные оценочные созначения: нейтральные, положительные и отрицательные; исследуются способы формирования этих оценочных созначений у данной группы лексики. Формирование оценочных номинаций в языке опирается на использование гиперболизации какой-то одной этнической особенности человека (цвет лица или цвет волос, разрез глаз и др.), показано, что немало оценок сложилось на базе культурно-исторических, предметных коннотаций, рождающих метафоры-оценки имён лиц, на базе оценочной метонимии, на основе смещения номинаций в пределах гиперо-гипонимической группы слов

Ключевые слова: культурно-идеологические созначения, слова расово-этнической и национальной сферы, семантика и прагматика слов, нейтральная, позитивная и негативная оценки.

O. Petrova*Tsiolkovsky Kaluga state university***CULTURAL AND IDEOLOGICAL CONNOTATIONS IN THE SEMANTICS
OF WORDS IN RACIAL ETHNIC AND NATIONAL SPHERES**

Abstract. This article discusses lexical and pragmatic semantics of words, names of persons and objects, characterized by the reference to the racial-ethnic and national spheres. The study is carried out on the material of dictionaries, mainly non-codified vocabulary. The author notes various evaluating connotations: neutral, positive and negative. In addition, we investigate the methods of forming of the evaluating connotations in this group of vocabulary. Formation of evaluating categories in the language is based on the use of hyperbole to particular ethnic characteristics of a person (complexion or hair color, eye shape, and others), many of the evaluation were generated based on cultural-historical, substantive connotations that form metaphors-evaluation names of persons, on the basis of the estimated metonymy, on the basis of the shift of nominations within hypero-hyponemic group of words.

Keywords: cultural and ideological meanings, words of racial-ethnic and national spheres, semantics and pragmatics of words, neutral, positive and negative evaluation.

Семантику и прагматику слов в расово-этнической, национальной сферах рассматривали неоднократно и под разным углом зрения. Немало работ в этой

© Петрова О.О., 2014.

области написано известными отечественными и зарубежными филологами, психолингвистами. Большой обзор литературы философского и психолингвистического направлений в изучении проблемы представлен в работе Н.В. Уфимцевой [10, с. 135 - 170].

Мы рассмотрим лексическую и прагматическую семантику слов - имён лиц и объектов, характеризующихся отнесённостью к расово-этнической и национальной сферам и принадлежащих, согласно данным толковых словарей, преимущественно к некодифицированной лексике.

Терминологические обозначения лиц в отнесённости к расе (этносу), согласно толковым словарям литературного канона, не включают оценочный компонент. Само выделение рас может быть разным и в количественном отношении (3, 4, 15 и более). Сегодня принято выделять 3 или 4 основные расы: *европеоидную, негроидную, монголоидную и австралоидную*.

См.: БАС (1-е изд.). *Монголоидный, -ая, -ое*. Спец. Монголоидная раса. Одна из трёх основных рас человечества, к которой относится большая часть населения Азии.

Выделение рас опирается не всегда на строгие основания, а именно на внешние черты усреднённого денотата. Лексически в русской обиходной речи в норме отмечаются расовые характеристики трёх рас: *европеоидной, монголоидной, негроидной*. Эти обозначения опираются на какой-то один признак и характеризуют представителей этих рас (этносов) преимущественно позитивно или негативно (шовинистически). Поэтому большая часть этих лексем вытеснена в просторечие или жаргоны.

В БАС (2-е изд.): *Белый*. 2. Только полн. ф. Светлокожий (как признак европеоидной расы). – Даже свобода передвижения по стране (Австралии) только для *белых* (Зенкевич. Путешествие в Южном океане).

- Негры встречались все чаще, иногда по несколько часов мы не видели белых, но в городках царил белый человек, и если негр появлялся у прекрасного, увитого плющом особняка в «резиденшел-парт», то обязательно со щёткой, ведром или пакетом, указывающими на то, что здесь он может быть только слугой. [Илья Ильф, Евгений Петров. Одноэтажная Америка (1936)].

БСРЖ: *Узкоплёчный*. Мол. Шутл.-ирон. Представитель монголоидной расы (китаец, японец и т.п.). – Японцы – самые щедрые из *узкоплёчных*.

- Да ладно китайцы, и в России есть умельцы, сто очков дадут вперёд любому *узкоглазому*... [Андрей Белозёров. Чайка (2001)].

Отнесённость лица к той или иной расе (этносу) в обиходной речи не совпадает с научным членением (последнее также неединообразно в разных научных школах).

Так, *чёрным, чернотой и др.* в простонародье могут называть и негра, и представителя кавказских республик: азербайджанца, армянина, и представителя Средней Азии, что не должно поддерживаться в культурной речи.

- Очень интересен проект «Чужие в городе», который преобразовался в спектакль «*Черножопые*», посвящённый защите людей разных национальностей, живущих в столичном мегаполисе [Давайте крупный план (2003) // «Театральная жизнь», 2003.04.28].

- Они очень удивились, когда моя бабушка разрыдалась и сказала, чтобы они их выкинули. Мать была историком и имела все основания полагать, что Франция дала Оливеру не только рецепт приготовления лягушачьих лапок. «Он достаточно свободно говорил по-французски, это поражало многих нью-йоркских подруг моей матери, так что в свободное от службы время он наверняка много общался с французами. В те времена французы относились к *чёрным* совсем не так, как американцы. Чёрный американский солдат мог ехать в одном вагоне, входить в один ресторан с белыми людьми. Для *чёрного*, выросшего в Миссисипи, это казалось чудом. Французы показали ему, что есть другой способ соседства *чёрных и белых*, отличный от американского [Елена Ханга. Про все (2000)].

Из живой речи: - В Калуге все больше *черноты*. Едут и едут.

Часть обозначений лиц по этно-территориальной отнесённости включает нейтральную оценку: *африканец, австралиец, чилиец, алжирец, шотландец* и др. Как правило, такую нейтральную оценку несут имена лиц тех национальностей и территорий, которые исторически не имели тесных контактов с русским (российским) населением.

С другой стороны, немало лексем, включающих позитивные или негативные оценки рассматриваемых имён лиц. Этнические, национально-территориальные обозначения лиц могут развивать оценки на основе культурно-исторических и предметных коннотаций. Рассмотрим подробнее.

1. Метафоры, опирающиеся на культурно-исторические коннотации.

БАС (2-е изд.): *Европейцы*. 2. Устар. О людях европейской культуры, обра-

зованности. - Штольц – вполне *европеец* по развитию и взгляду на жизнь. (Писарев. Обломов. Роман И.А. Гончарова); - Капитан слишком *европеец* и слишком держится за всякие там процессуальные нормы [Б.А. Лавренёв. Рассказ о простой вещи (1924)].

О.Э. Королева отмечает метафоры, которые имеют «в основе – внешнее сходство: *индеец, каманчи* ‘лицо южной национальности (обычно о закавказцах)’» [7, с. 19].

В.С. Елистратов отмечает в языке старой Москвы такие лексемы: *Американец*. Человек со светскими манерами обхождения. У П. Бурышкина о купцах Красильщиковых: - «В Москве их звали *американцами*», в те времена так характеризовали людей с правилами «светского» этикета и обхождения» [5, с. 27].

БАС (2-е изд.): *Азиат*. 2. Устар. О грубых, жестоких, отсталых людях. – У людей, как у людей – работает муж, об семье беспокоится: мой же *азиат*, ... – ему горяшка мало (Серафимович. Астрономия).

В Калужском просторечии: *турок* ‘о тупом человеке’. Жена мужу: – Пять раз уж тебе говорила, *ту-урок!*

2. Метафоры, опирающиеся на предметные коннотации (коннотации по денотату).

В словаре эпитетов русского литературного языка мы можем отметить прагматику использования и ограничений в сочетаемости метафор – «этнических» прилагательных, с соматизмами. Ср.: «Лицо *калмыцкое, монгольское*, глаза *монгольские, татарские, черкесские, африканские*, нос *римский, русский, славянский, восточный* [Словарь эпитетов русского языка 2000, с. 91, 42-43, 116]. Однако маловероятны

словосочетания: *русская грудь, *восточные ноги, *татарская поясница, *итальянские коленки.

В живой речи можно встретить следующие сочетания: лицо *кавказской национальности*, *негритянские* губы, нос, волосы, *монгольские* скулы, *восточные* глаза.

- Устроившись таким образом, Саранцев согнал с губ улыбку, покойно вытянул руки на коленях и насмешливо сказал: – Долго же я ждал! Думал, что вызовете вчера... Настольная лампа освещала сильное, значительное лицо: крутой и широкий подбородок, впалые линии щёк, тупо обрезанный нос и большие, чувственные, *африканские губы* с ярко-красной кожей, словно они были на помажены. Кроме этого, у Саранцева был узкий интеллигентный лоб, умнейшие глаза, а в раскрытом вороте синего рабочего комбинезона, на крепкой шее с молодой кожей лежала массивная, видимо золотая, цепочка, которая кончалась неизвестно чем – может быть, крестом, а может быть, медальоном с фотографией женщины. И ещё одно необычное для лесозаготовителя имел Саранцев – очки в красивой, современной оправе. – Я готов отвечать! [Виль Липатов. Деревенский детектив. Три зимних дня (1967-1968)].

- Мой друг Коба. Мой соплеменник Коба. А я для него был Фудзи. У меня *восточные глаза* и странные *японские скулы*. За моё японское лицо Коба шутиливо прозвал меня Фудзияма, и это стало моей партийной кличкой. Фудзияма, или Фудзи, как называли меня друзья. В те молодые наши годы Коба очень любил шутить и петь [Эдвард Радзинский. Наш Декамерон (1980-1990)].

- Инга тут же принялась мыть полы. – Вы видели Андрея с бородой

и усами? – спросила меня Л. Я., когда я приехала через день. – Абсолютно *азиатское лицо*. Вот так и все исконно русские лица. Добавь бороду, и вылезет наружу татарское происхождение. Перед обедом Л. Я. сказала, что ей нужно выйти позвонить и купить чего-нибудь сладкого [Елена Кумпан. Вспоминая Лидию Яковлевну // «Звезда», 2002].

В простонародной речи используется немало оценочных негативных характеристик людей по национальной отнесенности: *кацап* 'русский', *бульбаш* 'белорус', *хохол* 'украинец', *лабус* 'литовец, латыш', *хачик* 'армянин'. Часть таких оценок-прозвищ не мотивирована в синхронии (*кацап*, *лабус*), часть опирается на механизм оценочной метонимии. Оценка формируется на основе обозначений типичного имени, продукта питания, имени бога, культивируемых животных, национального лидера, типичной одежды и др. О.Э. Королева пишет: «Типичное имя у какой-либо национальности → представитель данной национальности». У В.И. Даля в «Толковом словаре живого великорусского языка» обнаруживаем следующее значение у слова «Иван»: «ИВАН» самое обиходное у нас имя (*Иванов*, *что грибов поганых*), Переименованное из Иоанна ... означает русского... *Фриц* 'немец', *Абрам* 'еврей', *Мамед* 'лицо южной национальности'... *Гогия* 'грузин'» [7, с. 24 – 25]. См. также у отмеченного автора: «Национальная еда → представитель этой национальности»: *шашлык* – 'южанин, кавказец', *чебурек* – 'лицо южной национальности (чаще о кавказцах)', *урюк* – 'лицо южной национальности', *рис* – 'азиат (обычно о вьетнамцах)', *макарона* //

макаронина – ‘итальянец, итальянка’, *гамбургер* – ‘иностранец (обычно о западноевропейцах)’ [9, с. 16].

А.Н. Ерёмин приводит такие примеры жаргонных оценочных метонимий: «*Халат*. Азиат, лицо «южной» национальности. *Олень*. Представитель какой-л. народности Севера. *Баран*. Уроженец Средней Азии» [6, с. 91].

Ср. также в БТСРЖ: «*Аллах*. Угол., жарг. Уроженец Средней Азии».

В словаре к пьесам А.Н. Островского отмечаются такие значения у слова *Ефиоп* (обычное написание эфиоп) – ‘негр, чернокожий; в просторечии употребляется как бранное слово’. – Нажил деньги – человек, прожил деньги – дрянь. – Да как я наживу, *ефиоп* ты этакой? (А.Н. Островский. Последняя жертва).

Здесь же даётся такое замечание: «*Эфиопами* без оттенка брани называли цыган» [1, с. 62]. Конечно, могло и не быть бранным обозначение цыган как эфиопов, однако негативная оценка есть: никому не понравится то, что его по национальности относят к какой-то другой группе.

В нелитературных подъязыках негативное обозначение лица по национальности нередко осуществляется путём замены гиперонима или гипонима другим гиперонимом или гипонимом.

Ср. примеры из БТСРЖ: *Чех*. Мол. Чеченец. *Эскимос*. Угол. Пренебр. Азиат. *Француз*. Угол., шутил. Еврей. Ср. текстовые примеры:

- Анну же, петровскую невестку, Мыкола знал: она и не *кацапка* вовсе, украинские песни как поёт – аж плакать хочется. [Ирина Рагушинская. Одесситы (1998)]; - Есть ещё ироничное “*бульбаши*” – прозвище, данное бе-

лорусам жителями соседних русских областей (губерний), в которых картофель родится гораздо хуже, чем в Белоруссии [Самоназвания народов (2009-2010)]; – У меня голова болит. – Скоро она у тебя болеть не будет. – А я-то здесь при чём? – сказал я. – *Хачик* от тебя затащился. Они сначала тебя заберут. – Козёл! – Я сказал – я ему звонить не буду. [Андрей Геласимов. Ты можешь (2001)]; - Слова говорит хорошие, голос добрый, неторопливый. На трудности – парень крепкий – не жалуется. Жалуется немножко на тупость бамбуков, *урюков*. Тормозят *урюки* успехи роты. Мама посочувствует. Поле. На поле танки. [Александр Минкин. Броня крепка? // «Огонек». № 4, 1991]; - Ох, *чебуреки*, *чебуреки*, дремучий, словно лес, базарный вы народ... [Из теста песни «Чебуреки» группы «Воровайки»].

Предметная сфера представлена производными именами с суффиксом *-чин*. Эти имена характеризуют общую культуру какого-то народа, другого государства как нечто чужое, чуждое. Такие обозначения устаревают (во многом вышли из употребления), они отражают сокращение ксенофобской составляющей в сознании российского населения.

БАС (2-е изд.). *Азиатчина*. О культурной отсталости. Они [иностранцы], наверно, ничего вокруг не видели, кроме дикости, *азиатчины*, грязи (Бек. Жизнь Бережкова).

БАС (1-е изд.). *Неметчина*. 2. Все немецкое (о немцах, их поступках, нравах, образе жизни и т. д.), когда об этом говорят неодобрительно. - Надо, чтобы немцы нигде не сделались хозяевами. Её дом не будет вражьей крепостью, из которой эта *неметчина* сможет убить её дочь. (Бирюков, Чайка).

МАС: *Неметчина*. Устар. и прост. Немецкое государство, а также вообще чужая земля, иностранное государство. — Не он первый, не он последний воротился из *неметчины* на святую Русь скоморохом. Чему там научаются наши дети? Шаркать, болтать бог весть на каком наречии. (Пушкин. Арап Петра Великого).

БАС (1-е изд.): *Туретчина*. Устар., разг. Турецкое государство, Турция. — В предпоследнюю турецкую кампанию вернулся в хутор казак Мелехов Прокофий. Из *Туретчины* привёл он жену. (Шолохов. Тихий Дон). — Да разве мы в какой татарской земле или в *туретчине*! (Лажечников. Ледяной дом, III).

Собственно предметная область жизни других народов отражена чаще в словосочетаниях, включающих разные оценки: а) нейтральные, б) позитивные, в) негативные (в том числе иронические):

а) в БАС отмечены причисляемые к экзотизмам (нейтральные обозначения): *французская булка, французский каблук, французская шаль, итальянский карандаш, русские сапоги, английский замок, английский парк, американские горки, американская мастерская, турецкий диван, турецкая сабля* и др.;

б) (позитивные оценки): *итальянское окно 'широкое', говорить русским языком 'ясно, понятно'*;

в) в словаре В.С. Елистратова (негативные оценки): *американизм 'бездуховность', русское веселье 'пьянка, выпивка', англичанин ирон. 'туалет', американские баретки ирон. 'лапти'*.

Общие выводы: а) оценочные обозначения лиц в расово-этнической, национальной сферах, преимущественно негативные, вытесняются со-

временным общественным сознанием в некодифицированные формы языка как содержащие шовинистические, ксенофобские созначения, б) формирование таких оценочных номинаций в узусе опирается на использование гиперболизации какой-то одной этнической особенности человека (цвет лица или цвет волос, разрез глаз и др.), в) немало оценок сложилось на базе культурно-исторических, предметных коннотаций, формирующих метафоры-оценки имён лиц, г) на базе оценочной метонимии, д) на основе смещения номинаций в пределах гиперо-гипонимической группы слов, е) в собственно предметной области исследуемые лексемы обнаруживают нейтральные, положительные и отрицательные оценочные созначения.

ЛИТЕРАТУРА:

1. Ашукин Н.С., Ожегов С.И., Филиппов В.А. Словарь к пьесам А.Н. Островского. Репринтное издание. М.: Веста, 1993. 247 с.
2. БАС: Словарь современного русского литературного языка. 1-е изд. АН СССР, М. Л., 1950-1965. Т. 1-17.
3. БАС: Словарь современного русского языка: В 20 т. /АН СССР. Ин-т рус. яз.; Гл. ред. К.С. Горбачевич. 2-е изд., перераб. и доп. М.: рус. яз., 1991 - 1994. Т. 1 – Т.6.
4. Горбачевич К.С. Словарь эпитетов русского литературного языка. СПб: Норинт, 2001. 224 с.
5. Елистратов В.С. Язык старой Москвы: Лингвоэнциклопедический словарь: Около 4000 единиц. М.: Русские словари, 1997. 704 с.
6. Ерёмин А.Н. Особенности метонимии в нелитературных подъязыках // Русское слово: диахронический и синхронический аспекты. Материалы междунар. научн. конф., посв. 130-летию со дня

- рождения Д.Н. Ушакова (17-19 апреля 2003 г.). Орехово-Зуево, 2003. С. 91 – 93.
7. Королева О.Э. Метонимия как тип значения: семантическая характеристика и сферы употребления. Обнинск: Ин-т муниципального образования, 2002. 158 с.
  8. Мокиенко В.М., Никитина Т.Г. Большой словарь русского жаргона. С.-Пб.: Норинт, 2000. 718 с.
  9. Словарь русского языка. АН СССР, Ин-т рус. яз.: Под ред. А.П. Евгеньевой. 2-е изд. испр. и доп., М.: Русский язык, 1981-1984.
  10. Уфимцева Н.В. Этнический характер, образ себя и языковое сознание русских // Языковое сознание: формирование и функционирование. Сб. статей / Отв. ред. Н.В. Уфимцева. М., 1998. С. 135 – 170.

РАЗДЕЛ II. ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЕ

УДК 812.161

Михайлова И.П.

Курский государственный университет

ПЕРВАЯ МИРОВАЯ ВОЙНА В ТВОРЧЕСТВЕ ПОЭТОВ КУРСКОГО КРАЯ

Аннотация: Статья посвящена анализу творчества поэтов Курского края, современников Первой мировой войны, выразивших своё видение происходившего, внесших вклад в осмысление событий, ещё не ставших историей. В зоне внимания автора статьи находятся произведения как известных поэтов, так и тех, чьи имена оказались забытыми. В поэтических откликах, которые различались художественным уровнем, но были убедительными и впечатляющими по своему эмоциональному воздействию на читателя, просматриваются различные грани восприятия событий: от «ура-патриотических» до художественно-философских. В статье акцентируется, что внимание поэтов было уделено темам служения родине, солдатского братства, сочувствия ко всем страждущим.

Ключевые слова: Первая мировая война, поэты Курского края, поэтические отклики, гуманизм, сострадание, трагические события, ратный подвиг.

I. Mikhaylova

Kursk State University

THE FIRST WORLD WAR IN THE WORKS OF POETS OF KURSK REGION

Abstract. The article is devoted to the analysis of the works of poets of Kursk region, the contemporaries of the First world war, who expressed their point of view on what was going on and who contributed to comprehension of events not settled down in history yet. The works of famous poets and of the poets whose names appeared to be forgotten are at the centre of our attention. In poetic responses which were different by their artistic level but convincing and impressive by their emotional influence on the reader, it is possible to trace attitude to events: from patriotic to philosophic. Service to the Motherland, soldier brotherhood, sympathy to all suffering people were the main topics of the poets.

Keywords: the First World war, poets of Kursk region, poetic responses, humanism, compassion, tragic events, feat of arms.

«Частотность войны в истории России прошлого и настоящего столетий такова, что практически каждое поколение стояло перед лицом смертельной опас-

---

© Михайлова И.П., 2014.

ности» [17, с. 20], поэтому не случайно тема «войны и мира» нашла и находит отражение в русской литературе. Ф.К. Сологуб утверждал, что «война не может не волновать поэтов <...>, война обнаруживает сокровище в глубинах душевное, – и песни, внушённые войною, полновочувственны, как песни любви, ибо в них отражается совершенно душа поэта и душа народа» [18, с. 3]. Одно из таких «волнений» в литературе XX столетия было связано с Первой мировой войной, отношение к которой со стороны писателей не было однозначным. В оценке событий они прошли путь, характерный для большинства представителей русского общества: от всеобщей растерянности первых дней войны до резкого её осуждения, от идеализации целей и задач военной кампании до определения ответственных за бедствия народа и утверждения гуманистических принципов, характерных для русской литературы. В числе тех, кто поэтической строкой выразил своё видение войны, внёс вклад в осмысление событий, ещё не ставших историей, были поэты Курского края (в данном случае определение «курские поэты» включает в себя связь с краем как биографическую, так и географическую). Среди них известные к тому времени русскому читателю – Н.Н. Асеев, В.В. Бородаевский, П.И. Карпов, но были и те, кто только начинал свой творческий путь, чьи стихи печатались в местных изданиях. Анализ произведений Н.Н. Асеева позволяет увидеть, что поэт, в 1915 г. призванный в действующую армию и знавший о войне не понаслышке, своё видение происшедшего выразил средствами свойственной ему экспрессивной поэтики и реалистической образно-

сти, «словами и предложениями, в которых ощущалось древнее, исконно русское начало» [6, с. 96]. Война в его стихотворениях «Повей война», «Боевая сумрива», «Сарматские песни» и др., в сценах из неоконченной мистерии «Война» представлена как стихийное действие, обладающее разрушающей и губительной силой. Вследствие этого мир, утративший гармонию, меняет свой облик: «в крови и чаде» люди превращаются в «лютую свору», «в придорожной луже купаются тихо трупы», ребёнок играет «с пролетающей пулей», природа, оглушённая «глупым тьяканьем пушек», взывает о милости:

*Пускай тоски, и слёз, и сна
Не отряхнёшь в крови и чаде:
Мне в ноги брякнулась весна
И молит песен о пощаде* [2, с. 91].

В его стихах «овеществлена» гибель цивилизации: «рушащиеся в огне здания», бесконечные бедствия, эскадры, вышедшие в моря, чтобы «изрыгать тяжёлые снаряды». Спустя годы, Н.Н. Асеев, определяя свою позицию по отношению к Первой мировой, писал, что его «тогдашние стихи <...> не восхваляли её» [2, с. 58]. Поэт осуждал войну, которая была для него отвратительна своей бессмысленностью, «нелепицей происходящего», трагическими последствиями, постоянным присутствием смерти. Он оплакивал в стихотворении, стилизованном под фольклорную песню, всех, чью жизнь оборвала война:

*Помолкали боевые трубы
Ой, смерть!
Заунывным ты дрожала бубном
Ой, смерть!
Отуманью занемняла губы*

*Смерть, смерть!
Не двадцать вёсен сердце билось
Ой, смерть! [3, с. 61]*

Если Асеев создал жуткий образ войны, увиденной «из окопа», то П.И. Карпов ощущал трагедию военного времени изнутри, в тылу: «нет слёз – они все выплаканы; нет света – душа моя ослепла от страданий. Нет голоса – я говорю шёпотом. Кормильцы и работники ушли сражаться» [12, с.78]. Уход крестьянина на фронт – это не только потеря кормильца для семьи, что само по себе уже трагедия, но это к тому же первый шаг, ведущий к гибели деревни. Для аграрных губерний России, в том числе для Курской, – один из самых больших и, к сожалению, неразрешимых вопросов. «В годы войны в Курской губернии недостаток рабочих рук, тягловой силы <...> привели к снижению урожаев, сокращению посевных площадей» [см. подробнее: Коровин В.В. Архивные документы о социальной ситуации Курской губернии в период Первой мировой войны. М.: Вестник архивиста, 2014. №1]. Бедственное положение деревни, необратимые процессы, вызванные войной, болью отозвались в строках поэта В.В. Бородаевского:

*От золотых полей и смуглоликих жён,
Ракит раскидистых и белых колоколен
В какую даль твой лёт
грозящий устремлён,
Над брошенной сохой
внезапно вставший воин? [7, с. 131]*

Поэт не сомневался в том, что, «как жатва, мир поспеет». Но вернется ли воин с битвы? Поменяет ли он мечи на орала? Бородаевский не присоединился к поэтам, разделявшим

официальный патриотический пафос, отношение к войне он выразил в двух стихотворениях, одно из них – «Сонет» – было опубликовано в журнале «Русская мысль» (Москва, 1915 г.), второе «На войну» – в благотворительном сборнике «Пряник осиротевшим детям» (Петроград, 1916 г.). Как поэт-мистик своё видение он передал в абстрактных картинах, сочетающих военные и религиозные мотивы, где с одной стороны – противостояние держав и особая миссия России в мировом конфликте; с другой – ощущение безысходности и неизбежности. Трагизм в оценке конкретной ситуации дан им на уровне философских обобщений:

*Громада двинулась.
За хмурыми полями
Уж гулко прогремел
и раскатился гром;
Над смертной высотой
сплетаются крылами
Железные орлы
в объятье мировом [7, с. 131].*

В годы войны на страницах «Курских епархиальных ведомостей» в «Части неофициальной» печатались поэтические отклики, в которых просматривались различные грани восприятия событий: от «ура-патриотических» до художественно-философских. Они различались художественным уровнем, но были убедительными и впечатляющими по эмоциональному воздействию на читателя. В этом отношении интерес вызывают стихотворения священника Владимира Лукина, Петра Григорьева, воспитанника 5 класса Курской духовной семинарии, Барона Алексея Гиллессема, А.Н.Г. (Многие

стихотворения подписаны инициалами или псевдонимами. К сожалению, настоящие имена и фамилии авторов на сегодняшний день не установлены). Эти авторы, единодушные в своём восприятии войны, начавшейся для России под лозунгом защиты славянских православных братьев, не остались в стороне от патриотического движения, широкой и неуправляемой волной захватившего русское общество. Они, отражая официальную точку зрения, с одной стороны, трактовали войну как бедствие: «явилась с кровавою сечью невзгода», несущая «мертвящий холод зла», «тяжёлые муки» и «мучительный ад»; с другой стороны, война ими была представлена освободительной: «война кровавая, но священная», она должна была «прекратить славянский стон», и «цепи вражеских невзгод, как некогда войска Батыя, <...> уничтожит наш народ»:

*Витязи Руси великой
Крепки верою святой,
Гордость немцев с злобой дикой
Упадут пред силой той.
Вам не новость подвиг ратный,
За славян кровавый пир,
Кровью вашей благодатной
Покупать славянам мир [14].*

В поисках духовного начала, которое не только поможет выстоять в войне, но и способно противостоять её ненависти и жестокости, поэты проявляли интерес к религиозным основам, видели именно в православной вере («да станем верою сильны», «крепки верою святой») силу, объединяющую людей, сохраняющую нравственные чувства в столь катастрофически сложное время. Особой миссией,

освящённой Божественным светом («...гордо с Богом в бой вступили»), представлялось им освобождение «под могучим русским флагом <...> правды и добра» славянских народов («под знаменем святой заботы на помощь страждущим пойдём»):

*«Внимая ужасам войны»,
Идя дорогою тернистой,
Да станем верою сильны,
И как могучие сыны
Великой родины, к Пречистой
Прибегнем с тёплой мольбой
За наших братьев православных,
Что с гордым мужеством на бой
Идут и жертвуют собой
Для дел, бессмертной правдой
славных [1].*

Лики святых благословляли русских воинов, искавших помощи и поддержки у чудотворных икон. Не случайно в стихотворении «У лика Богоматери Курско-Коренной» поэт, обращаясь к одной из самых почитаемых на Руси древней православной иконе «Знамение» Божьей Матери, не раз укреплявшей дух в делах ратных, с мольбой взывал о спасении:

*Ты приюти, приголубь, Милосердная!
Эта молитва, молитва усердная
Всех православных курян.
Также всех русских людей
без различия,
Что поднимают идею величия
Братьев по крови – славян! [1]*

В стихах курских авторов часто соединены понятия «народ», «Бог», «царь» как объекты поклонения. Полагаем, что это не стоит трактовать только как проявление монархических на-

строений, так как ещё В.Г. Белинский усматривал: «в слове “царь” чудно слито сознание русского народа, и для него это слово полно поэзии и таинственного значения<...>, это<...> самая разумная необходимость, открывающая себя в истории народа русского» [8, с. 109]. В этой связи, как пример, следует процитировать стихотворение «К портрету Верховного вождя русского народа», в котором автор обращает внимание читателей именно на то, что царь, «державный Монарх исполина-народа»/что слился с Тобой в единенье святом», воюет вместе с солдатами:

*Которым неведомы слёзы и страх,
Которые братской семьёю так смело,
Послушные зову родного царя,
Пошли на великое ратное дело,
Пошли с убежденьем глубоким всецело,
Что с ними, над ними – бессмертья
заря [4].*

Такое восприятие (Бог – царь – народ) не только в лирике периода Первой мировой, оно характерно и для поэзии предшествующих войн, что неоднократно отмечалось литературоведами. Так, в одном из исследований, посвящённом литературе 1812 года, В.Е. Добровольская, опираясь на широкий круг источников, делает вывод: «Защитники России – это русское войско, во главе которого русский Бог, русский царь» [10, с. 92]. Среди произведений, воспевавших подвиги военных лет, особняком стоит стихотворение «Пастырям церкви Христовой», посвящённое полковым и флотским священникам, которые не только разделили с солдатами все тяготы войны, но взяли на себя трудную ношу – нести свет в души людей: в «вихре кровавых сра-

жений» будить веру, утешать раненых, облегчая их мучения, спасать от отчаяния тех, кто потерял близких. Служа героям войны, они сами становились героями:

*Я знаю. Как вы в океане и море
С матросами вместе скрывались на
дно...*

*«Мы с вами делили и радость, и горе, –
И если уж погибнуть, так всем заодно!»
Вы им говорили... И наши матросы
Спокойно взирали на верную смерть:
Вы были той славы могучей утёсы,
Которым послушны и воды, и твердь! [1]*

По мнению автора, самоотверженность «пастырей церкви Христовой» достойна памяти потомков, их имена должны быть занесены на скрижали истории человечества вместе с именами других героев Первой мировой войны. Пожалуй, это редкий случай в русской поэзии, когда в центре повествования не воинский подвиг, а подвиг служителей церкви:

*И вправе прославить вас русская лира,
И вправе воспеть вас с любовью
поэт[1]*

На протяжении четырёх лет войны главное внимание поэтов, чьи произведения печатались в «Курских епархиальных ведомостях», было уделено темам служения родине, солдатского братства, сочувствия ко всем страждущим. Строки стихов наполнены верой в победу, которая должна укрепить могущество России и принести «величие славянскому имени»:

*Войны тяжёлой и ужасной
Пройдёт кровавый, страшный пир,*

*И на земле, теперь злочастной,
Вновь воцарится мир прекрасный [1].*

Возможно, что спустя 100-летие стихотворения могут показаться излишне пафосными. Литературная критика высказала достаточно много замечаний в адрес военной лирики, упрекая её в «газетности», «плакатности», «пустозвонном рифмачестве», что в полной мере можно отнести и к творчеству курских поэтов. Но в то же время нельзя не увидеть в этих поэтических откликах, как совершенно справедливо отметил А.И. Иванов, – «одно из главных достоинств – сопричастность трагическим событиям» [11, с. 67].

Особо значимым явлением в литературной и общественной жизни Курска в 1915 – 1916 гг. был выход в свет «Литературных сборников учащихся», издававшихся Курской классической гимназией с благотворительной целью по мере того, как набирался нужный материал. (Всего состоялось 3 выпуска). «В силу этого они – уже по самой природе своей – были, как правило, более открыты для молодых талантов, для новых сил, входящих в литературу» [6, с. 39]. Безвозмездный труд молодых авторов, принимавших участие в издании сборников, можно рассматривать как проявление патриотизма, подъёма духа, которые были характерны для юношества того времени. Они не были на фронте, о военных событиях узнавали из газетных сообщений, рассказов раненых солдат и офицеров, находившихся на излечении в госпиталях Курска, от беженцев, хлынувших потоком в губернию, но смогли почувствовать психологию человека на войне, ярко и эмоционально передать

атмосферу того трагического и героического времени. Молодые поэты, в их числе В. Дарский, А. Костенко, В. Пузанов, Н. Пучковский, Ростислав С., *Amator, Ledebutant*, отражая своё отношение к событиям, убедительно писали о том, что война, ради каких бы высоких целей она ни велась, есть величайшее бедствие для народа:

*Ужасный вид: повсюду – кровь,
Кругом печальные кладбища
И разорённые жилища,
следы неистовых врагов.
А сколько ужасов и слёз,
А сколько сирот, сколько горя! [15, с. 5]*

Страницы горя и слёз сменялись строками, выражавшими чувство единения с теми, кто находился на линии огня, «кому не новость подвиг ратный»:

*Скорей же туда, где страданья и муки,
Где наши товарищи гибнут в бою,
Где пушек и ружей гремящие звуки
Зовут умирать за отчизну свою [9, с. 7]*

При всей жестокости война стала «великой проявительницей» (Н. Бердяев) национальных добродетелей, таких, как терпение, смирение, жертвенность, стойкость. Бесчеловечность происходящего не убила в русских людях способности сострадать другим народам (стихотворения «Польша», «Гимн черногорцев», «Черногории», «К Болгарии»), жалости к пленным («Пленные»), желания помочь и оказать поддержку беженцам («Беженцы»), которых «гонят с запада пожары», путь которых «слезами близких окроплён»:

*Без божества, без упований
Идёт за ратью нищих рать,
Зверюют люди от страданий,
Конца которым не видать* [13, с.15].

Одна из отличительных особенностей военной лирики – оперативное воплощение фактического материала – проявилась в стихах, включенных в «Литературные сборники учащих». Так, например, сообщение из газеты о том, что, «когда русские войска подошли к Львову, комендант Львовской крепости полковник Красницкий застрелился», побудило Ростислава С. к написанию стихотворения «Из былей войны». Герой произведения, уроженец Польши, в силу жизненных обстоятельств служил в австро-венгерской армии. Когда он получил приказ от командования любой ценой защитить город, перед ним встала проблема выбора: остаться верным присяге или идти убивать «братьев-славян». Время выбора – сложное время: после одного лишь шага часто не бывает возврата:

*И вспомнились ему поля, холмы родные,
И он в кругу своих знакомых и родных.
Все лица близкие и сердцу дорогие...
И что же? Убивать теперь
он должен их?
Нет. Лучше город сдать...
Когда же русские взойшли на стены
Львова
Под звуки музыки, с оружием в руках,
В крови, полковника, поляка молодого,
Они нашли похолодевший прах* [16, с. 16].

Обращает на себя внимание тот факт, что авторы, стремясь понять и объяснить характер военных событий, прежде всего, в пространстве времени

и войны видели человека с его раздумьями и радостями, разочарованиями и надеждами, человека с добрым сердцем, согретым христианской любовью.

Итак, подводя итоги наблюдениям, следует сказать, что материалы, представленные в статье, далеко не исчерпывают всего богатства литературной жизни Курской губернии Первой мировой войны, которая до настоящего времени не становилась предметом специального изучения. Думается, что ещё предстоит в будущем сделать системный многоаспектный анализ творчества курских поэтов периода 1914-1918 гг., которое является своеобразным документом эпохи, содержит темы и оценки, предвосхищающие более поздние и более известные литературные произведения. Поэтические отклики военных лет, вычеркнутые из литературы и незаслуженно забытые, достойны внимания и изучения, потому что представляют интерес не только для специалистов узкого круга, но и для всех, кому важны память и уроки «великой войны». Определённым вкладом в исследование этой темы могут послужить материалы данной статьи, посвященные творчеству курских поэтов, участников и очевидцев войны 1914 -1918 гг., словом и делом выразивших свою сопричастность к событиям.

ЛИТЕРАТУРА:

1. А.Н.Г. // Курские епархиальные ведомости, 1915. № 39; 1915. №41; 1915. №1;
2. Асеев Н.Н. Стихотворения и поэмы. Ленинград, 1967.
3. Асеев Н.Н. Избранное. М., 1990.
4. Барон Алексей Гиллесем // Курские епархиальные ведомости, 1915. № 33-34.
5. Баскевич И.З. Курские вечера. Воронеж, 1979.

6. Баскевич И.З. Курские альманахи // Полдень. Курск, 1991.
7. Бородаевский В.В. Посох в цвету: Собрание стихотворений. М.: Водолей, 2011.
8. Белинский В.Г. Собр. соч.: в 9 т. М., 1976–1982. Т.2.
9. Дарский В. Литературный сборник учащихся. Курск, 1915. № 1.
10. Добровольская В.Е. Отечество в дворянской и народной мемуаристике // Война 1812 года и концепт «отечество». Из истории осмысления государственной и национальной идентичности в России: исследование и материалы / науч. ред. Строганов М.В. Тверь, 2012. С. 92.
11. Иванов А.И. Русская литература периода Первой мировой войны (1914–1918 гг.). Учебное пособие. Тамбов, 2006.
12. Карпов П.И. Поджигатель // Пряник осиротевшим детям. Петроград, 1916.
13. К.М. Литературный сборник учащихся. Курск, 1916. № 3.
14. Лукин Владимир, священник // Курские епархиальные ведомости, 1914. № 43-44.
15. Пузанов В. Литературный сборник учащихся. Курск, 1915. № 2.
16. Ростислав С. Литературный сборник учащихся. Курск, 1916. № 3.
17. Снигерева Т.А., Подчиненов А.В. Война и национальное сознание в русской литературе XX–XXI веков // Тема войны в литературе XX века. Воронеж: КГУ, 2005.
18. Сологуб Ф.К. Предисловие // Война в русской поэзии. Сост. Анс. Чеботаревская. Петроград, 1915.

УДК 821.161.1.09

Ахриева Л.М.*Московский государственный областной университет***МОТИВ ДОРОГИ В РОМАНЕ Ю.Н. ТЫНЯНОВА
«СМЕРТЬ ВАЗИР-МУХТАРА»**

Аннотация. В статье исследованы функции и значение мотива дороги в историческом романе Ю.Н. Тынянова «Смерть Вазир-Мухтара». Рассмотрена его роль в поэтике, сюжете и композиции произведения. Сделан вывод о том, что дорога – доминирующий, сквозной и объединяющий мотив романа. Он способствует более глубокому постижению образа главного героя – русского дипломата, драматурга Александра Грибоедова, олицетворяя его жизненный путь. Данный мотив обладает структурно-организующим значением, выстраивая кольцевую композицию повествования.

Ключевые слова: мотив, дорога, исторический роман, Тынянов, Грибоедов, «Смерть Вазир-Мухтара».

L. Akhrieva*Moscow State Regional University***MOTIF OF ROADS IN Y. TYNIANOV'S NOVEL
«DEATH OF VAZIR-MUKHTAR»**

Abstract. The paper studies the functions and the meaning of the motif of the road in the historical novel by Y. Tynyanov «Death of Vazir-Mukhtar.» Its role in poetics, plot and composition of the work is analyzed. It is concluded that the road is dominant, prevailing and combining motif of the novel. It contributes to a deeper comprehension of the image of the protagonist – Russian diplomat, playwright Alexander Griboyedov, representing his life's path. This motif has a structural-organizing meaning, building a circular track of the narrative.

Keywords: motif, road, the historical novel, Tynyanov, Griboyedov, «Death of Vazir-Mukhtar».

Мотив является ведущим элементом художественного текста. А.Н. Веселовский определял его как «простейшую повествовательную единицу» [2, с. 305]. На концептуальном уровне произведения мотив выражает эстетико-философское видение писателя, а также выполняет значимые функции в сюжетно-композиционном построении.

В романе Ю.Н. Тынянова «Смерть Вазир-Мухтара» мотивы играют значимую структурно-организующую роль [10, с. 185]. Это мотивы дома и дороги¹, судьбы (фатума) и рока. Дорога – архетипический литературно-художественный образ, интерпретируемый каждым писателем индивидуально. По М. Бахтину, «дорога

© Ахриева Л.М., 2014.

¹ Нами понимаются как синонимичные «дороге» следующие слова и выражения: тропа, путь, ход, проезд, направление, странствие, путешествие, следование, пребывание в пути; в метафорическом значении: жизненный путь, область деятельности, стезя, средство достижения какой-нибудь цели, паломничество, изгнание, блуждание [4, с. 156].

особенно выгодна для изображения события, управляемого случайностью (но и не только для такого)» [1, с. 392]. Её «важная сюжетная роль» [1, с. 392] становится очевидной на протяжении всей эволюции романа.

Рассмотрим, как мотив дороги выстроен в историческом романе «Смерть Вазир-Мухтара», в котором повествуется о русском дипломате, поэте, драматурге и композиторе Александре Сергеевиче Грибоедове. Действие в произведении длится всего один год, это последний год жизни Грибоедова: с марта 1828 г., когда он *привёз* Туркменчайский мирный договор в Россию, императору, и до февраля 1829 г., когда произошло убийство дипломата во время разгрома русского посольства в Тегеране. Однако в романе представлена широкая картина жизни героя: дипломатическая деятельность, «литературное отчаяние», невозможность напечатать «Горе от ума», сложные отношения с матерью, женитьба на Нине Чавчавадзе, должностные назначения, многочисленные поездки и переезды. Этот период ознаменован появлением множества личностей и роковых ситуаций в судьбе героя, плотно «заключённых» в рамки последнего года его жизни.

Дорога как метафора *судьбы, жизненного пути* играет значимую сюжетнообразующую роль [3] в романе. С психологической точки зрения Тынянов рисует Грибоедова стоящим перед сложным выбором дальнейшего *жизненного пути*, к которому его приводят наметившееся безразличие к дипломатической службе, трудности с опубликованием комедии «Горе от ума» и другие события. Свои опыт и знания он решает применить в раз-

работке личного проекта преобразования Закавказья мирным экономическим путём, предложив организовать там торгово-административную компанию, «наподобие Ост-Индской». По его мнению, следовало объединить «массу капиталов, образовать в регионе единое общество производителей-капиталистов: «По примеру Англии создать Компанию – Земледельческую, Мануфактурную и Торговую. Новую Российскую Восточную Индию» [9, с. 88]. В статье «Смерть Вазир-Мухтара Ю.Н. Тынянова» А.И. Солженицын размышляет о том, что «рамки романа [Тынянова] как раз и захватывают попытки движения этого уже созданного проекта – и крах его» [7]. В «верхах» проект встречает или непонимание (министра иностранных дел Российской империи К.В. Нессельроде), или зависть, желание перехватить проект (дипломата, директора Азиатского департамента Коллегии Иностранных Дел К.К. Родфиникина).

В романе «Смерть Вазир-Мухтара» Тынянов нашёл для этого временно-го отрезка более сложную функцию. Суть её заключается в глубинном постижении событий, происходивших в последний год *жизненного пути* Грибоедова. В разной степени они ознаменовали, предопределили и привели его к трагической гибели.

В произведении тринадцать глав. Действие в них разворачивается хронологически линейно с включённым ретроспективным повествованием. Связующим звеном между ними выступает дорога, так как герой большую часть повествования находится в пути. Она проходит не только «по своей родной стране», но и «в

экзотическом чужом мире» [1, с. 393; разрядка автора]. Тынянов рисует социально-историческую картину в России (сменяются Петербург, Москва, Воронеж, кавказские города) и в других странах (Персия – города Тегеран и Тебриз). Калейдоскопично предстают перед читателем Москва, которая «обессиливала» Грибоедова [9, с. 16]; Петербург, где «во всём недоконченность» [9, с. 71]; Тифлис, который стал для дипломата «...второй родиной. Восьмилетние его труды были там» [9, с. 161].

По мнению Н.М. Щедриной, мотивы «не только создают внутреннюю атмосферу произведения, не только „становятся идеей“ [его], но и часто „овладевают“ всем повествованием» [10, с. 186]. То же мы видим и в романе Тынянова: дорога – сквозной мотив «Смерти Вазир-Мухтара», организующий кольцевое построение произведения. Книга открывается приездом Грибоедова в Россию из Персии после долгих переговоров; завершается «возвращением» теперь уже тела погибшего Вазир-Мухтара, «Грибоеда».

В первой главе воссоздан *приезд* Александра из Персии в Москву, в «отчий дом», который не мог удержать Грибоедова, он его только «задерживал»: «Второе утро он хотел удрать из дому. На этот раз он решился, и, по видимому, предстояло объясниться. Удирал он в Петербург, собственно даже не удирал – он *вёз* Туркменчайский мир в Петербург и мог только *проездом остановиться* дня на два в Москве, но маменька надулась вчера, когда Александр сказал, что утром едет, – он мог бы ещё задержаться на день в Москве. Он и задержался» [9, с. 11, курсив мой. – Л.А.].

Дорога пролегает через всё полотно романа от первой до последней главы, когда в простом дощатом ящике тело убитого дипломата везут на арбе в Тифлис. По замыслу писателя, мёртвый герой предстаёт как живой человек, самостоятельно и осмысленно совершающий действие – *следование* по горной дороге: «Грибоедов на арбе, между двумя мешками соломы, медленно и терпеливо ехал к Тифлису» [9, с. 428]. В пути арбу встречает верховой в картузе и чёрной бурке: «„Что везёте?“ – спросил человек, уже проезжая, и взглядом путешественника посмотрел на мешки и ящик. – „Грибоеда“ – кивнул ему равнодушно Аветис» [9, с. 429].

Путник, повстречавшийся им – А.С. Пушкин. Так на *дороге* происходит последняя «встреча» знавших друг друга людей. Тогда, летом 1829 г., Пушкин совершал путешествие в Арзрум в составе русской армии во главе с И.Ф. Паскевичем, начавшей военные действия против турок на Кавказе. Итогом поездки стали записки «Путешествие в Арзрум во время похода 1829 года», впервые опубликованные в 1835 г. В произведении изображён и приведённый выше эпизод. Пушкин вспоминает последнюю встречу с Грибоедовым в 1828 г. в Петербурге, перед отъездом дипломата в Персию: «Он [Грибоедов] был печален и имел странные предчувствия» [6, с. 390]. Пушкин передаёт историю их знакомства и свои первые впечатления об Александре, думает об его судьбе: «Способности человека государственного оставались без употребления; талант поэта не был признан» [6, с. 391]. Завершая лирическое отступление, Пушкин говорит, что друзья могли бы написать

биографию Грибоедова, но с горечью отмечает: «Мы ленивы и нелюбопытны...» [6, с. 392], ведь «... замечательные люди исчезают у нас, не оставляя по себе следов» [6, с. 392], словно тех следов, что мгновенно исчезнут на людной дороге.

Ю.Н. Тынянов передаёт в романе «Смерть Вазир-Мухтара» воспоминания А.С. Пушкина о встрече «лишь частично и фрагментарно» [7], не точно следуя тексту: «Жизнь его была затемнена некоторыми облаками»; «Могучие обстоятельства. Оставил ли он записки?» [6, с. 390; 9, с. 429]. Пушкинские слова о Грибоедове звучат обрывочно, будто взятые из контекста, настороженно и обеспокоенно. Состоянию поэта вторит природа: «Река хрипела позади»; «Тучи сгущались, круглые, осязаемые», «Темнело. Дорога была дурная, и конь устал» [9, с. 429, курсив мой. – Л.А.], актуализируя общее впечатление поэта. В тыняновской интерпретации этого эпизода строки из «Путешествия...» воспроизведены как впечатления шокированного поэта, который, тяжело приходя в себя от увиденного, всё же продолжил *путь*. В романе читаем: «Воле удалялись мерно и медленно. Он [Пушкин] поехал, удерживая коня» [9, с. 429] – каждый «путник» отправился в своём направлении. Дорога в приведённом эпизоде, во-первых, выполняет одну из первичных функций как место встречи, а во-вторых, олицетворяет различие людских жизненных путей.

Тынянов «мастерски „вплетает“» [10, с. 189] *дорогу* в «главный сюжетный мотив, аккумулирующий всё повествование» [10, с. 189], что способствует раскрытию образа главного героя. *Путь* не просто обязательный

аспект его профессиональной дипломатической деятельности. Но и место встречи различных людей, и участие в происходящих событиях. Для Грибоедова это фатальное, органичное и обязательное явление: «*Путь* не всегда избирается по своему желанию...» [9, с. 157, курсив мой. – Л.А.]. Герой будто гоним дорогой «и ветром». В романе «Смерть Вазир-Мухтара» читаем: «У Грибоедова была родина. Как он любил ростовские и суздальские лица, как ненавидел петербургские, выглаженные и мятые, как воротники. Всё же свою жизнь он проводил не в деревне, а на *больших дорогах* и в персидских, ветром обитых, дворцах. Ветер гнал его. И пообносились в пути белое, тонкое, дворянское бельё, тканное крепостными матушки, теми самыми, что подняли однажды бунт» [9, с. 74, курсив мой. – Л.А.]. В письме другу С.Н. Бегичеву от 30 августа 1818 г. Грибоедов, собираясь в поездку к месту службы секретарём русской дипломатической миссии в Персии, пишет: «Прощай, мой друг; сей час *опять в дорогу*, и от этого одного беспрестанного противоположного¹ движения¹ в коляске есть от чего с ума сойти...» [5, с. 165, курсив мой. – Л.А.].

Дорога в романе «Смерть Вазир-Мухтара» имеет не только значение жизненного направления, движения, стремления к чему-то, но и заключает в себе мысль о цикличности происходящего. Однажды Грибоедову кажется, что всё повторяется, всё непереносимо однообразно: «Озираясь с некоторым любопытством, он получил впечатление, что движение совершается *кругоо-*

¹ В книге А.Д. Тимрота «Бунт сердца и ума. Московские годы жизни А.С. Грибоедова» читаем: «противувольного» [8, с. 152].

бразно и без цели. Одни и те же русские мужики шли по мостовой – взад и вперёд» [9, с. 15, курсив мой. – Л.А.]. Лица, из которых будто «...ни одно не было знакомо» [9, с. 59], разговоры и переговоры, дома и интерьеры, улицы, города втягивают героя в свой круг, «проглатывают» и «забывают» его: «Все эти безостановочные дни, что он в какой-то лихорадке стяжания торговался с персами из-за каждого клокка земли в договоре, что он мчался сюда с этим договором, ... без промедления, в Петербург, – он *двигался* по всем направлениям, расточал любезность, ловкость, он хитрил, скрывал, был умён и даже не задумывался над этим всем, так уж шло» [9, с. 15, курсив мой. – Л.А.].

Как следует из анализа, мотив дороги является доминирующим в структуре романа Ю.Н. Тынянова «Смерть Вазир-Мухтара» и значимым художественным элементом, способствующим выстраиванию сюжета, композиции и системы образов. Он организует повествование, придаёт необыкновенный трагизм завершающему этапу жизненного пути Александра Грибоедова.

ЛИТЕРАТУРА

1. Бахтин М.М. Формы времени и хронотопа в романе Очерки по исторической поэтике // Бахтин М.М. Вопросы литературы и эстетики. М.: Художественная литература, 1975. С. 234–407.
2. Веселовский А.Н. Историческая поэтика. М.: Высшая школа, 1989. 406 с.
3. Кудряшова А.А. Мотив смерти матери «как завершающее событие» автобиографической прозы о детстве: Л.Н. Толстой, Н.С. Лесков, М. Горький // Электронный журнал «Вестник Московского государственного областного университета» [Сайт]. 2013. № 3. URL: <http://vestnik-mgou.ru/Articles/View/432>.
4. Ожегов С.И. Словарь русского языка: ок. 57 000 слов / Под ред. д. филол. н. проф. Н.Ю. Шведовой. 14-е изд., стереотип. М.: «Русский язык», 1983. 816 с.
5. Полное собрание сочинений А.С. Грибоедова: в 2 т. Т. 1. Прозаические статьи и переписка / Под ред. приват-доцента Императорского С.-Петербургского университета И.А. Шляпкина; издание И.П. Варгунина. С.-Петербург: типография И.Н. Скороходова, 1889. 472 с., IV.
6. Пушкин А.С. Путешествие в Арзрум во время похода 1829 года // Пушкин А.С. Сочинения: в 3 т. Т. 3. Проза. М.: Художественная литература, 1987. С. 372–412.
7. Солженицын А.И. Смерть Вазир-Мухтара Ю.Н. Тынянова // Новый мир. 1997. № 4. URL: http://magazines.russ.ru/novyi_mi/1997/4/solgen.html (дата обращения: 30.05.2014).
8. Тимрот А.Д. Бунт сердца и ума. Московские годы жизни А.С. Грибоедова. М.: Московский рабочий, 1965. 240 с.
9. Тынянов Ю.Н. Смерть Вазир-Мухтара. Калининград: Калининградское книжное издательство, 1979. 431 с.
10. Щедрина Н.М. «Красное Колесо» А. Солженицына и русская историческая проза второй половины XX века. М.: Памятники исторической мысли, 2010. 336 с., ил.

УДК 82.02

Боруруева Н.В.*Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова
Университет Сорбонна-Париж IV***«ЛИТЕРАТУРА МИРА» (LITTÉRATURE-MONDE) В ИЕРАРХИИ МИРОВОЙ
ЛИТЕРАТУРЫ: К ПРОБЛЕМЕ ОПРЕДЕЛЕНИЯ ПОНЯТИЯ**

Аннотация. В статье анализируется содержание манифеста Мишеля Ле Бриса «За литературу мира на французском языке» («Pour une littérature-monde en français», 2007) и предлагаемое автором манифеста понятие «литература мира» (*littérature-monde*); рассматривается его связь с понятиями «мировая» и «франкоязычная» литература, а также раскрываются внутренние противоречия понятия, при помощи которого Мишель Ле Брис пытается решить актуальную проблему позиционирования франкоязычной литературы в поле мировой литературы. В заключение, на основании проделанного анализа, автор говорит о сложностях, связанных с переводом термина на русский язык.

Ключевые слова: мировая литература, франкоязычная литература, франкофонная литература, литература мира

N. Borurueva*Lomonossov Moscow State University
Sorbonne-Paris IV University***«LITTÉRATURE-MONDE» IN THE HIERARCHY OF THE WORLD
LITERATURE: THE PROBLEM OF DEFINITION**

Abstract. The article analyses Michel Le Bris' manifesto «Pour une littérature-monde en français» (2007) as well as the concept of «littérature-monde» in its connection with the «world» and «francophone» literature. The author studies some inner contradictions of the concept that let Michel Le Bris offer a solution of an urgent question – to define the position of the francophone literature in the hierarchy of the world literature. In conclusion, given the analysis, the author dwells on the difficulties concerning the research of the Russian equivalent of the *littérature-monde* term.

Keywords: world literature, francophone literature, *littérature-monde*.

На фоне ускоряющихся процессов глобализации особую актуальность приобретает вопрос о формировании и функционировании «мирового литературного пространства», составе «мировой литературы», организации «международного литературного пространства» как иерархичной системы. Наиболее часто предметом обсуждения становится именно эта иерархичность, основанная на неравенстве символического капитала «больших» и «малых» литератур. В связи с полемикой во французском литературоведении появилось понятие «литература мира» (*littérature-monde*, буквально: «литература-мир»). Мы попытались

© Боруруева Н.В., 2014.

выяснить, в чём заключается его связь с понятием «мировой литературы» («*littérature mondiale*»).

В работе Жерома Давида «Призраки Гёте» [2] рассматривается история понятия «мировая литература» и обсуждаются его интерпретации у Гёте, Маркса, Мултона, Ауэрбаха, Дамроша и др. На основе его размышлений можно сделать вывод, что главная проблема «мировой литературы» (автор ставит слово в кавычки) заключается в её составе и организации: какими качествами должно обладать то или иное литературное произведение, чтобы приобрести статус произведения «мирового» значения (причём, чаще всего имеется в виду западный мир)? Идёт ли речь об избранных «великих шедеврах» (литературном каноне) или произведениях, вышедших на международный рынок, например, благодаря переводу? Дополнительная сложность возникает при переходе термина из одного языка в другой: *Weltliteratur*, *world literature*, *littérature mondiale*, мировая или всемирная литература — в разных языках эти понятия приобретают свои оттенки и значения. В работе Жерома Давида также приводится размышление о том, что конкретный состав «мировой литературы» меняется в зависимости от точки зрения, места и эпохи.

Иногда высказывается мнение, что «мировая литература» — это совокупность всех существующих в мире литературных текстов. Именно так считает французская исследовательница Паскаль Казанова, автор известной, хоть и полемичной работы «Мировая республика словесности». Для неё «мировая литература» — «каждая книга, написанная в мире и объявленная литературной» [1, р. 20]. Однако ядро

понятия «мировая литература» формируется всё же вокруг идеи избранности (не всякий текст может быть причислен к «мировой литературе»), некоего ограниченного списка, пусть и варьирующегося во времени и пространстве. Идея «мировой литературы» напрямую связана с проблемой иерархии произведений и их распределения по местным/национальным/международным уровням, а также с проблемой критериев объективной или субъективной оценки этих произведений (в этом плане парадигма мнений обширна: от крайнего релятивизма — «моя мировая литература» [2, р. 205] — до установления неизменного канонического списка шедевров).

Иерархия мирового литературного пространства особенно волнует так называемых франкоязычных, или франкофонных, авторов, существующих в пространстве пограничья на пересечении нескольких культур. Они именуют литературное пространство, которое принято называть франкофонией, «франкоязычным гетто», как бы не дотягивающим до величия французской литературы. Например, марокканский франкоязычный писатель Тахар Бенджеллун заявляет: «Франкоязычными называют писателей-чужаков, пришедших из другого мира, которые обязаны придерживаться своего второстепенного статуса по отношению к исконной французской литературе <...> Это разделение реально существует, оно представлено в словарях, в средствах массовой информации и в политике. Оно почти граничит с дискриминацией» [6, р. 117]. Понятие франкофонии столь обсуждаемо, что было включено Пьером Брюнелем в «Словарь современных мифов» в 1999 году [4].

Вместо термина «франкофония» в 2007 году писатель Мишель Ле Брис предложил использовать новый термин — «литература мира» (*littérature-monde*), подробно описанный в манифесте «За литературу мира на французском языке» («*Pour une littérature-monde en français*»), который лёг в основу одноимённого коллективного сборника статей франкоязычных авторов. Чтобы понять, каким образом связаны понятия «литература мира», «мировая литература» (*littérature mondiale*) и «франкофонная литература» (*littérature francophone*), мы проанализировали манифест Мишеля Ле Бриса и пришли к следующим выводам.

Прежде всего, предлагая новое понятие, Мишель Ле Брис преследует сразу несколько лежащих в различных плоскостях целей:

- описать содержательный аспект литературы нового типа (внутренний уровень произведения), характеристиками которой являются:

- возвращение к *реальному миру, действительности* как референту. Мишель Ле Брис напрямую заимствует идеи о трёх тенденциях в развитии французской литературы из эссе Цветана Тодорова «Литература в опасности» («*Littérature en péril*»), среди которых формализм (отказ от репрезентации действительности в пользу формально-риторических приёмов), нигилизм (отрицание действительности) и солипсизм (нарциссическое самолюбование автора, закрывающего глаза на окружающий мир). «Каждый раз, но в различных модусах, внешний мир, мир, общий для меня и других, отрицается или обесценивается» [7, р. 36], — пишет Цветан Тодоров. Мишель Ле Брис призывает к восста-

новлению в правах репрезентативной функции литературы, противопоставляя «живое слово» (слово, не являющееся симулякром, сохраняющее свое означаемое) «чистой форме».

- *отображение в литературе нового состояния современного мира*, идущего по пути повсеместного взаимопроникновения культур.

- описать *место* нового типа литературы в пространстве «мировой литературы» (внешний по отношению к произведениям уровень): пересмотреть существующие иерархии, отказаться от понятия литературных центров («мир <...>, вновь ставший круглым» [6, р. 41]).

Нетрудно заметить, что Мишель Ле Брис при помощи нового понятия не только пытается решить проблемы различных уровней и различной природы, но и актуализирует в своём определении несколько значений слова «мир»:

- мир как внешняя реальность и окружающая действительность: «изучение одних лишь критических инструментов, как если бы сама идея того, что произведение может рассказывать что-то о *мире*, о тебе самом, о человеческом уделе, считалась пошлостью»¹ [6, р. 26];

- мир как мировое человеческое сообщество: «невероятная усталость от положения дел во французской литературе, закрывающей глаза и уши, чтобы не видеть, в каком направлении движется *мир*» [6, р. 25];

- мир как новое метисное состояние этого сообщества: «очевидность новой литературы, шумной, разноцветной, метисной, наподобие нового зарождающего *мира*» [6, р. 32];

¹ Здесь и далее курсив мой (Н.Б.)

- мир как особая сфера жизни (мир литературы и искусства): «Я был убеждён, что рождался новый чарующий и волнующий *мир* <...>, вновь принадлежавший художникам, творцам, писателям» [6, р. 27];

- **вымышленный мир литературного произведения:** «Литература остаётся одним из самых замечательных видов деятельности, по-прежнему осмеливаясь создавать *миры*» [6, р. 28].

Итак, произведение, претендующее на включение в поле литературы мира, должно отвечать тройному критерию: 1) сохранять свою содержательность («живое слово»); 2) говорить о современном мире с его смешением культур; 3) отказаться от претензии на национальный и однородный характер. По мнению Мишеля Ле Бриса, этим критериям лучше всего отвечают франкоязычные, англоязычные и другие авторы культурного пограничья. Именно они оказываются в авангарде «мировой литературы» благодаря актуальному характеру своего межкультурного положения, которое и отражается в их произведениях. Таким образом, речь идёт вовсе не о заявленном разрушении иерархий (образ «круглого мира»), но всего лишь об их пересмотре в пользу авторов культурного пограничья, долгое время считавшихся выходцами с литературной периферии. Несмотря на то что писатель говорит о «множественной, разнообразной, цветной, а не единообразной литературе» [6, р. 41], не подчиняющейся «никаким школам и никаким формам» [6, р. 29], в действительности, речь всё же идёт об определённом типе литературы с определёнными характеристиками.

Из размышлений Мишеля Ле Бриса следует, что литература мира относит-

ся к «мировой литературе» как часть к целому, причём сама литература мира подразделяется на секции согласно лингвистическому принципу: литература мира на французском, литература мира на английском и т. д. Сам язык письма, по сути, не имеет значения и оказывается не более, чем случайностью («Просто получилось так, что, будучи писателем, я использую французский язык» [6, р. 43]).

Литература мира представляется как некое актуальное течение «мировой литературы» (в данном случае «мировой» — значит на международном уровне), к которому можно примкнуть. «<...> да, франкоязычная литература была обширной, разнообразной, *мировой*, вступала в диалог с англоязычной литературой — это Франция должна была решать, вступать ли ей в это огромное целое. На равных» [6, р. 45], — утверждает автор манифеста. В реальности же франкоязычные авторы стремились быть причисленными к пантеону французской литературы с её длительной историей и великими именами, обеспечивающими её легитимность [1, р. 34]. **Теперь же франкоязычная литература более не нуждается в литературе французской как гаранте своего мирового значения.** Франкоязычная литература не только попадает в сферу «мировой литературы» напрямую, но и, более того, оказывается в её центре, претендуя, в свою очередь, на универсальное значение («<...> понимание того, что происходящее с этими авторами касается всей литературы» [6, р. 34]). **Проще говоря, иерархия отношений французской и франкоязычной литературы переворачивается.**

Наш анализ мог бы ограничиться следующим выводом: литература мира

в представлении Мишеля Ле Бриса — это новое средство легитимации пограничных литератур, появление которого ещё раз свидетельствует о том, что борьба за право существования в «мировой республике словесности», о которой говорит Паскаль Казанова, далека от завершения. Однако нельзя не отметить тот факт, что сама форма написания термина, объединяющая два слова посредством дефиса, отсылает к трудам и к эстетике Эдуара Глиссана, авторству которого принадлежат, в частности, понятия «chaos-monde» (хаос мира), «tout-monde» (весь-мир) и «totalité-monde» (полнота мира). Наше предположение о связи рассуждений Мишеля Ле Бриса с эстетикой Эдуара Глиссана подтверждается и наличием в манифесте аллюзий на его работы, присутствующих на уровне интертекста. Например, «любой писатель, использующий сегодня определённый язык, пишет в окружении всех языков мира» [6, р. 46], — говорит Мишель Ле Брис. Это не просто переключка, но перифраза идеи Глиссана: «Я повторяю, что многоязычие не предполагает ни сосуществования языков, ни владения несколькими языками — это присутствие всех языков мира в используемой тобой языке» [5, р. 41].

Однако идея новой иерархии, которую Мишель Ле Брис подспудно вкладывает в своё определение, в корне противоречит эстетике Эдуара Глиссана, не приемлющего иерархий — прерогативы западного «мышления системы». Все существующие элементы мира, по мнению философа, связаны узлами Отношения (Relation), которое приходит на смену подчинению. Мир превращается из централизованной системы в ризому, «сеть которой свя-

зана сочинительной связью «и... и... и...» <...>» [3, р. 36]. Мир может только включать, но ничего из себя не исключает, в то время как понятия литература мира и «мировая литература» основаны на принципе исключения и наличии «дискриминационных» критериев этого исключения. Дефис «littérature-monde» как знак объединения объединяет, но объединяет лишь избранные элементы, заключая их в закрытую, хоть и проницаемую, категорию — это противоречит не только эстетике Эдуарда Глиссана, но и мысли многочисленных франкоязычных авторов, призывающих к отказу от деления мира на национальные, социальные, гендерные и прочие категории, повсеместно провоцирующие вспышки жестокости и насилия. Мы можем лишь предполагать, что франкоязычные авторы, подписавшие манифест, вероятно, невнимательно ознакомились с текстом Мишеля Ле Бриса и не вникли в его суть.

В заключение обратимся к проблеме перевода нового термина на русский язык. Задача представляется нелёгкой в связи с множеством разноплановых смыслов, заключённых в обозначаемом им понятии. Во-первых, чтобы передать все оттенки его значений, необходимо сохранить в переводе корень «мир», не забывая, что литература мира говорит одновременно о мире как об окружающей действительности и современных тенденциях развития мира как человеческого общества вне зависимости от страны или нации. Во-вторых, в идеальном переводе нужно было бы сохранить дефис, отсылающий к целому понятийному аппарату франкоязычных исследований, основанном на трудах Эдуара Глиссана.

В-третьих, сохранить требуемую дистанцию между терминами «*littérature-monde*» и «*littérature mondiale*». «*Littérature-monde*» — это не «мировая литература», не «мир литературы» и не «мировое литературное сообщество». По логике Мишеля Ле Бриса, объединяющего множество аспектов в одном понятии, это одновременно «литература-о-мире», «литература-в-мире» и «весь-мир-в-литературе», однако каждый из этих вариантов, взятый по отдельности, отражает лишь одну из граней многостороннего понятия. Поскольку перевод «литература-мир» показался нам слишком буквальным, мы предпочли использовать в качестве рабочего перевода, несмотря на отсутствие дефиса, выражение «литература мира» как наиболее точно передающее многозначность французского слова «monde» и включающее дополнительные семантические оттенки: мир как отсутствие конфликтов — эта важная коннотация вполне

соответствует духу франкоязычной литературы.

ЛИТЕРАТУРА:

1. Casanova, Pascale. *La république mondiale des lettres*. Préface inédite, éd. revue et corrigée. P.: Seuil, 2008. 492 p.
2. David, Jérôme. *Spectres de Goethe : Les métamorphoses de la «littérature mondiale»*. P.: Les prairies ordinaires, 2011. 306 p.
3. Deleuze, Gilles. Guattari, Félix. *Mille plateaux*. P.: Les Éditions de Minuit, 1980. 645 p.
4. *Dictionnaire des mythes d'aujourd'hui / Dir. Pierre Brunel avec la collaboration de Frédéric Mancier et Matthieu Letourneux*. P.: Editions du Rocher, 1999. 944 p.
5. Glissant, Édouard. *Introduction à une Poétique du Divers*. P.: Gallimard, 1996. 144 p.
6. *Pour une littérature-monde / E. Almassy, T. Ben Jelloun, M. Condé et al. ; Dir. M. Le Bris et J. Rouaud*. P.: Gallimard, 2007. 342 p.
7. Todorov, Tzvetan. *La littérature en péril*. P.: Flammarion, 2006. 94 p.

УДК 8:17/51

Кузина О.В.*Московский государственный областной университет***ЭПОХА «СМУТНОГО ВРЕМЕНИ» НА СТРАНИЦАХ
«ЛИТЕРАТУРНОЙ ГАЗЕТЫ» А.А. ДЕЛЬВИГА**

Аннотация. Статья посвящена изображению эпохи «смутного времени» на страницах «Литературной газеты» А.А. Дельвига. Показаны неоднократные обращения русских литераторов к изображению этого отрезка истории: в произведениях А.П. Сумарокова, А.С. Пушкина, Ф.В. Булгарина было представлено «смутное время». Подробно рассмотрен отрывок из романа Д.Ю. Струйского «Димитрий Самозванец», на примере которого можно судить о характере исторического романа 1830-х годов. Высказано предположение о том, почему газета отдала предпочтение роману Д.Ю. Струйского, а не Ф.В. Булгарина.

Ключевые слова: эпоха «смутного времени», историческое повествование, конкурентный характер, критический отзыв.

O. Kuzina*Moscow State Regional University***THE ERA OF «TIME OF TROUBLES»
IN «LITERARY NEWSPAPER» OF A. DELVIG**

Abstract. The article is devoted to the image of an epoch «time of troubles» in «Literary newspaper» of A. Delvig. It shows repeated appeals of Russian writers to the image of this segment of history: «time of troubles» was presented in the works of A. Sumarokov, A. Pushkin, F. Bulgarin. The article discusses in detail the excerpt from the novel by D. Struyskiy «Dimitry the Pretender», which can be seen as an example of the historical novel of 1830s. The author of the article suggests the reasons why the newspaper preferred novel of D. Struyskiy and not F. Bulgarin's one.

Keywords: era «time of troubles», historical narrative, the competitive nature, critical feedback.

Начало прозаическим публикациям в «Литературной газете» А.А. Дельвига положил роман – наиболее популярный у читателей того времени жанр. В газете были представлены две его жанровые разновидности: социально-психологический роман, синтезирующий принципы романтизма и реализма, и исторический, опирающийся на принципы реализма.

Исторический роман пользовался успехом наряду с социально-психологическим. Родоначальником жанра исторического романа, по общепринятому мнению, является В. Скотт. В России исторический роман начинается с произведения М.Н. Загоскина «Юрий Милославский». Однако пальма первенства в печати принадлежит неоконченному роману «Арап Петра Великого» А.С. Пушкина. Отрывок из этого романа был напечатан в номере 13 «Литературной газеты»

за 1830-й год, а в номере 5 была помещена рецензия А.С. Пушкина на роман М.Н. Загоскина. Очевидно, что «Литературная газета» стоит у истоков русского исторического романа. Структурообразующая основа исторического романа, по определению А.С. Пушкина, – сама «историческая эпоха, развитая в вымышленном повествовании» [1]. Эту формулировку, которую поэт применил к роману М.Н. Загоскина «Юрий Милославский», литературовед В.А. Недзвецкий раскрывает как «стремление уловить и воссоздать в «портретируемой» эпохе событие (узловую коллизию), способное, как капля воды окружающий ландшафт, отражать её духовную, нравственную, личностную или общественную особенность» [3, с. 26].

Многих писателей интересовала тема «смутного времени» – загадочно-го и противоречивого этапа в истории Российского государства. Одним из первых его изобразил А.П. Сумароков в трагедии «Димитрий Самозванец». Произведение было первый раз представлено в 1771 году на Императорской сцене в Санкт-Петербурге, в дальнейшем трагедия завоевала популярность у читателей.

Через некоторое время историческая тема «смуты» заинтересовала и А.С. Пушкина. В 1824 году он приступил к работе над трагедией «Борис Годунов», которая была завершена в Михайловском в ноябре 1825 года и напечатана в Санкт-Петербурге, в типографии департамента народного просвещения, в 1831 году. Путь трагедии к выходу в свет занял шесть лет.

Известно, что при создании трагедии Пушкин опирался на «Историю Государства Российского» Н.М. Карам-

зина, исторические хроники Шекспира и летописные памятники. Но произведение его было самобытным. Оно отличалось и от трагедии классицизма, и от шекспировской трагедии, и от западноевропейской историко-романтической драмы Шиллера и Гюго. Выход в свет «Бориса Годунова» не мог не отразиться на литературной жизни и, в частности, на публицистике 1830–1831 годов.

Русское общество живо отреагировало на выход в свет пушкинского произведения. Этот факт подтверждается перепиской Пушкина с друзьями, единомышленниками: П.А. Плетнёвым, М.Н. Волконской, В.К. Кюхельбекером... Е.А. Боратынский в письме к А.С. Пушкину, датированном декабрём 1825 года, пишет: «Жажду иметь понятие о твоём Годунове. Чудесный наш язык ко всему способен, я это чувствую, хотя не могу привести в исполнение. Он создан для Пушкина, а Пушкин для него. Я уверен, что трагедия твоя исполнена красот необыкновенных» [4, с. 304].

Исследователь Г.О. Винокур представил историю, связанную с «Борисом Годуновым». Пушкин отдал Николаю I читать трагедию, а тот её передал А.Х. Бенкендорфу и поручил найти критика, который бы оценил произведение. Таким человеком стал Ф.В. Булгарин – идейный противник Пушкина: он написал отрицательный отзыв о «Борисе Годунове» и затянул его публикацию. Сам же Булгарин в начале 1830-го года публикует исторический роман «Димитрий Самозванец», идею которого он позаимствовал, когда читал «Бориса Годунова». «Литературная газета» не могла в своих критических разборах не отреагировать на выход романа Булгарина.

Так, в № 11 за 1830 год в разделе «Смесь» названы основные произведения, которые так или иначе станут объектом критики газеты, причём некоторые из них – неоднократно: «Кажется, любителям чтения скоро не будет причины жаловаться на недостаток оригинальных русских романов. Теперь у них в руках «Юрий Милославский», исторический роман г. Загоскина и «Димитрий Самозванец», исторический же роман Булгарина <...> А. Погорельский, автор «Двойника», сочинил роман «Монастырка», который уже печатается...» (Т. 1, № 11, С. 90).

В № 14 за 1830 года в разделе «Библиография» А.А. Дельвиг опубликовал критический отзыв об историческом романе Ф.В. Булгарина «Димитрий Самозванец». Этот отзыв с полным правом можно назвать разгромным. По мнению А.А. Дельвига, Ф.В. Булгарин искажил правду художественную и историческую: «Автор пренебрёг главную цель романиста, а заботился о второстепенных <...>. Цель всех возможных романов должна состоять в живом изображении жизни человеческой <...> живописуя историческую картину, художник, разумеется, должен знать место, на коем действовали герои его, должен изучить черты лиц их, одежду и оружие их времени: но это необходимое не есть ещё главное, совершенно удовлетворяющее все требования искусства. Не поименованных кукол, одетых в мундиры и чинно расставленных между раскрашенными кулисами, желает видеть на картине любитель живописи: он ищет людей живых и мыслящих, а место и одежда должны только довершать очарование искусством обманутого

воображения. То же самое желали бы мы найти в романе Г. Булгарина» (Т. 1, № 14, С. 112).

И, тем не менее, А.А. Дельвиг считает необходимым вернуться к разбору этого произведения, разъяснить читателям все его особенности, поскольку роман найдёт много читателей и окажет влияние на русскую литературу. Как видим, критика «Литературной газеты» преследует не узко «аристократические» интересы элитарного кружка, занятого установлением законов искусства, но заботится о вкусе читателя, о распространении подлинных критериев художественности. И не случайно после отрицательных отзывов о романе Ф.В. Булгарина «Литературная газета», спустя некоторое время, в № 31 за 1831 год публикует отрывок из исторического романа Д.Ю. Струйского «Димитрий Самозванец».

Д.Ю. Струйский известен в наше время как поэт и музыкальный критик, писавший в 1829-1840-х гг. под псевдонимом «Трилунный». Часто упоминают о нём как о поклоннике Байрона и «малодаровитом» поэте. Эта характеристика берёт своё начало с суждения «Северной пчелы», отказавшей однажды Струйскому в публикации. В 1827 году вышла в свет поэма Струйского «Аннибал на развалинах Карфагена», но и это произведение было отрицательно оценено критиками и не принесло популярности автору. В творчестве Струйского действительно было немало неудач, но своеобразие его очевидно. Почти ничего не известно в наше время о прозаическом таланте автора, но талант этот неоспорим. Неёслучайно Д.Ю. Струйского как прозаика заинтересовала историческая

тема, и именно отрывок из романа «Димитрий Самозванец» был напечатан в «Литературной газете», которая явилась единственным влиятельным петербургским изданием, противостоявшим периодике Ф.В. Булгарина и Н.И. Греча.

В начале XVII в. на Руси под именем царевича Димитрия выступали несколько самозванцев. В романе Струйского представлен Лжедмитрий I. Согласно данным современной исторической науки, это был галичский дворянин Григорий Отрепьев – чернец Чудова монастыря. В 1602 году он бежал в Польшу, где выдал себя за сына Иоанна Грозного. В 1605 году, после смерти Бориса Годунова, при помощи польских магнатов и скрытом покровительстве короля Сигизмунда он захватил русский престол. Был убит 17 мая 1606 года в результате заговора бояр, поддержанного выступлениями жителей Москвы. Во главе боярского заговора стоял князь Василий Шуйский.

Н.А. Полевой говорит об историческом повествовании: «Художественное воссоздание реалий отечественного прошлого вместе со свободным движением исторического сюжета давало возможность писателям органически ввести в повествование свои местности, свои события, свои присказки и поговорки» [2, с. 314].

Показательно, что Струйский заканчивает «Отрывок из нового романа “Димитрий Самозванец”» теми же размышлениями Григория о судьбе народа, с которых и начиналось повествование, но они имеют пессимистичный характер: «Да, народ всему радуется: звон колоколов привёл его в восторг; подождём ещё, и мы будем свидете-

лями, как восторг его затихнет вместе со звоном его колоколов» (Т. III. № 31. С. 252).

Характерной чертой для русского исторического романа первой трети XIX века стал отказ от усложнённой сюжетной организации, запутанной интриги и концентрации таинственного. Относительная простота сюжета служила важной для русского романа задачей, формирующейся уже на этом этапе литературного развития.

В отрывке из романа Д.Ю. Струйского ставится проблема нравственной оценки царя Бориса Годунова. Его историческая роль напрямую связывается с моральными качествами личности: «Василиса: “Теперь силён Борис, а я знавала его ещё и дитятею. Пословица говорит: каков в колыбельку, таков и в могилку”. Григорий: “А каков он был от колыбели?” Василиса: “Любил быть первым между мальчишками; зол, хитёр и увертлив, как лисица”» (Т. III. № 31. С. 248). И ещё: «Он [Борис Годунов – О.К.] принадлежал к тем исполнителям нравственного мира, которым для достижения истинного величия не достаёт одной только добродетели...» (Т. III. № 31. С. 245).

Д.Ю. Струйский активно использует прямую речь, что придаёт роману сходство с драмой. Автор воссоздаёт национальную и историческую атмосферу изображаемой эпохи, используя для этого не только описания и специфические детали, но и народную речь, пословицы, поговорки: «О мёртвых молчи, либо добро реки», «Григорий – большой краснойбай» (Т. III. № 31. С. 248).

Опубликованный в «Литературной газете» фрагмент с эпизодом коронации Бориса Годунова представляет со-

бой полилог, который, с одной стороны, закладывает сюжетную интригу вокруг Григория Отрепьева, а с другой – рисует разноплановую панораму исторического события, которая воссоздает и дух восторженной толпы, и скрытные, но значительные протестные настроения: «Народ: “Да здравствует отец наш Государь”». (Т. III. № 31. С. 246). «Чорт останется чортом, Борис – Борисом» (Там же). Образ героя создаётся через характеристики и комментарии остальных персонажей, а роль авторских пояснений сведена к минимуму: «Ты не откажешься полаять на кого бы то ни было!» «Правда, что ты – черно книжник?» (Т. III. № 31. С. 248).

Таким образом, на примере «Димитрия Самозванца» Д.Ю. Струйского можно говорить о характере исторического романа 1830-х годов. Несмотря на то что попытки изобразить этот отрезок истории предпринимались неоднократно, у Струйского было своё изображение времени «смуты». А.А. Дельвиг как редактор «Литературной газеты» отдаёт предпочтение «Отрывку из романа “Димитрий Самозванец”» Д.Ю. Струйского. Он замечает роман Булгарина «Димитрий Самозванец» и критически оценивает его на страницах издания. Тут, конечно, нельзя забывать об интересах газеты на «печатной арене» 1830-1831 годов, о полемике пушкинского круга с Булгариным и его единомышленниками.

Д.Ю. Струйский вводит целый ряд ярких персонажей (собираемый образ горожан, образы колдуньи Василисы, Дьячка, Шута), которые были самобытны и решали проблему изображения отечественной истории и русского национального характера.

Однако роман этот не стал популярным, как и его автор.

Почему «Литературная газета» всё же публикует произведение никому не известного прозаика Струйского и в то же время критикует аналогичный по проблематике роман Булгарина? Известно, что Дельвиг и Пушкин на страницах «Литературной газеты» боролись против «коммерческой» литературы, против «нечестных приёмов» в творчестве, потому и поддержали произведение Струйского.

Таким образом, исторический роман заслужил популярность в 1820–1830-е годы. Изображение эпохи «смутного времени» вызывало живой интерес. Сначала написанная А.С. Пушкиным в 1825 году трагедия «Борис Годунов!», потом вышедший в свет роман Ф.В. Булгарина «Димитрий Самозванец» и, наконец, опубликованный в «Литературной газете» «Отрывок из исторического романа “Димитрий Самозванец”» Д.Ю. Струйского (Трилунного).

Каждый из авторов пытался по-своему изобразить важный момент истории. Кто-то использовал нечестные приёмы и имел популярность (Ф.В. Булгарин), кто-то делал первые шаги в создании исторической прозы (Трилунный), а кто-то творил новую реалистическую трагедию (А.С. Пушкин).

Точку в этом вопросе ставит В.Ф. Одоевский в статье «О нападениях петербургских журналов на русского поэта А.С. Пушкина», он пишет: «Пушкин понял свое назначение в русской литературе, понял вес, который имя его придавало изданиям, удостаиваемым его произведений; он посмотрел вокруг себя и был поражён печальною картиною нашей литературной расправы, – её площадною бра-

нию, её коммерческим направлением, и имя Пушкина исчезло из многих, многих изданий! <...> И замолкли похвалы поэту. Замолкли когда же? Когда Пушкин создал «Полтаву» и «Бориса Годунова», два произведения, доставившие ему прочное, неоспоримое право на звание первого поэта России!» [4, с. 350].

Историческая тема «смутного времени» имела конкурентный характер. Этому способствовали непростые отношения Булгарина с Пушкиным и авторами его круга. Жизненные и литературные перипетии отразились на прозе «Литературной газеты. Уделив внимание произведениям об эпохе «смутного времени», газета выразила своё мнение о политической обстановке в стране, стала ареной борьбы за литературные вкусы читателей.

ЛИТЕРАТУРА

1. Литературная газета, издаваемая бароном Дельвигом. СПб., 1830. Т. 1, № 11. С. 90. В дальнейшем ссылки на это издание даются в тексте статьи. В круглых скобках указываются римской цифрой том, затем номер газеты, арабской – страница.
2. Московский телеграф. 1829, № 15, август.
3. Недзвецкий В.А. История русского романа XIX века: неклассические формы. М.: Издательство Московского университета, 2011. 152 с.
4. Русская литература XIX века. 1800-1830-е годы. Хрестоматия мемуаров, эпистолярных материалов и литературно-критических статей. Изд. 3-е, дополн./ Под редакцией В.Н. Аношкиной, Т.К. Батуровой, С.А. Джанумова. М.: Информационно-внедренческий центр «Маркетинг», 2000. 744 с.

УДК 81

Попова Н. В.*Московский литературный институт им. А.М. Горького***ЭЛЕМЕНТЫ СЕМЕЙНОЙ ОБРЯДОВОЙ ПОЭЗИИ В ЭПИЧЕСКОЙ ПОЭМЕ
П. ВАСИЛЬЕВА «СОЛЯНОЙ БУНТ»**

Аннотация: В статье мы представляем результаты исследования творчества П. Васильева в контексте выявления жанровой специфики, стилового своеобразия русской обрядовой поэзии и её функций в эмоционально-образной системе П. Васильева. Анализируются конкретные формы художественного мышления, самобытный и своеобразный мир поэзии П. Васильева, сформированный на богатейшей ниве культуры и творчества народа; умение автора облекать социальную мысль ярким эмоциональным материалом, использовать устную народную поэзию, чётко разграничивая функции каждого отдельного жанра.

Ключевые слова: русская обрядовая поэзия, фольклор, П. Васильев, причеты, плачи, поэма «Соляной бунт».

N. Popova*Maxim Gorky Literary Institute***ELEMENTS OF FAMILY CEREMONIAL POETRY IN EPIC POEM
BY P. VASILYEV “SALT RIOT”**

Abstract. In the article, we present the results of investigation of P. Vasilyev's art in the context of revealing genre specifics and style uniqueness of the Russian ceremonial poetry and its functions in the emotional figurative system of P. Vasilyev. We analyze the specific forms of art thinking and the original world of P. Vasilyev's poetry formed on the rich soil of folk culture and art, the author's ability to clothe a social thought with a bright emotional material, to use verbal folk poetry, and distinctly separate functions of each specific genre.

Keywords: Russian ceremonial poetry, folklore, P. Vasilyev, lamentations, Russian wedding, poem “Salt Riot”.

Первое масштабное произведение П. Васильева – поэма «Соляной бунт» – даёт зачин целому ряду грандиозных по замыслу, воплощению и изобразительной силе эпических полотен (*Песня о гибели казачьего войска, Кулаки, Синицын и Ке, Христолюбовские ситцы*). Поэма была впервые опубликована в 1933 году в журнале «Новый мир», а в 1934 была издана отдельным изданием. «Соляной бунт» вызвал длительную и бурную полемику среди критиков того времени. Ярko выраженная самобытность темы и художественной образной системы давала для дискуссий множественные основания. Вывод об идейно-художественной слабости многих глав вытекал не сколько из объективного содержания поэмы, «сколько из общей вульгарно-социологической концепции творчества Васильева, утверждавшей реакционность его идейно-тематических ориента-

ций» [5, с. 13]. В таком подходе к поэме и ко всему творчеству поэта сказывается устаревшая ныне критическая тенденция – растворять поэтику в социально-историческом анализе.

Не включая в данную статью обзор критических замечаний о поэме, мы считаем необходимым отметить, что, анализируя конкретные формы художественного мышления, самообытный и своеобразный мир поэзии П. Васильева, сформированный на богатейшей ниве культуры и творчества народа, на бесценных сокровищах народного фольклора, мы в то же время ведём полемику против ложных и неприемлемых оценок, данных «Соляно-му бунту».

Система образов поэта была яркой и необычной, он смело вводил элементы семейной обрядовой поэзии в свои эпосы. Синтез старых, отмерших укладов, образы-пережитки прошлых эпох, сохраняющегося в жанрах фольклора и нового уклада, горячо интересующего П. Васильева, придавал удивительную выразительность его произведениям, формировал «новую систему образов» [1, с. 14]. Духовное родство с народом, причастность к богатству его коллективного творчества – это истоки неукротимой фантазии, ярчайших мазков васильевской метафорической живописи:

*Сказки спрятаны в ларьки,
Сединою повиты,
Ты сорвёшь с ларей замки,
Сказки пустишь по ветру*
[3, с. 153].

Основной целью работы было выявление жанровой специфики, стилового своеобразия русской обрядовой поэзии и её функции в эмоциональ-

но-образной системе П. Васильева, исследование корневого фольклорного пласта в исторически многослойной эпической поэме «Соляной бунт». В аспекте такого анализа творчество П. Васильева не изучалось, хотя утверждения о тесной связи художественной системы поэта с русским народным творчеством были сделаны ещё при жизни поэта.

Представители мифологической школы А.Н. Афанасьев и А.Н. Веселовский впервые высказали мнение о том, что плачевая культура – это тот пласт фольклора, в котором наиболее полно и выразительно представляются народная мифология. Тем самым «была заложена основа дальнейшего изучения жанра как ключевого для понимания генезиса и эстетики русского народного искусства. (...) Материалом для анализа являлся поэтический текст» [2].

Причитания были объектом исследования и М.К. Азадовского («Ленские причитания»), где исследован вопрос о месте причитаний в обряде и их роли в народной культуре. Образы плача подробно рассмотрены в диссертации Е.Ф. Югай «Ключевые образы плача»; виды, формы и генезис рассмотрены в диссертации М.С. Альтшуллер «Русские похоронные причитания»; лексика – в диссертации О.А. Седаковой; в трудах этнолингвистов, филологов, в языковедческих работах, в исследованиях, посвящённых народной поэзии, но не было монографического рассмотрения функций обрядовой русской поэзии в творчестве П. Васильева.

Оценка фольклорного наследия как важнейшей основы становления и развития культуры является основополагающей в современном

литературоведении, на что указывают многие исследователи (Б.Н. Путилов, Н.И. Толстой, Л.Н. Виноградова, П.Г. Богатырёв, В.Е. Гусев).

Напевы обрядовых песен даже больше, чем их тексты, сохраняют архаические черты. Песни эти «по наслуху переходили ... в течение веков из одного поколения в другое, несмотря на запрещение церковных пастырей творить языческие плачи над христианскими телами» [6, с. 552]. Таким образом, справлялись как бы двое похорон: по церковному уставу и по древнему старорусскому обычаю.

Наиболее показательна в этом отношении эпическая поэма «Соляной бунт», где представлены элементы и свадебной, и похоронной обрядовой поэзии. Поэтическое мастерство русских воплениц представлено в главе «Плакальщицы», где мы находим прямые отзвуки известных профессиональных плачей, когда традиции похоронных обрядов, веками сохраняющиеся в народной памяти, соединяются «индивидуальным творчеством с поэтической импровизацией» [7, с. 187], создавая выдающиеся художественные произведения.

Это древняя обрядня, при совершении которой близкие к покойнику или нанятые люди плакали плачем великим, стоном убитой горем души. В древности умением причитать владели многие женщины, но особенно ценились вопленицы, обладающие даром импровизации и даром поэтическим, хорошей памятью и знанием всей системы приёмов воздействия на окружающих.

В похоронном ритуале есть чёткая последовательность обрядовых действий. Важнейшей и неотъемлемой

частью похоронного обряда являются похоронные плачи. В «Соляном бунте» мы видим наглядный пример особого плача на только что зарытой могиле. Сешка и Сашка, эти «последние няни мёртвого дитяти» [3, с. 344], заливаясь слезами, оплакивают атамана Корнилу Ильича. В их воплях прослеживаются представления наших предков о смерти, персонификация её в образ врага, которого надо либо припугнуть либо договориться:

*Расколишь, берёза,
От сухоты,
Полетите на небо,
Птицы и кусты.
Чтобы тебя, шашку,
Сломала плеть,
Чтобы тебе, смерти,
Самой мереть!..*
[3, с. 344]

Похоронные причеты в поэме, когда атаман Корнила Ильич «до самых скул, до бровей в сырой земле потонул!» (3, с. 344), аналогично народному похоронному обряду, начинаются с вопроса покойному атаману: «Да чьи тебя руки вынянчили? / Да чьи тебя груди выкормили? / Да кто тебя только / Жи-и-ить учил?» [3, с. 345]. Важной частью плача проходят постоянные жалобы о том, как осиротела теперь семья, как ей трудно теперь будет: «Без тебя мы в темени, / В холоду» [3, с. 346].

Надо обязательно умиловить усопшего, обезопасить себя от его недовольства и возвращения, поэтому перечисляются, с явным преувеличением, заслуги и доблести покойника:

*Чтобы тебе, лебедь,
Столько пера,
Сколько он оставил*

*Людям добра..
 (...) Он ли не был
 К людям
 Жа-а-лостлив?..
 (...) Чтобы подошли
 Твои воры-вороги,
 Руки бы у них поотвалились,
 Головы бы у них пораскатились*
 [3, с. 345].

Плакальщицы непременно должны были сообщить собравшимся о конкретных деталях смерти усопшего (в данном случае – зарубленного казаком Гришкой Босым):

*Выбили из гребня
 Заглавный зуб,
 Отрезали шашкой
 Заглавный чуб*
 [3, с. 346].

В похоронной обрядовой поэзии обращение к усопшему тесно переплетено с обращениями к стихии:

*Отворяйся, небо,
 Рассыпь снега,
 Замети метелями
 Свово врага,
 Ты раздень их, ворогов,
 Донага*
 [3, с. 347].

Обычно при захоронении заканчивались голосистые, за душу тянущие причитания воплениц – «простины» – тем, что они бросались перед могилою озимь, бились и рыдали, разрывая на себе одежду. Причитальницы или вопленицы наследовали обычаи «великих плачей», что справлялись издревле во время тризн после сражений. Старорусские «жалные плачи» весьма выразительны, в них звучит не только тоска об ушедшем, но и раскрываются

самые заветные переживания и мысли. Входя в состояние транса, вопленицы выплёскивают всё затаённое и сокровенное, «выпевают» чужое горе и свою тяжёлую долю и беды, очищаясь слезами и криками. Это очень точно и образно показывает П. Васильев:

*Так, две выти,
 В траву уткнув
 Жалобой и мукой
 Набитый клюв,
 Нанятые плакальщицы
 Выли
 Над рытой лопатой,
 Сапогом примятой,
 Неотзывчивой
 К горестям тем
 Могиле*
 [3, с. 347].

Много было прекрасных мастериц плача на Руси, но наибольших высот обрядовый плач достиг у олонечкой вопленицы Ирины Федосовой (1831-1899). Её причитания – яркий пример перерастания обрядового плача в плач-поэму, в эпос горя, с чётко выраженной сюжетной линией, с массой ролевых многоступенчатых плачей-обращений, с глубоким значением и смыслом:

*Ты прощайся-ко роженое моё дитячко,
 С добрым хоронным построеньцем,
 Ты со новой любимой своей горенкой,
 Со этыма мильыма подруженькам,
 Со этыма удалыма молодцам!
 Вы простите, жалостливы мильы сроднички,
 Ты прости-прощай, порода родовитая!*
 [8, с. 421]

Особенно ярко выражены социально-драматические аспекты крестьянской жизни в следующих плачах: И. Федосовой «Плач о старосте», «Плач о писаре», «Плаче о попе-отце духовном», «Плаче о потопших», «Плаче о солдате, прибывшем на похороны отца».

Похоронные причитания, являясь по мнению многих исследователей наиболее древним жанром народной обрядовой поэзии, дали первооснову для других видов причети – рекрутской. Рекрутская обрядность и причитания, возникшие лишь в начале XVIII века, после введения Петром I всеобщей рекрутской повинности, с календарными обрядами и песнями не связаны. Они вышли за рамки обрядового фольклора, но содержат много элементов похоронного обряда, ведь рекрутчина отбирала на долгие годы сына из семьи, отправляя его на смерть и муку. Ирина Федосова называла рекрутчину «живой разлукой» и пела: «Жива эта разлука пуще мёртвой» [7, с. 186]. И плакали по рекруту, как по мёртвому, с соблюдением всех ритуалов похоронных плачей. Но различие было в том, что часть обрядных плачей (по выносу тела, захоронению, воплей у могилы и т. д.) не звучала. В «завоенном» рекрутском плаче обычно использовался образ птицы, сломанного крыла, роняемых пёрышек. Элементы этого обряда мы встречаем в поэме П. Васильева «Песня о гибели казачьего войска». Сравним два народных плача:

*Уж вы большие птички, не маленькие!
Уж вы слетите, серенькие пташечки –
У вас маленькие лёгонькие крылышки, –
Уж на чужую вы красную сторонушку,
Во неверную землюшку,*

На восход красного солнышка!

[8, с. 417]

Как прилетала да птичка-пташечка

Ко косявчету окошечку,

Как будила да птичка-пташечка

Соколочка да мила брателка,

Воспевала да птичка-пташечка

Слезяно да очень жалобно

[8, с. 418]/

И элемент рекрутского плача у П. Васильева:

Как летела вава

Через сини моря,

Уронила вава

С крыла пёрышко.

Мне не жалко крыла.

Жалко пёрышка,

Мне не жалко мать-отца,

Жалко молодца

[3, с. 236].

В дом, который посетило горе, вопленица приходила, как правило, сама. А на радостное событие – свадьбу – старались приглашать специально, выбирая самых голосистых и искусных. Их умением «голосить», «пускать голос», «лелёкать» затем хвалились перед земляками, молва о самой интонационно-выразительной свадьбе сохранялась надолго.

Русский свадебный обряд – наиболее сложная и архаичная конструкция фольклора, объединяющая множество элементов в одно целое, располагающая на своём насыщенном полотне различные поэтические жанры: заговоры, загадки, частушки, причеты, песни, плясовые припевки, приговоры дружек.

В композиции поэмы «Соляной бунт» заложено важнейшее смысло-

вое зерно: П. Васильев талантливо использовал именно такой контраст, на котором всегда базируется народно-песенная основа, разместив в одной поэме и раздольное веселье свадьбы, и щемящие тоскливые напевы похоронной обрядни.

Каждый фрагмент свадьбы в поэме соответствует определённой уставу русской свадьбы. Глава «Свадьба» открывает поэму, она является экспозиционной, являя перед нами традиционный мир казачества, знакомит с его уставом и обрядами. В ней мы видим непосредственно кульминационный пункт свадебного действия, наступающий за благословением, отъездом к венцу и кануном свадьбы – девичником, перед которыми следует важная предсвадебная обрядни: сватовство, рукобитье, заплачка, сговор, посадка, пропой.

Начинается свадьба в поэме с традиционной заповки:

*Лёгкок бубунец,
Мала тягота. –
Любой бубенец –
Божья ягода
[3, с. 253]/*

Слышны ритуальные выкрики, краткие выразительные диалоги:

*– Видно, ждёт...
– Ты бы, Анастасьюшка, песню спела?
– Голос у невестоньки – чистый мёд...
– Ты бы, Анастасьюшка, лучше спела?
– Сколько лет невесте?
– Шашнадицатый год
[3, с. 255].*

В центре свадебного обряда всегда стояла невеста, т. к. весь драматизм свадьбы заключался в том, что только в

жизни невесты происходят перемены, она вызывает жалость и сочувствие своей обречённостью на тяжкую долю. В родной семье девушкам жилось свободно и радостно, а в чужой семье, за свекровью и старшими снохами, молодая жена и света белого не видела. Поэтому важным этапом свадебного ритуала было «проплакивание» невесты:

*Я в чужих людях младёшенька,
От работушки замаюся;
За столбом я потихоньку
От чужих людей наплачуся.
Уж как этим-то чужим людям
Мои слёзы сладким кажутся,
Моё горе им – весельице,
Моя кручинушка – им радости
[7, с. 181].*

Поэтому поэт детально описывает волнение Насти Босой, её страх за своё будущее, горестные предчувствия: «А у невестоньки / Личико бе-е-ло, / Глазыньки тёмные» [3, с. 254]. И автор наглядно показывает нам, что действительно ждёт невесту, используя образ жестокого пса, травящего беззащитную «лисаньку»:

*И ведёт невесту свою
Кружить её – птицу слабую,
Травить её, лисаньку, под улю-лю
И вывести сырой бабою
[3, с. 257].*

Свадьба – самый яркий миг в жизни женщины, и в поэме все величают невесту, восхваляют её красоту – «чистый мёд», «алая», «самая спелая», «охотка», «медовая» [3, с. 255-258]. Показательна система символов, обозначающих невесту, они же встречаются и в народном фольклоре – «смородина», «птица», «лисанька», «голубка» [3, с. 255-258]. Жених, этот покоритель и

разоритель девичьего гнезда, тоже восхваляем: «первый король», у него чуб – «кудерь табашный по самую бровь», сам он могучий, как «дерево», «бровь у него летит к виску» [3, с. 254].

Далее следуют формульные свадебные напевы – девичья плясовая: «Сапоги за юбкою, / Голубь за голубкою, / Зоб раздув, / Голубь за голубкою, / Сапоги за юбкою» [3, с. 255].

Свадебное действо расцвечивается частушками, ими автор ещё раз показывает, что ждёт Настю дальше – «Я ли, алая, тебя бить? / Я ли, любая, не любить?» [3, с. 258]. Но автор не верит свирепому и жестокому Корниле Ильичу, даже сейчас жених-атаман хочет сжать невесту в ладони, как голубя, чтобы «сердце услышать».

Вся свадебная лирика «пронизана символикой, имеющей в каждом из своих эмоциональных подразделов (символика горя и символика счастья) свои традиционные ассоциации» [4, с. 256]. Символика и интонационный настрой главы, с пластом уникальных поэтических форм русского фольклора, определённо готовит читателя к чему-то трагичному, перечёркивающему судьбы героев, здесь происходит завязка драматического действия поэмы. «Свадьба» сразу вводит в действие весь поэтический материал, «работает» на тему, проявляет авторский замысел.

Обращение к песням, ритмам и образам обрядового фольклора помогает поэту усилить поэтическую картину в поэме «Соляной бунт», сгустить атмосферу повествования. Умелое целенаправленное использование народной семейной обрядовой поэзии с наибольшей полнотой отразило умение автора «облекать социальную мысль ярким эмоциональным материалом, исполь-

зовать устную народную поэзию, чётко разграничивая функции каждого отдельного жанра» [5, с. 16]. Вплетая в канву поэмы архаические пласты фольклористики, реконструируя основы духовной культуры народа, П. Васильев, добился естественного соединения социально-документального, бытового и психологического планов поэмы.

ЛИТЕРАТУРА:

1. Азадовский М.К. Крестьянская лирика // Русский фольклор. Крестьянская лирика. Сб. ст. Л.: Сов. пис., 1935. с. 3-25.
2. Альтшуллер М.С. Русские похоронные причитания. Виды, формы, генезис, бытование: автореф. дисс. ... канд. искусствоведения Альтшуллер М.С. 17.00.02, 2007 [Электронный ресурс] // Научная библиотека диссертаций и авторефератов disserCat [сайт] <http://www.dissercat.com/content/russkie-pokhoronnye-prichitaniya-vidy-formy-genezis-bytovanie#ixzz3G6clE9r> (дата обращения 14 октября 2014 г.).
3. Васильев П. Стихотворения и поэмы. Л.: Сов. пис., 1968. 632 с.
4. Колпакова Н.П. Лирика русской свадьбы. Л.: Наука, 1973. 328 с.
5. Мадзигон Т.М. К вопросу об идейно-художественном содержании поэмы П. Васильева «Соляной бунт» // Филологический сборник. Вып. V, А.-А.: Издание Министерства высшего и среднего специального образования Казахской ССР, 1966. С. 3-25.
6. Мельников П.И. (Андрей Печерский). В лесах. Т. 1. М.: Худ. лит., 1956. 616 с.
7. Померанцева Э.В. Семейная обрядовая поэзия // Русское народное поэтическое творчество / Пособие для вузов под ред. П.Г. Богатырёва. М.: Учпедгиз, 1954. С. 171-189.
8. Русская народная поэзия. Обрядовая поэзия / сост. К. Чистова и Б. Чистов. Л.: Худ. лит., 1984. 528 с.

УДК 821.161.1.09

Самофалова Е.А.*Курский государственный университет***САМОРЕПРЕЗЕНТАЦИЯ АВТОРА
В ЖЕНСКИХ МЕМУАРНЫХ ТЕКСТАХ XIX ВЕКА**

Аннотация. Семейная хроника в XIX веке явилась той жанровой формой, которая позволила писателям-женщинам раскрыть основные параметры внутреннего мира автогероини как особого культурно-исторического типа личности, с определённым характером мировосприятия, системой ценностей и моделью поведения. В статье на основе анализа ряда репрезентативных для литературного процесса XIX в. женских мемуаров рассматривается специфика создания авторского «я» в женской мемуарной прозе. Анализируются стратегии самоописания, модели опосредованной самоинтерпретации в женской мемуарно-автобиографической литературе второй половины XIX в.

Ключевые слова: автор, саморепрезентация, женские мемуары, опосредованная самоинтерпретация.

E. Samofalova*Kursk State University***AUTHOR'S SELF-REPRESENTATION IN WOMEN'S MEMOIRS TEXTS
OF 19TH CENTURY**

Abstract. Family Chronicle in the 19th century was one of the genre form that allowed women writers to reveal the basic parameters of the inner world of auto-protagonist as a special cultural and historical personality type, with a certain character of world-perception, values and behaviors. On the basis of analysis of a number of representative for literary process of the 19th century women's memoirs, the article studies the specificity of creating author's «self» in the women's prose memoir. Several models of self-description are traced in women's memoirs and autobiographical literature of the second half of 19th century.

Keywords: author, self-representation, women's memoirs, models of self-description.

В современных литературоведческих исследованиях женские мемуары всё чаще воспринимаются как способ познания себя и мира, отражение личностного эмоционального опыта автора. Они позволяют судить о представлениях и ценностях, психологии и мироощущении, поведении и образе жизни, круге общения и интересах женщины, реконструировать основные этапы её жизненного пути, выявить гендерные особенности её менталитета.

В XIX веке семейная хроника явилась той жанровой формой, которая позволила писателям-женщинам раскрыть основные параметры внутреннего мира автогероини как особого культурно-исторического типа личности, с определённым характером мировосприятия, системой ценностей и моделью поведения, хотя в

семейной хронике личность мемуариста осмысливается не в узко-биографическом времени жизни, а в более широком временном контексте жизни семьи, частью которой он себя ощущает.

Структура повествования в семейных записках отражает действие двух начал: родового и индивидуально-личностного. Первое проявляется на уровне «матрицы», положенной в основу построения рассказа. Это обусловлено тем, что жанр семейных записок в принципе опирается на структуру родословной, представляя собой её своеобразное развертывание.

На первый взгляд, традиция, вписывая поведение человека в устоявшуюся систему ценностей, регламентируя его жизнь, размывает личностное начало, происходит некоторая деперсонализация человека. Все устойчивые объективные качества героя, его социальное положение, душевный облик и даже наружность обусловлены уровнем его связей с патриархальным миром. В то же время в автобиографической прозе XIX века «я» повествователя в его прошлом начинает последовательно интерпретироваться как объект авторского внутреннего зрения, что свидетельствует о последовательной самообъективации.

В большинстве женских автобиографий XIX в. внимание обращено не только на внешние события в жизни, но и на внутреннюю жизнь автогероини: переживания по поводу различных событий в жизни семьи, отношений с мужем, родными, знакомыми, размышления о прочитанном и т. д.

Объясняя причины обращения к воспоминаниям, писательницы в том числе акцентируют и желание раскрыть свой внутренний мир, истоки

нравственного самосознания. Так, Е.А. Сабанеева последовательно восстанавливает, как «сложился весь строй и порядок моего нравственного бытия»: «теперь, когда я вспоминаю для своих записок воспоминания детства, то слежу шаг за шагом за развитием моих чувств, мыслей, симпатий и антипатий, сложившихся у меня под влиянием этих впечатлений моего детства» [7, с. 9].

Строя воспоминания как собственное последовательное жизнеописание, Т.П. Пассек также создаёт образ автобиографической героини как формирующегося женского «я». Такую сосредоточенность мемуаристки на изображении процесса собственного духовного развития отмечает Г.Е. Благосветлов, анализируя её воспоминания: «Во всей этой семейной хронике в самом светлом и симпатичном виде выступает сама авторесса», которая «сохранила так много хорошего, такую нежность чувств и благородство характера», «возвышенные черты» [1, с. 38]. Первый издатель текста А.Е. Лабзиной тоже отмечает, что мемуаристка, «по-видимому, думала только о том, чтобы возможно полнее обрисовать свою внутреннюю жизнь» [4, с. XXIII].

Способами самораскрытия образа автобиографического героя являются автохарактеристика, оценка окружающего мира и социально-культурных феноменов. Личностно значимые образы (топосы дома, усадьбы, природного мира, образы родителей, дворовых людей) способствуют раскрытию образа «я», выявлению психологических процессов, которые сыграли значимую роль в формировании личности самого автора.

В текстах воспоминаний не так много случаев прямой саморепрезентации. Те немногочисленные эпизоды, где повествовательница комментирует и описывает собственные эмоции, связаны с воспоминаниями об испытанных ею в детстве и юности чувствах страха, горя, скуки одиночества, то есть с такими детскими эмоциональными травмами и стрессами, о которых автор, вероятно, не может не упомянуть, но которые не стремятся комментировать. Особые эмоции (волнения, страха, наслаждения) вызывают воспоминания о первом бале: «Я истинно в эту минуту чувствовала себя на седьмом небе... От грома музыки, от блеска освещения у меня кружилась голова. <...> Словом, я была в совершенном восторге, и приятные впечатления этого чудного бала долго сохранялись в памяти моей» [2, с. 336]; «Я замирала от волнения до того, что, войдя в залу, ничего не могла отличить ясно <...> Я была в упоенье, я была счастлива» [6, т. 1, с. 211].

В главах воспоминаний о детстве и юности обычно довольно много описаний природы, эти воспоминания красочны и ассоциативны, через них мемуаристки изображают собственный эмоциональный мир. Так, в воспоминаниях С.В. Капнист-Скалон память сохранила прогулки с няней, запах смородинового чая, детские проказы и обиды. Живые картины первых ощущений от соприкосновения с природой переданы красочно и эмоционально: «О! Какая радость это было для нас, с каким восторгом мы шуршали листьями под ногами нашими и летали между лесом и кустарниками!» [2, с. 283]

В описании окрестностей Обуховки украинский провинциальный деревен-

ский пейзаж изображается как своё, свободное, приватное пространство. Самоотождествление героини с тёплым, гармоничным, соприродным началом характерно и для детских впечатлений Пассек: «Я любила слушать, <...> как птички поют. Как роща шумит, сосна скрипит под ветром, дятел долбит дерево; засматривалась, как солнце кроется за речку, как заря румянит небо <...> Величественные картины божьего мира и простота окружившей меня жизни отпечатлевались в детской душе моей, я не сознавала их, но уже чувствовала и любила» [6, т. 1, с. 98-99]. И позже душевные движения, ощущение жизни проецируется на природный мир, подпитывается состоянием природы: «Перед окном находился цветник, а за ним виднелись пустынные поля, – тоскливее этого вида и этого цветника трудно что-нибудь себе представить <...> Такая же безотрадная жизнь, как цветник и окружавшая меня природа, потекла для меня в Наквасине» [6, т. 2, с. 206]. И совсем другое настроение в Васильевском, с которым героиню связывают воспоминания детства: «Жизнь ранних лет обступала меня. Я смотрела на все с тем чувством нежности и умиления, с которым смотрим на портрет милого нам младенца <...> Мы прожили в Васильевском до августа, не замечая жизни, мы жили – и только. Природа, прошедшее, настоящее – всё как бы сосредоточилось в одной точке и билось одним пульсом жизни с нами». «Прелесть места, глубокая тишина, воздух полей возбуждали в нас чувство безотчётного счастья» [6, т. 2, с. 10-11].

О формирующем начале природного бытия пишет Е.А. Сабанеева: «Чем скупее природа на свои красоты, тем глубже впечатление, которое они оставляют. <...> Эти реки, эти рощи,

эти просёлочные пути, по которым мы езжали тогда с родителями, оставили во мне столь глубокие впечатления, что из них, как из нитей, соткалось плотно всей моей нравственной природы. Для меня ясно, что на этой почве родились и выросли в душе моей привязанность к родине, к народу, к церкви; эти нити и впечатления детства дали направление всему содержанию моей жизни» [7, с. 9].

Бескрайнее пространство степи, поля ассоциируется для многих авторов воспоминаний со свободой, естественностью самовыражения, индивидуальностью поведения. Противопоставление светского и индивидуального, естественного метафорически выражено через природные образы, например, в «Воспоминаниях» А.О. Смирновой-Россет. «Я никогда не любила сад, – признаётся она, – а любила поле; не любила салон, а любила уютную комнатку, где незатейливо говорят, что думают <...> Дитя любит более всего свободу: ему не нравится условное; как бы ни был красив, хорошо устроен и украшен сад, ребёнка тянет за решётку, в поле, на простор, где природа сама убирает поле в незатейливый, но вечно разнообразный наряд» [8, с. 544].

Н.С. Соханская, заявлявшая: «я люблю природу, как праотцы наши любили пить мёд. Люблю зиму, как Русская; люблю весну и лето, как праздник и роскошь любимой природы, и я люблю, люблю, когда идёт пожелтелая осень» [9, с. 190-191], также позиционирует себя через степное открытое, свободное, своё пространство.

Описание внешности автогероини в мемуарах появляется редко и как бы случайно, как, например, у Пассек: «...бесцельно бродила по комнатам,

останавливалась перед зеркалами, любовалась своим свежим румянцем, карими глазами, тоненькой талией, сама себе улыбалась» [6, т. 2, с. 206]. Гораздо чаще в мемуарных текстах женщины говорят о себе не прямо, а косвенно, характеризуя себя через других действующих лиц.

В большинстве женских текстов собственная жизнь героини рассказана как часть истории семьи, где преемственность семейных традиций определяла модель поведения человека. Поэтому такие оценки портретируемых, как «заботливая мать», «верная жена», «хорошая хозяйка», представляют важные для женщины роли. Так, Елене Ивановне Капнист, урожденной Муравьевой-Апостол, Скалон даёт безупречную с точки зрения патриархальной традиции характеристику: она «была отличной матерью, доброй женой и истинно добродетельной женщиной» [4, с. 347]. Подобного рода формулы то и дело встречаются в описании ближайших родственниц – бабушки, матери, няни.

Каждой из мемуаристок свойственно пристрастное восприятие личности портретируемых современников, которое обуславливает не только внутренний пафос воспоминаний, но и угол освещения изображаемых лиц, выбор нужной интонации. «Во всей его фигуре было что-то дерзкое, вызывающее; лицо матовой белизны особенно неприятно поражало при коротких, курчавых, чёрных волосах. Мне он был антипатичен», – пишет Пассек о М.А. Бакунине [6, т. 2, с. 98], и совсем иная интонация в характеристике их с Сашей учителя: «Маршал принадлежал к числу людей с характером ровным, светлым, любовь которых не

сжигает, а греет. Кроткий, тихий, он был до того нравственен, что краснел в пятьдесят лет и напоминал собою ясный летний вечер» [6, т. 1, с. 241].

Портретная характеристика создаёт подчас отчётливое представление о личности автора воспоминаний, его взглядах, симпатиях, антипатиях, заставляет видеть в мемуарах отражение собственной жизненной позиции. Н.И. Мердер, характеризуя их общую со Скалон родственницу Веру Николаевну Воейкову, выделяет прежде всего черты её духовного облика: «Такой сердечной доброты, заботливости, ласкового внимания и простоты, при блестящем образовании, широком уме и благородстве чувств и мыслей, я даже и представить себе не могла. Не только аристократического чванства, но и сознания своего превосходства над окружающим её людом не было в ней ни единой капли». Но это описание позволяет говорить и об автохарактеристике мемуаристки: «ей я обязана русскими духовными началами, которые с летами не только не рассеивались, но всё крепче и сознательнее развивались в моей душе» [3, с. 402, 405].

В семейной хронике часто эпически развёрнутое описание заменяется фрагментарным, многократно «рассыпанным» в тексте, но и по фрагменту сохраняющим целостность портретного изображения. Порой для воссоздания образа героя достаточно наметить его место в потоке семейной жизни. Если в начале знакомства С.В. Энгельгардт пишет о Щербине: «трудно было даже определить с первого взгляда: умен ли он на самом деле, корчит ли шута или смеётся болезненным смехом над собой или другими», то далее читаем: «Я вскоре могла определить его личность,

да это было и не трудно при сближении с ним. До крайности раздражённый, нервный до болезненности, Щербина не умел ни лицемерить, ни скрываться с друзьями. За его колким злым остроумием, за жёлчными шутовскими выходками скрывалось мягкое и горячее сердце, которое напрашивалось на сочувствие» [5, с. 85-86].

Как видим, изображение других лиц, с их оценочными характеристиками, включающими обозначения нравственных качеств человека, эмоциональные состояния, являются значимыми признаками и самообъективации автобиографического героя, приёмом психологического самоанализа. В том, какие черты своего героя стремится раскрыть писатель, в том, что является для него приоритетным в создаваемом образе, ярко проявляется его собственная личность.

ЛИТЕРАТУРА:

1. Г.В. [Г.Е. Благовосветлов] Есть ли о чём вспоминать нам? («Из дальних лет воспоминания» Т.П. Пасек. Т. II. Спб., 1879) // Дело. 1880. № 2. С. 38-49.
2. Капнист-Скалон С.В. Воспоминания // Записки и воспоминания русских женщин XVIII — первой половины XIX века / сост. Г.Н. Моисеева М.: Современник, 1990. С. 282-388.
3. Мердер Н.И. Из далёкого прошлого (Тетушка Вера Николаевна Воейкова) // Исторический вестник. 1909. Т. СХVНІ (11). С. 400-420.
4. Модзалевский Б.Л. Предисловие // Воспоминания Анны Евдокимовны Лабзиной (1758-1828) / предисл. и примеч. Б.Л. Модзалевского. СПб.: Книгоиздательство «Огни», тип. Б.М. Вольфа. 1914. С. I-XXIV.
5. Ольга Н. [С.В. Энгельгардт]. Из воспоминаний // Русское обозрение. 1890. Т. 6. № 11. С. 85-86.

6. Пассек Т.П. Из дальних лет. Воспоминания: В 2 т. Серия литературных мемуаров М.: Художественная литература 1963. 520с+792с.
7. Сабанеева Е.А. Воспоминания о былом. Из семейной хроники. 1770–1838.М.: ГПИБ, 2011. 150 с.
8. Смирнова-Россет А.О. Воспоминания. Письма / сост., вст. ст. и прим. Ю.Н. Лубченкова. М.: Изд-во Правда, 1990. 544 с.
9. Соханская Н.С. [Кохановская Н.С.] Автобиография. Со вступительной статьёй и под редакцией С.И. Пономарёва. М.: Университетская типография, 1896. 193 с.

НАУЧНАЯ ЖИЗНЬ

«ЛИТЕРАТУРА В ШКОЛЕ»: 100 ЛЕТ НА СЛУЖБЕ ФИЛОЛОГИЧЕСКОГО ОБРАЗОВАНИЯ И НАУКИ

Одной из ярких вех в нашей отечественной культуре, науке и образовании стал столетний юбилей журнала «Литература в школе». Журнал имеет славную историю и традиции, которым он остаётся верен вот уже целый век. Основанный в 1914 году в качестве первого помощника для учителей литературы, журнал продолжает издаваться ежемесячно. С первых номеров журнал «Литература в школе» стал востребован в педагогической практике учителей русского языка и литературы. Журнал и сегодня, консолидируя педагогическую общественность и научные сообщества литературоведов, является широкой площадкой для диалога, обсуждения и научно-методических находок.

Педагогическое искусство в России оттачивалось в тесной связи с внутренними условиями развития государства. Реформы, проводимые в 1860-х годах, затронули и образование. Во второй половине XIX века создаётся новое нормативно-правовое поле в области образования и, в частности, филологического образования. К.Д. Ушинский, П.Ф. Каптерев, А.Н. Острогорский, А.С. Макаренко и др. определяют вектор педагогического пути. Постепенно наращивают свой потенциал и педагогические журналы той поры, иницируемые, как правило, Министерством народного просвещения (но издателями были не только Министерство просвещения, а также церковное ведомство, городские думы и земства, учебные заведения и различные педагогические общества): «Русский педагогический вестник», «Журнал для воспитания», «Учитель», «Журнал Министерства народного просвещения», «Народная школа», «Воспитание», «Семья и школа», «Русская школа», «Вестник воспитания», «Педагогический листок», «Детское чтение», «Мир Божий», «Воспитание и обучение», «Русский народный учитель» и др. При государственной поддержке в течение 1834-1917 годов издаётся «Журнал Министерства народного просвещения», в котором публикуются правительственные документы и официальная хроника, научно-исследовательские изыскания, литературная и иная критика, библиография. Данные издания, несмотря на порой полярные общественно-политические взгляды, содействовали развитию научно-педагогических идей, стимулировали творческую активность учителей-словесников и способствовали консолидации педагогических кадров посредством самообразования и повышения квалификации. К 1916 году в России существовало более 300 журналов научно-педагогической и воспитательно-общественной направленности.

Журнал «Литература в школе» оставался верен своим традициями на протяжении столетия: он имеет свою целевую аудиторию. Всегда яркий, злобо-

дневный, журнал и сегодня вызывает неподдельный интерес не только специалистов-филологов, но и всей педагогической общественности. И в этом огромная заслуга в сохранении журнала на протяжении последних десятилетий главного редактора журнала «Литература в школе» Надежды Леонидовны Крупиной, кандидата педагогических наук, заслуженного учителя России.

Достоин внимания тот факт, что Надежда Леонидовна – выпускница МОПИ им. Н.К. Крупской, она автор книги «Сопричастность времени: Современная литература в старших классах средней школы: Книга для учителя» / Н.Л. Крупина, Н.А. Соснина (М.: Просвещение, 1992. 192 с.). Видение в литературе мощного духовного потенциала всей российской культуры у Н.Л. Крупиной, судя по всему, сложилось очень рано, в вузе же оно приобрело мотивацию на активную профессиональную деятельность. Как-то на своей очередной творческой встрече в Пансионе воспитанниц Министерства обороны РФ, которая состоялась 30 января 2014 года, Надежда Леонидовна заметила, что «семья очень много значит в формировании человека, и каждый из нас несёт в себе частицу того, что получил в семье» и что «литература – это мост, который связывает растущего человека с духовностью». И в этой связи уместно вспомнить высказывание писателя Владимира Николаевича Крупина, супруга Надежды Леонидовны, с которым её соединил наш вуз. Выступая в 2007 году в Калуге на Оптинском Форуме «Наследие России и духовный выбор российской интеллигенции», В.Н. Крупин отметил мировое значение русской классики:

«Величие России в области мировой культуры бесспорно. Уберите из мира русскую музыку – мир оглохнет, уберите русскую живопись – мир потускнеет, уберите русскую литературу – мир онемееет. А откуда и музыка, и живопись, и слово? От Церкви и из Церкви. Вот кому обязана Россия своим высоким нравственным сводом, своим могуществом, своим первенством в мировой культуре» [Крупин В.Н. Русская классика и народная мудрость – хранители нравственности // II Оптинский форум: Наследие России и духовный выбор российской интеллигенции. Тема: «Благоустройство жизни в России». – Москва-Калуга-Оптина пустынь, 18-21 мая 2007 г.: Сб. материалов: В 3 т. – М.; Калуга, 2007. Т. 1. С. 331].

Верность Надежды Леонидовны лучшим традициям филологической научной школы и образования реализовалась в практике организации журнала «Литература в школе». На посту главного редактора она смогла преумножить славу одного из старейших российских журналов. Десятилетиями накопленное богатство журнала не было растрчено в переходные годы истории XX века, но, напротив, стало нашим национальным достоянием. В журнале появились рубрики: «Наши духовные ценности», «Готовясь к уроку», «Опыт. Поиск. Мастерство», «Уча учусь» с готовыми планами уроков, сценариями, литературными композициями, материалами по теории и истории литературы, методическими разработками и советами, опытом и инновациями в системе образования, современным прочтением текстов художественной отечественной и зарубежной классики, входящей в учебные

программы школ, обсуждение самих программ и стандартов, сообщения о Всероссийских научно-практических и книжных выставках и мн. др. Журнал удобен в пользовании, в каждом номере помещён алфавитный указатель статей за год. У журнала есть приложение: «Уроки литературы», расширяющее основную стратегию «Литературы в школе».

Журнал «Литература в школе» значителен своей ориентацией на русскую и в целом мировую литературную классику. Искусство художественного Слова, по своей природе восходящее к первоисточнику человеческого бытия, призвано спасти род человеческий от самоистребления, от войн, ненависти, вражды во имя мира, согласия, дружбы народов, государств, дружбы человека с человеком. Журнал в полной мере всегда осознавал свою гуманную миссию. На его страницах постоянно появлялись наши великие классики: Пушкин и Лермонтов, Тургенев и Островский, Достоевский, Л. Толстой, Чехов. Мы, современники уже XXI-го века, вправе говорить и о классиках века предшествовавшего: Шолохове с его несравненной, глубоко народной эпопеей, об А. Толстом, запечатлевшем «Хождение по мукам» века XX-го, лиричном Есенине, влюблённом в Россию, Маяковском, говорящем голосами революции, Распутине и Астафьеве, которые стремятся осознать природно-социальные коллизии конца второго тысячелетия. Журнал бережёт их незабвенность и учит школу, как вводить наследие писателей только что минувшего века в ум и сердца современной молодёжи. Журнал продолжает свою благородную деятельность, опираясь и на собственный опыт на

нине просвещения и чувству надёжную базу в трудах своих знаменитых предшественников XIX–XX веков.

Редакция журнала привлекает к сотрудничеству крупных учёных, среди авторов – известные литературоведы, критики, писатели. И, разумеется, учителя, которые и делятся на страницах журнала своим бесценным опытом и педагогическим мастерством. Журнал прекрасно иллюстрирован, но публикации В.Н. Аношкиной-Касаткиной, Н.Н. Скатова, Ю.В. Лебедева, В.М. Гуминского, Ю.М. Полякова, В.А. Недзвецкого, И.П. Золотусского, О.Г. Егорова, А.Н. Ужанкова, Т.В. Зуевой, А.Л. Фокеева, А.В. Науменко-Порохиной, М.С. Гладилина, А.В. Фёдорова и мн. др. всякий раз служат украшением журнала. Связь журнала с наукой, преподавания литературы в школе и в вузе во многом осуществляется стараниями преподавателей факультета русской филологии Историко-филологического института МГОУ Т.А. Алпатовой, А.А. Кунарёвым, В.Н. Климчуковой и др.

Современный высокий статус журнала подтверждает и тот факт, что журнал «Литература в школе» входит в реестр ВАК Министерства образования и науки РФ.

Остаётся нас всех поздравить с этой датой, пожелать главному редактору – Надежде Леонидовне – ещё много лет держать штурвал нашего научно-методического корабля, каким, по праву, можно считать журнал «Литература в школе» и оставаться верным исторически выбранному курсу.

**В.Н. Аношкина,
А.В. Шмелёва**

РЕЦЕНЗИИ

**РЕЦЕНЗИЯ НА МОНОГРАФИЮ:
SIMONA KORYČANKOVÁ (СИМОНА КОРЫЧАНКОВА).
ЛЕКСИКО-СЕМАНТИЧЕСКОЕ ОФОРМЛЕНИЕ ФИЛОСОФСКИ ЗНАЧИМЫХ
ОБРАЗОВ В ПОЭЗИИ В.С. СОЛОВЬЕВА. BRNO:
MASARIKOVA UNIVERZITA, PEDAGOGICKA FAKULTA, 2013. 202 S.**

Деятельность Владимира Сергеевича Соловьёва (1853–1900), философа, литературного критика, публициста, поэта, его эсхатологическое мироощущение, центральные и периферические звенья его философии оказались в центре внимания религиозно-философской мысли России и других стран, нашли отклик в лирике поэтов, публицистике, литературной критике, литературоведении и лингвистике. До сих пор наследие мыслителя привлекает гуманитариев своей загадочной глубиной, неповторимой оригинальностью, искренним азартом постижения духовного смысла явлений и событий. Об этом свидетельствует и рецензируемая монография.

Изданная в чешском городе Брно, в университете им. Т. Масарика, монография Симоны Корычанковой посвящена языковедческой проблеме лексико-семантического воплощения философских и религиозно-мистических идей в стихотворных произведениях русского мыслителя.

В монографии последовательно соединяются различные грани таланта В.С. Соловьёва, философская и эстетическая составляющие его наследия. Для интерпретации поэтического мира и его сложных внутренних соотношений требуется и от исследователя особая духовная чуткость, «языковое чутьё», филологическая тонкость, нравственная осторожность, психологический такт (даже если доминирует собственно лингвистический подход). Эти профессиональные и личностные качества, безусловно, проявляются у автора рецензируемой книги.

Работу чешской исследовательницы отличает тщательный анализ предшествующих научных работ по теме и теоретических трудов, посвящённых общим проблемам лингвистического анализа. Эрудиция автора подтверждается также библиографическим списком литературы (с. 130–144), именованным и предметным указателем (с. 145–147).

Собственная научная концепция Симоны Корычанковой базируется на сопоставлении, с одной стороны, мировоззренчески значимых положений, заявленных в философских сочинениях мыслителя, и – с другой – лексических обозначений центральных образов художественного мира поэта, трансформации Соловьёвым в поэзии своих и чужих идей. При этом последовательно актуализируется собственно лингвистический момент – в центр поставлен «анализ вербальных средств, семантика которых связана с мистико-философскими представлениями В. Соловьёва» (с. 8).

Основному тексту исследования предшествует эпиграф – иронико-сатирическая автоэпитафия поэта: «Владимир Соловьёв / Лежит на месте этом. / Сперва был философ, / А нынче стал скелетом»... (с. 5). Основные параметры антиномического противостояния Горнего и Дольнего заявлены этим горько-ироническим, на первый взгляд всего лишь игровым, шуточным, однако весьма глубоким и горестным, пессимистическим текстом.

Изучение лексики поэтических произведений ориентировано на пограничные области научного гуманитарного знания: «Системный анализ текста, определение его иерархической структуры на материале художественных произведений соответствует разрабатываемым в современном языкознании подходам к личности писателя и его языковой картине мира» (с. 6). Связь словаря с личностью автора – предмет, требующий подготовки не только языковедческой, но и литературоведческой, а поскольку деятельность Соловьёва как поэта сочеталась с его религиозно-философским творчеством, то для её постижения необходимы и знания в области философии и религиоведения. Подобного рода осведомлённость в различных отраслях науки проявлена во всех главах и параграфах монографии.

Выдвинутый исследователем методологический принцип сформулирован следующим образом: «изучение поэтического дискурса в новом – коммуникативно-когнитивном – аспекте». На первый план выдвинута «система номинантов, которые являются базовыми для раскрытия глубинной структуры художественного образа» (с. 6). Для нашей современности избранный

подход уже несколько утратил обаяние новизны, однако в этой книге не сводится к нескольким упрощённым моделям.

Монография состоит из шести глав. Большинство из них делится на параграфы. Значительна и вполне необходима, несмотря на конспективную беглость изложения, первая глава «Жизнь В. Соловьёва», включающая один параграф (что структурно выглядит несколько неловким) – «Формирование личности В. Соловьёва». Исследование «языковой картины мира» поэта-философа предваряется его личностным портретом, который составляют сведения из разных источников о его наследственности, психофизиологических особенностях, темпераменте, социальных, философских и религиозных убеждениях и переживаниях, научных интересах, семейном и общественном окружении, экономических и нравственно-этических условиях жизни.

Номинанты, или ключевые слова, выделенные как актуальные для поэтической системы Соловьёва, регламентируют структуру научной монографии, определяют логику исследовательской мысли, конкретные толкования слов и образов в определённом контексте, который конкретизируется привлечением переписки, мемуарных сочинений, стихов и извлечений из философских трудов предшественников и современников Вл. Соловьёва, российских и западноевропейских.

Намеченная и обоснованная во второй главе схема реализуется в последующих главах (3–6): через них последовательно проходит осевая парадигма, вокруг которой словарь Вл. Соловьёва

разделяется на два лексико-семантических пласта, противопоставленных друг другу, – обозначающих пространства Горнего и Дольнего бытия. Глава 3-я ставит в центр толкование лексемы *свет* и других лексических единиц со световыми значениями, их «семантической реализации» внутри системы поэтических образов (с. 38–67). 4-ая глава «Лексико-семантическое оформление образов с признаками цвета» посвящена разбору индивидуального словоупотребления цветowych обозначений и традиционных цветowych символов в произведениях Вл. Соловьёва. Глава 5-ая содержит экскурсы в психологию, анализирует «вербализацию эмоциональных образов» в нескольких аспектах. В 6-й главе речь идёт о вариантах звукообразов, их роли в создании «целостного звукового пространства» (с. 117) в поэзии философа. Аналитическое повествование о лексико-семантической вариативности сопровождается 18-ю схемами, выпукло представляющими типологические ряды лексики, выражающей философские взгляды и состояния неординарной личности художника слова.

Как и полагается творческой работе, она приглашает к полемике, живому диалогу. Вызывают возражение отдельные неточности, свидетельствующие о понимании православия как веры, чуждой любви. О бабушке философа-поэта Екатерине Фёдоровне читаем: «В её семье царила набожная православная атмосфера, но она была очень любящей бабушкой» (с.18). Противительный союз в данном случае едва ли уместен.

В связи с духовными приоритетами Вл. Соловьёва очевидно противоречие, которым традиционно отмечены

многие языковедческие и литературоведческие работы: произведения искусства слова толкуются в них как «материал». Здесь можно заметить «родовые пятна» позитивистского отношения к тому, что по своей духовной природе не может быть истолковано как *материал*. Разведение «содержательного плана» и его выраженности встречает сопротивление у адептов «органической поэтики», обнажающих «мерцающие смыслы»¹. Однако исследование *словарного запаса* поэта допускает квалификацию его как языкового *материала*: перед нами *предмет* традиционного лингвистического изучения мышления и речевой деятельности писателя в определённую историческую пору.

Монография написана на оригинальном русском языке – это не перевод. Текст свидетельствует о свободном, совершенном владении иностранным (для чешского учёного) языком, хотя при этом редакторская сторона издания, корректура текста не всегда безупречны. Встречаются иногда неловкие фразы, вроде: «О глубине духовных поисков гностической литературы свидетельствует и одно из писем...» (с. 25); «...признак расцветания переносится на сердце олицетворенных колокольчиков» (с. 73). Некоторые термины затруднительно расшифровать. Приведё следующий пассаж: «На основе распознавания описанной эмоции можно определить уровень наполненности духовной субстанцией, которая соответствует определённой духовной мерности» (с. 94). Что такое «духовная мерность»?

Монография изящно оформлена

¹ Например: *Вайман С.Т. Неевклидова поэтика. Работы разных лет. М., 2001.*

На обложке помещён чёрно-белый снимок портрета Вл. Соловьёва, написанного И.Н. Крамским. Самостоятельную (отчасти иллюстративную и учебно-методическую) ценность имеет включённое в книгу приложение – в виде хрестоматии стихотворений В.С. Соловьёва (с.148–201). Тем более что многие из них являются предметом анализа в монографии. Это облегчает чтение книги читателям, у которых затруднён доступ к поэтическим

сочинениям русского философа.

Симона Коришанкова представила вниманию коллег и широкой читательской аудитории книгу яркую, увлекающую тонким пониманием идей и образов поэзии Вл. Соловьёва, строгостью и чёткостью лингвистических наблюдений и классификаций. Стоит пожалеть, что её тираж – всего 200 экз.

Л.Ф. Алексеева

**ЛИТЕРАТУРА РУССКОГО ПРЕДРОМАНТИЗМА: МИРОВОЗЗРЕНИЕ,
ЭСТЕТИКА, ПОЭТИКА: МОНОГРАФИЯ / Т.В. ФЕДОСЕЕВА,
А.В. МОТОРИН, А.И. РАЗЖИВИН, А.Н. ПАШКУРОВ, А.В. ПЕТРОВ,
В.В. БИТКИНОВА, Н.И. НЕДАШКОВСКАЯ, Ю.Г. ДОРОФЕЕВА; ПОД РЕД.
Т.В. ФЕДОСЕЕВОЙ. РЯЗАНЬ: РЯЗАНСКИЙ ГОС. УНИВЕРСИТЕТ
ИМ. С.А. ЕСЕНИНА, 2012. 492 С.**

Русский предромантизм как историко-литературный феномен был и остаётся предметом напряжённых и продуктивных научных дискуссий, своеобразным промежуточным итогом которых можно считать рецензируемую коллективную монографию. Несмотря на широкий круг авторов и не менее широкий охват литературных явлений конца XVIII – начала XIX в., книга представляется цельной – как по исходным посылкам и общей концепции исследования, так и по принятым методологическим подходам. И сколь бы ни казалась спорной необходимость строгой дифференциации таких действительно подвижных и внутренне неоднородных литературных явлений, как «предромантизм», «сентиментализм», «рококо», «неоклассицизм» и т. п., рецензируемое исследование – теоретически обоснованный научный труд, выстроенный на широком репрезентативном круге литературных явлений, динамичная и неоднозначная природа которых такова, что никогда не может быть описана и интерпретирована «до основания», всегда оставляя поле для дальнейшего поиска, дискуссий и творческого развития идей.

Исходным импульсом научного поиска авторов монографии стала мысль об особом типе отношения к миру, характерном для русского предромантизма, в основе которого – идея национальной самобытности и поиска новых источников творческого вдохновения в национальной истории, мифологии, фольклоре, памятниках древнерусской письменности, новое отношение к категории Гения и трансформация сложившихся жанровых форм (философской оды, элегии, поэмы, трагедии, комедии, повести и др.). Характерная для предромантического мироощущения (в сравнении с романтическим) «цельность» рассматривается при этом как чувство неразрывности исторических, народнопоэтических и религиозных представлений – что, в конечном итоге, давало возможность «предромантическому человеку» сохранять внутреннее равновесие, несмотря на растущий кризис рационалистического мирозерцания.

Представляется интересным и продуктивным принятый в книге взгляд на эстетику и поэтику предромантизма как очень подвижные, незастывшие, развивающиеся явления. Не случайно, говоря о методологических основаниях предромантической поэтики авторы находят «синкретичный» термин «принцип-процесс». Поэтика таких авторов переходной эпохи, как А.Х. Востоков, М.Н. Муравьёв, Н.М. Карамзин, Е.И. Костров, Н.А. Львов, В.А. Озеров и др. – это действительно не только некое сложившееся представление («принцип»), но в первую очередь «процесс» – роста, развития, неустанного поиска. Интересной представляется идея авторов о значении игрового и пародийного начала в по-

этике русского предромантизма, о значении общей тенденции к «варьированию» жанров, которая проявилась во всех поэтических родах.

В монографии уточняется и конкретизируется представление современной литературой науки о процессах интенсивного обновления эстетики и поэтики в русской литературе конца XVIII–первых десятилетий XIX века. Исследуются явления, свидетельствующие о смене типа художественного сознания в обстановке непрекращавшихся споров и дискуссий, когда развивалось представление о «внутреннем человеке» и его отношении к внешнему миру, активно преобразовывались традиционные и складывались новые жанровые формы, складывалось многообразие выразительно-изобразительных стилей.

Вопросу о становлении нового типа художественного сознания посвящён первый раздел монографии. В нём прослеживается, как в сознание поэтов и писателей, сформировавшееся на рационалистической философско-идеологической основе Просвещения, входили понятия «оригинальности», «национального своеобразия», «истории». В последующих трёх разделах раскрывается художественная специфика и типология стихотворных лирических и лиро-эпических жанров, форм драматургии и повествовательной прозы.

В монографию вошли исследования по литературе русского предромантизма, проведённые учёными разных вузов страны: Рязанского государственного университета имени С.А. Есенина (профессор Т.В. Федо-

сеева, составитель и ответственный редактор издания), Казанского (Приволжского) федерального университета (профессор А.И. Разживин, доцент А.Н. Пашкуров), Магнитогорского государственного университета (профессор А.В. Петров), Новгородского государственного университета имени Ярослава Мудрого (профессор А.В. Моторин), Российского государственного гуманитарного университета (Н.И. Недашковская), Саратовского государственного университета имени Н.Г. Чернышевского (доцент В.В. Биткинова, старший преподаватель Ю.Г. Дорофеева).

Значительно расширив круг изучаемых литературных явлений, авторы монографии приходят к выводу о том, что инолитературные влияния на русскую литературу конца XVIII–первых десятилетий XIX века носили преимущественно формальный характер и потому не были исключительной основой для тех новаторских поисков, которые велись писателями рубежа веков. Русский предромантизм они рассматривают как яркое литературное движение, укоренённое в глубинах национального сознания и обусловленное объективными предпосылками национальной жизни.

В целом книга представляется интересным и полезным пособием для всех изучающих русскую литературу XVIII – начала XIX в., она позволяет по-новому взглянуть на многие известные литературные явления и открывает целый ряд новых страниц литературной истории.

Т.А. Алтатова

НАШИ АВТОРЫ

Алексеева Любовь Фёдоровна – доктор филологических наук, профессор кафедры русской литературы XX века Московского государственного областного университета; e-mail: modernen@mail.ru

Алпатова Татьяна Александровна – кандидат филологических наук, доцент кафедры русской классической литературы Московского государственного областного университета; e-mail: Alpatova2005@rambler.ru

Аношкина Вера Николаевна – доктор филологических наук, академик МАНПО, почетный профессор кафедры русской классической литературы Московского государственного областного университета; e-mail: kaf-ruskdvv@mgou.ru

Ахриева Любовь Муссаевна – соискатель учёной степени кандидата филологических наук кафедры русской литературы XX века Московского государственного областного университета; e-mail: l_ahrieva@mail.ru

Боруева Наталья Валерьевна – аспирант кафедры истории зарубежной литературы филологического факультета Московского государственного университета им. Ломоносова, магистрант Университета Сорбонна-Париж IV; e-mail: borurueva_nata@mail.ru

Герасименко Наталья Аркадьевна – доктор филологических наук, академик МАНПО, профессор кафедры современного русского языка Московского государственного областного университета; e-mail: kaf-sovrusl@mgou.ru

Канафьева Алевтина Васильевна – доктор филологических наук, доцент кафедры современного русского языка Московского государственного областного университета; e-mail: kanafeva.alya@mail.ru

Козловская Алёна Александровна – аспирант кафедры современного русского языка Московского государственного областного университета, учитель русского языка и литературы средней общеобразовательной школы «Интеллект-Сервис» г. Железнодорожный; e-mail: agafonova_2008@bk.ru

Копосов Лев Феодосиевич – доктор филологических наук, профессор, зав. кафедрой истории русского языка и общего языкознания Московского государственного областного университета; e-mail: fakul-rf@mgou.ru

Кривоносова Мария Александровна – аспирант кафедры русского языка Брянского государственного университета им. академика И.Г. Петровского; e-mail: olgamischerskaya@mail.ru

Кузина Ольга Васильевна – соискатель учёной степени кандидата филологических наук кафедры русской классической литературы Московского государственного областного университета; e-mail: kuzina85@bk.ru

Мацкевич Светлана Мирославовна – соискатель учёной степени кандидата филологических наук кафедры современного русского языка Московского государственного областного университета, учитель русского языка и литературы муниципального общеобразовательного учреждения Дубковская средняя общеобразовательная школа «Дружба» Одинцовского района; e-mail: ravlik_s@mail.ru

Михайлова Ирина Петровна – кандидат филологических наук, старший преподаватель кафедры литературы Курского государственного университета; e-mail: mihailovairin@mail.ru

Николашвили Марина Николаевна – кандидат филологических наук, преподаватель Пищевого колледжа №33 г. Москвы; e-mail: marina.nikolashvily@mail.ru

Орехова Елена Николаевна – доктор филологических наук, доцент кафедры современного русского языка Московского государственного областного университета; e-mail: toptygina@gmail.com

Петрова Оксана Олеговна – аспирант кафедры русского языка филологического факультета Калужского государственного университета им. К.Э. Циолковского, учитель русского языка и литературы Муниципального бюджетного общеобразовательного учреждения средняя общеобразовательная школа № 12 г. Калуги; e-mail: poks1990@yandex.ru

Попова Нина Викторовна – соискатель учёной степени кандидата филологических наук кафедры теории литературы и литературной критики Литературного института им. А. М. Горького; e-mail: info@porovanina.ru

Рупосова Лидия Петровна – кандидат филологических наук, доцент, профессор кафедры истории русского языка и общего языкознания Московского государственного областного университета; e-mail: ruposova-lidiy@jandex.ru

Самофалова Елена Александровна – аспирант кафедры литературы Курского государственного университета; e-mail: ikspert@inbox.ru

Трафименкова Татьяна Александровна – кандидат филологических наук, преподаватель русского языка Брянского медицинского техникума им. академика Н.М. Амосова; e-mail: tanya-bryansk@yandex.ru

Шмелёва Анна Вячеславовна – кандидат филологических наук, доцент кафедры русской классической литературы Московского государственного областного университета; e-mail: lug-anna@yandex.ru

ВЕСТНИК МОСКОВСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО ОБЛАСТНОГО УНИВЕРСИТЕТА

Научный журнал «Вестник МГОУ» основан в 1998 г. На сегодня выходят десять серий «Вестника»: «История и политические науки», «Экономика», «Юриспруденция», «Философские науки», «Естественные науки», «Русская филология», «Физика-математика», «Лингвистика», «Психологические науки», «Педагогика». Все серии включены в составленный Высшей аттестационной комиссией Перечень ведущих рецензируемых научных журналов, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертации на соискание учёной степени доктора и кандидата наук по наукам, соответствующим названию серии. Журнал включен в базу данных Российского индекса научного цитирования (РИНЦ).

Печатная версия журнала зарегистрирована в Федеральной службе по надзору за соблюдением законодательства в сфере массовых коммуникаций и охране культурного наследия. Полнотекстовая версия журнала доступна в Интернете на платформе Научной электронной библиотеки (www.elibrary.ru), а также на сайте Московского государственного областного университета (www.vestnik-mgou.ru).

ВЕСТНИК МОСКОВСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО ОБЛАСТНОГО УНИВЕРСИТЕТА

СЕРИЯ «РУССКАЯ ФИЛОЛОГИЯ»
2014. N 6

Над номером работали:

менеджер Отдела по изданию журнала «Вестник МГОУ» Ю.А. Паршенкова
литературный редактор Т.Е. Шаповалова
переводчик И.С. Шаповалов
компьютерная вёрстка Д.А. Зверева

Отдел по изданию научного журнала «Вестник МГОУ»
105005, г. Москва, ул. Радио, д.10а, офис 98
тел. (499) 261-43-41; (495) 723-56-31
e-mail: vest_mgou@mail.ru
Сайт: www.vestnik-mgou.ru

Формат 70x108/16. Бумага офсетная. Печать офсетная. Гарнитура «Minion Pro».

Тираж 370 экз. Уч.-изд. л. 7,75, усл. п.л. 7,75.

Подписано в печать 26.12.2014. Заказ № 2014/12-1.

Отпечатано в типографии МГОУ
105005, г. Москва, ул. Радио, 10а